

ЧИСТОЕ НЕБО

Эх, ладно. Если в двух словах и переводе Гоблина, жили как-то в среднестатистическом сеттинге люди, эльфы и внезапно гоблины, прошу прощения за тафтологию. Жили относительно мирно, пока гоблины не решили повоевать. Люди с эльфами путем нанесения тяжелых физических доказали им, что они не правы, и гоблины пообещали, что больше не будут. А потом эльфы вероломно напали на людей, проиграли войну и были так основательно загнаны под ~~плитус~~ холмы и в леса, что с тех пор прошла тысяча лет, а их никто и не видел.

Но прошли годы и все заверте...

Плач в чаше

Мартин был во дворе замка и видел, как все произошло — как Рори заработал себе прозвище Неудачник, которое пристало потом на всю оставшуюся жизнь. Он вместе с отцом и остальными выгружали из повозки бочонки с соленой рыбой, то и дело отвлекаясь, чтобы бросить взгляд на сэра Уилмота и Рори.

Рори завидовали все ребята Вересковиц. Он жил не в деревне, а в замке на холме, помогал родителям — слугам сэра Уилмота. Год назад тот взял парня в оруженосцы и понемногу обучал его всяким рыцарским премудростям — скорее просто для того, чтобы развлечься самому. А пару дней назад Рори, сияя как новенькая монета, сообщил приятелям из Вересковиц, что через две седмины они с господином отправляются на турнир в столицу, и что сам он будет участвовать в потешных поединках перед главными боями.

Мартин потихоньку вздыхал, поглядывая на рыцаря и оруженосца, круживших друг вокруг друга по замковому двору. У обоих в руках были палки, а у Рори — еще и треугольный щит с белой лютней на черно-зеленом поле, которым он отражал удары сэра Уилмота.

— Шустрее! — покрикивал рыцарь. — Шевелись давай! Это я пузо отрастил, двигаюсь, как хромой медведь, а на турнире против тебя будут ребята куда помоложе и половчей. Шевелись!

Отец окликнул Мартина. Тот принял еще один тяжелый бочонок, прикусив от натуги губу, поставил к остальным, повернулся за следующим. За его спиной дерево со звонким треском било о дерево, слышалось тяжелое дыхание, грузные шаги сэра Уилмота и легкие и быстрые — его оруженосца.

Он снова вздохнул. Рори и сейчас хорошо сражается, а когда вырастет, то сможет отличиться и сам заслужить рыцарский сан. Войн уже сто лет, как не было, но если вдруг случится облава на лесных разбойников или еще что-нибудь... Попадет в дружину барона или даже короля, или вообще станет путешествовать по всему Поднебесному пределу А он, Мартин, так и проторчит до конца жизни в Вересковицах. Разве что будет изредка ездить на побережье, выменивать мед на рыбу. Тьфу ты!..

Мартин снова воспользовался секундной передышкой, чтобы взглянуть на поединок.

— Шустрее, кому говорю! — снова кричал сэр Уилмот. — Опозоришь там меня перед всеми!

Он сделал выпад. Рори шагнул в сторону, его нога неловко подвернулась и он, вскрикнув, стал падать назад. Грохнулся на спину, выпустил палку и щит, и обхватил левую лодыжку, зажмурившись и сжав зубы от боли.

— Ох ты ж небо грозное! — завопил рыцарь и бросился к нему, а вскоре вокруг парня уже суетились его родители и жена и дочь сэра Уилмота. Мартин хотел было бежать в деревню за знахаркой, но рыцарь опередил его.

— Ты... как тебя... Финн! — он ткнул пальцем в одного из крестьян, который растерянно застыл на повозке. — Сбегай за Карой. Быстро, ноги в руки!

Мартин вместе с остальными приблизился. Рори сумел сесть, но все еще держался за лодыжку и был белым как молоко. Мартин подумал, что будь он на его месте, то, наверное, уже ревел бы от боли в три ручья, но оруженосец держался молодцом.

— Простите, сэр, — повторял он, виновато глядя на господина. — Простите, я... я

такой неловкий, сэра...

— Да ты-то тут причем! — гаркнул сэра Уилмот. — Это я, дурачина, загонял тебя совсем! Башка у меня набекрень из-за этого проклятого турнира!

Рори помогли подняться и увели. Мартин и остальные снова занялись рыбой. Пришла знахарка, а через некоторое время рыцарь снова вышел во двор. Он слонялся туда-сюда, запустив пятерню в длинные, уже начавшие сесть волосы, расстроенно кричал, что-то бурчал себе под нос.

— Кара говорит, ногу сломал, — объявил он, наконец остановившись и обращаясь неизвестно к кому. — А все из-за меня, балбеса. Все подгонял его — «шустрее, шустрее» — вот и допрыгался. Небо грозное!

Сэра Уилмот опять принялся мерить шагами двор.

— А оруженосец-то мне теперь новый нужен. Помочь одеться перед поединком, за конем присмотреть... да и копые само себя не подаст, так ведь?

Он снова остановился, рассеянно огляделся вокруг и вдруг указал на Мартина.

— Да вот ты хотя бы. Слышишь, Эван, отпустишь своего паренька на турнир?

Оставшееся до турнира время Рори пытался вдолбить Мартину все то, чему сам научился за год.

— Даже не знаю, как ты справишься, — говорил он, озабоченно хмурясь и качая головой. — Ну меч наточить и кольчугу почистить — это ладно, тяжело, но не сложно, если ты не совсем уж дурачок. Только еще за господской лошастью ухаживать надо, а кто его знает, подпустит Осень тебя к себе, или башку копытом расшибет...

— Да я умею с ними обращаться, — попробовал возразить Мартин. Рори махнул рукой, потерял равновесие и чуть не упал, но вовремя схватился за палку, на которую опирался при ходьбе.

— Ты умеешь в повозке сидеть и клячу финновскую прутиком хлестать, чтобы на ходу не засыпала, когда вы на побережье ездите. А тут нужно обтереть, гриву расчесать, копыта почистить и прочее. Ерунду не мели, а?

Рори ворчал и ругался, но добросовестно объяснял, и насколько позволяла закованная в лубок нога, сам показывал своему сменщику, как должен справляться со своими обязанностями оруженосец. Мартину было его жаль — он помнил, как Рори чуть не задыхался от волнения и радости, рассказывая приятелям, как поедет на турнир. А теперь из-за дурацкой случайности ему придется сидеть дома, да еще нужно натаскивать этого недотепу, который отправится вместо него. И это при том, что неизвестно теперь, когда еще раз выпадет такая возможность — сэра Уилмот был человеком мирным и мечу предпочитал вкусную еду и выпивку. Поэтому он старался поменьше говорить, побольше слушать и по возможности не делать ошибок, а когда наконец пришла пора отправляться в путь, Мартин от души поблагодарил Рори и пообещал, что постарается добыть для него на турнире что-нибудь на память — фигуру с рыцарского шлема или флажок с копья. Тот криво ухмыльнулся, натянул Мартину на самый нос его матерчатую шапку с колпаком и велел не трепаться и проваливать. Потом повернулся и захромал прочь, но Мартину показалось, что в последний момент губы Рори задрожали, а на глаза навернулись слезы. Мартин расстроился сам. Исчезло радостное волнение, с которым он считал дни до начала турнира. Он чувствовал себя виноватым, будто сам подставил Рори подножку и из-за него тот упал и покалечился. Рыцарь, одетый в свой лучший дублет, ехал впереди, а Мартин, понурившись,

сидел на козлах повозки. Исчезли за поворотом Вересковицы, потихоньку удалялся замок — обнесенная невысокой каменной стеной башня на вершине холма, потом дорога запетляла вниз, так плавно, что спуск был почти незаметен. Вокруг расстилался вереск, из-за которого деревня и получила свое название (Мартин иногда думал, правда, что во всем королевстве деревень с таким именем будет десятка два или больше, ведь вереск растет почти везде, кроме холодного скалистого побережья). Солнце стояло высоко, не палящее, но теплое, неяркое в широко раскинувшейся лазури над полями зеленого, лилового и розового, в воздухе плавал сладковатый аромат цветов. Жужжали пчелы, а потом, когда Мартин совсем было загрустил и даже выпустил из рук вожжи — благо, лошадка Финна была смирной и сама трусила за Осенью — ему прямо в лицо влетела большая бабочка с белыми крыльшками. Мартин от неожиданности вздрогнул, чихнул раз, другой, и наконец поднял голову и огляделся вокруг.

— ... чуть постарше, чем Рори сейчас, — громко говорил сэр Уилмот. Все это время, оказывается, рыцарь что-то рассказывал ему. А он, растяпа и не замечал! — Ну да, мне тогда вроде только шестнадцать стукнуло. Отец меня отдал в оруженосцы сэру Блейру Гарнеру, его еще Милосердным называли за то, что все свои поединки пытался к ничьей свести, даже когда побеждал... В общем, приехали мы с ним в столицу на турнир в честь дня рождения Его Величества. Вот это турнир был, я понимаю. Сотня рыцарей приехала! От каждого баронства по несколько, из соседних королевств тоже были. Сэра Блейра, правда, в первый же день в общей схватке из седла вышибли, так он ребра себе при падении сломал и сражаться больше не мог... Я к чему веду, вот это был турнир так турнир, после такого на те, что наши бароны устраивают, можно и не ездить, все равно королевского им не переплюнуть. Лет через десять после столицы, когда меня самого сэр Блейр уже в рыцари посвятил, был я в Золотых Лугах, на тамошнем турнире. Собралось человек двадцать, и все мелкота вроде меня...

— Простите, сэр? — решился вставить Мартин. Сэр Уилмот, хоть не слишком высокий, но крепко сбитый, с широкими плечами и довольно солидным животом, но мелкоту никак не походил.

— Из не слишком знатных, у которых лена — клочок земли да две-три деревни на нем. Или, как у меня, одни эти ваши Вересковицы, — пояснил рыцарь. — И за спиной по десять поколений благородных предков не стоят. Ты ведь про батю моего знаешь, нет?

Мартин на секунду смутился. Историю эту он, как и все остальные в деревне, знал, но что если, скажи он «да», господин обидится?

— Э... нет, сэр, не знаю, — осторожно сказал он. Сэр Уилмот обернулся и подозрительно взглянул на мальчика.

— Да ладно. Батя мой, Леит, бродячим менестрелем был. Шел как-то в Беломост на ярмарку, а тут его милость Киннан со свитой догоняет. Ну, старый барон, отец нынешнего. Охотился в лесу, кабан его любимого пса задрал, так он с горя прямо по дороге напился, еще до города не доезжая. Как батю увидел, с коня слез и за грудки его... Тошно мне, говорит, менестрель. Спой, говорит, чтобы от души, чтоб до костей пробрало. Батя видит — его милость не в себе, еще чего доброго, копьём в пузо ткнет, если не угодишь ему. Ну и постарался. Барон от его песни прослезился, обнимать батю полез, а потом прямо там, на дороге, посвятил его в рыцари. Все как положено — герб пожаловал, ленные угодья — деревню вашу с замком, что от прежнего владельца остался, родовое имя. Был папаша просто Леитом, а стал Леитом Мшанским. Замок-то давно стоял без хозяина, весь мхом зарос.

Любил старый барон хорошую шутку...

Мартин слегка улыбнулся. Всю жизнь он слышал, как крестьяне называли замок господина, но никогда не задумывался об этом. Мшаны и Мшаны.

Сэр Уилмот крикнул.

— Да не мог ты этого не знать. Ладно, о чем это я? После королевского турнира на баронские можно и не соваться, все равно одно разочарование. Так-то.

— Но ведь на этот вы едете, сэр, — недоуменно заметил Мартин. Рыцарь, что придержал лошадь, и теперь трусил рядом с повозкой, помрачнел.

— А куда деваться? К Бонни, цветочку моему, сын Тойнов посватался. Осенью, наверное, свадьбу уже играть будем, а где я денег на приданое добуду? Вересковицы трясти — рука не поднимется, да и много ли с вас возьмешь?

— Ох... Поздравляю, сэр, — пробормотал Мартин. Он не был уверен, как поступают в таких случаях, но на всякий случай снял шапку и поклонился. Рыцарь махнул рукой.

— Денег и так кот наплакал — хорошо вот, кстати, что ты верхом ездить не умеешь, а финнову повозку взял. Я по дороге в ней ночевать буду — и не уведут, и на постоянный двор не придется раскошелиться. В общем, вовремя барон турнир назначил, дай Небо ему здоровья. Тебе, может, Рори рассказывал — рыцарю, что победит в поединке, достаются конь и броня проигравшего. Мне бы только одну схватку выиграть, а там или продам все это добро кому-нибудь, или назад хозяину верну за выкуп. В любом случае и на приданое, и на свадьбу хватит.

— Но сэр, — сказал Мартин, — А если вы проиграете?

— А вот об этом я даже и думать не хочу, — проворчал рыцарь, хмурясь. — Должен победить. Хотя бы в одной схватке.

Он хлестнул Осень и ускакал вперед.

В темноте кто-то тихо плакал. Мартин проснулся от этих жалобных высоких всхлипов, подскочил и больно ударился головой о дно повозки. Он хотел было выбраться из-под нее, но застыл, парализованный страхом. Ночь, лесная поляна, где они остановились на ночлег, во тьме еле видны силуэты деревьев и чуть светятся тускло-красным угли уже почти догоревшего костра. Кто может здесь плакать голосом ребенка?

В чаще, кажется, совсем рядом, раздавались шорохи. Тихий, неразборчивый шепот и снова горький плач. Мартин затаил дыхание и старался не шевелиться. Ладно бы если это призраки. Призраки безвредны. А если... если это те, кто не смотрит в небо? Он крепко зажмурился и постарался подавить охватившую его дрожь. Может быть, все обойдется. Может, они пройдут мимо.

Плач и шепот приближались, а потом в темноте всхрапнула и заржала Осень.

Мартин открыл глаза. Если это те, о ком он подумал, то с них станется заколдовать лошадей, и тогда завтра Осень взбесится, сбросит сэра Уилмота на землю, и тот сломает себе шею. Или лошадка Финна вдруг понесет и опрокинет повозку. Те, кто не смотрит в небо со времен своего изгнания только и делали, что как могли, вредили людям — насылали мор на овец, высушивали колодцы, убивали младенцев в колыбели. Об этом знали все. Так же, как и о том, что отпугнуть их можно было только с помощью...

Мартин на четвереньках выполз из-под повозки.

— Сэр Уилмот! — он хотел кричать, но из горла вырвался хриплый шепот, чуть громче того, что звучал в чаще. — Сэр, проснитесь! Там...

Из-за полога показалась взъерошенная голова рыцаря. Вряд ли его разбудила поднятая мальчишком тревога — скорее ржание Осени.

— Гром меня разрази, — пробормотал тот, моргая. — В чем дело? Еще же не утро! Какого...

— Меч, сэр, — взмолился Мартин. — Быстрее, пожалуйста! Ваш меч!

— Чего?..

Снова тихий плач, уже, кажется, совсем рядом. Мартин в отчаянии сжал кулаки. Сэр Уилмот не успеет! Его оружие где-то там, в повозке, а они вот-вот покажутся!

— Там что, ребенок хнычет? — недоуменно пробормотал рыцарь и почесал в затылке. Мартин заметил, как в темноте что-то тускло блеснуло.

Перстень!

Он схватил господина за руку и поспешно стащил с пальца рыцарский перстень.

Сэр Уилмот, вконец сбитый с толку, возмутился.

— Ты чего творишь?! Что тут происходит вообще, небо грозное?!

— Там эльфы, сэр!

— Чего?

— Эльфы! Те, кто не смотрит в небо!

Мартин крутанулся в сторону, откуда приближался плач, выставил перед собой руку с зажатым в ней перстнем.

— Да ладно, — нерешительно сказал рыцарь. — Дорога же совсем рядом, а они в самой чаще живут и носа оттуда не кажут, это все знают. Откуда им здесь..?

— Доставайте меч, сэр! Металл — они металла боятся!

Осень заржала снова. Из темноты одна за одной выныривали черные тени — невысокие, тонкие, горящиеся. Сэр Уилмот, ругаясь на чем свет стоит, нырнул вглубь повозки, под холщовый полог.

— Стойте! — обмирая от страха, закричал Мартин. Он еще крепче стиснул пальцами перстень. — Дальше ни шагу, а то...

Одна из теней, странная и бесформенная, взвизгнула — и снова заплакала тонким детским голоском. Еще две, рядом с ней, сгорбились еще сильнее и зашептали, запричитали о чем-то. В это время рыцарь вывалился из повозки, сжимая в руке обнаженный меч и сыпя ругательствами.

— А ну, покажитесь, твари! — орал он. — Покрошу на куски! Думаете своим колдовством...

Бесформенная тень неловко шагнула вперед.

— Неба ради, милорд, не гневайтесь, — проговорила она. — Мы не хотели ничего плохого, мы уйдем, если пожелаете. Простите, милорд...

Это оказалась молоденькая женщина, миловидная, но изможденная и оборванная; на руках у нее, обхватив за шею, сжалась темноволосая девочка лет четырех. Она всхлипывала и со страхом косилась на поблескивающий в бледном свете луны клинок.

— Простите, милорд, — повторила женщина и тоже заплакала.

По приказу рыцаря Мартин снова развел костер. Сам сэр Уилмот, смущенно бурча себе под нос, выложил перед оборванцами еду, что осталась с вечера — овощи, хлеб, сыр, немного вяленого мяса.

— Тут это... немного, конечно, — сказал он. — Я ж не знал, что еще компания будет.

Женщина — она назвалась Илейн — прижала руки к сердцу.

— Милорд, я...

— Милорд в баронском замке сидит, — проворчал сэр Уилмот. — А я обычный рыцарь. Ну, рассказывай, как вас в лес занесло. Не грибы же вы посреди ночи собирали.

— Мы идем в Беломост, — ответила она. — От остальных отбились, а дороги не знаем, мы ведь не местные. Совсем было заблудились, но, слава небу, набрали на вашу повозку. Я всего лишь хотела спросить... может быть, вы знаете, как добраться до города...

Рыцарь пожал плечами.

— Да я сам в Беломост еду. Хотите — присоединяйтесь. Думаю, завтра после полудня уже на месте будем.

Мартин, усевшись чуть поодаль, в стороне от огня, настороженно рассматривал незнакомцев. Илейн, кажется, была у них за главную — говорила она, а двое растрепанных седых стариков, поклонившись рыцарю и пробормотав слова благодарности, жадно набросились на еду. Девочка, наверное дочь Илейн, наоборот, так устала, что поклевала совсем немного и уснула, свернувшись в клубок, прямо на траве.

Мартина снова кольнуло подозрение. Что-то с ними было не так. А вдруг это действительно эльфы? Хотят разжалобить, усыпить внимание, а потом улучшить момент и наслать какое-нибудь проклятие. А что похожи на людей, так никто толком не знал, как выглядят те, кто не смотрит в небо. Мартин слышал разное. Кто говорил, что они совсем мелкие, по пояс обычному человеку, кто — что у них на руках по семь пальцев, а спина и затылок полые. Или что вместо ног у эльфов птичьи лапы.

Он даже привстал и вытянул шею, пытаясь рассмотреть пришельцев получше. Старик, кряхтя, ломал кусок уже начавшего черстветь хлеба. В отблесках костра его руки выглядели темными и грубыми, с корявыми пальцами и длинными ногтями — но пальцев на каждой было по пять, как у всех.

И босые ступни у Илейн самые обычные, человеческие. Мартин поймал себя на том, что скользит взглядом выше, покраснел и поспешно отвел глаза. Он чувствовал себя глупо. Перепугался, как маленький просто, зря поднял тревогу. Что господин теперь о нем подумает?

— Не знаю, как вас благодарить, милорд, — говорила женщина. — Может, вы знаете и как к его баронской милости попасть? Вы ведь из благородных, в любое время можете к его милости входить, а нас и к замку его, наверное, не подпустят.

— Э-э... ну тут ты загнула, конечно, — ответил сэр Уилмот и смущенно почесал в затылке. — Я ж говорю, я обычный рыцарь, у барона таких с дюжину будет. Он и в лицо меня не помнит. А вам-то к нему зачем?

Илейн обхватила себя руками, будто от внезапно налетевшего порыва ледяного ветра.

— У нас беда, милорд, — прошептала она. — Мы живем на Чаячьем берегу... то есть жили. Деревни нашей больше нет. Разгромили все, дома и лодки сожгли...

Сэр Уилмот выругался.

— Вот же..! — крякнул он и в сердцах хлопнул себя по колену. — А я слышал, последнюю разбойничью шайку в округе еще в прошлом году прихлопнули. Так тебе к самому барону необязательно идти. Как в городе будем, пожалуйся первому стражнику, что на глаза попадется — да хотя бы тем, что ворота охраняют — а те дальше передадут. Дружина на побережье придет, всех этих негодяев до одного переловят и повесят. Может, и добро ваше еще вернут. Хотя какое у вас там добро... сети да распялки для рыбы.

Илейн, не отводя глаз от огня, грустно покачала головой.

— Некого ловить, милорд. Они как позапрошлой ночью налетели, так до рассвета еще и ушли. Сейчас, наверное, уже на острове своем.

— На острове? — не понял сэр Уилмот. — Погоди-ка, женщина, на каком острове?

— На Тронхельме, милорд, — пожала плечами она. — На Чаячий берег всегда тронхельмские приходили. Только раньше торговать, а сейчас...

— Так на вас гоблины напали?! — выпалил Мартин.

Быть не может! Давным-давно великий правитель Ройс Золотой разбил войско гоблинов в битве, нанес им такое сокрушительное поражение, что прошли сотни лет, и держава Ройса распалась на мелкие королевства, а те все равно не решались снова пойти войной на южные земли. Сидели на своих холодных островах за Буйным морем, грызлись между собой клан на клан, приплывали на огромных змеях, чтобы обменять янтарь и каменное дерево на овечью шерсть и пшеницу. Большие, на голову выше любого из людей, с толстыми руками и ногами, грубой темно-серой кожей, с вытянутыми лицами, больше похожими на птичьи клювы; они одевались в куртки-безрукавки даже зимой, будто не чувствовали холода — или уже привыкли к нему у себя на севере, и носили на поясе ножи. Мартин слышал, что после разгрома и заключения мира Ройс Золотой объявил главам гоблинских кланов, что их народ может вести торговлю с королевством, но гоблинам запрещалось ступать на берег с боевым оружием. Мартин видел их несколько раз, последний — этой зимой, когда вместе с остальными ездил в одну из рыбацких деревень. В море, покачиваясь на серых волнах и выгнув длинную шею, виднелся темно-зеленый змей, а гоблинские купцы сновали как муравьи, сгружали тюки с товаром с досчатых гнезд у него на спине и швыряли их вниз, в поджидающие лодки; на берегу их наваливали на телеги и везли дальше, в столицу. Гоблины разговаривали грубыми хриплыми голосами, коверкая слова, и выглядели мрачно и даже устрашающе, но слыли честными торговцами, и вели себя мирно...

— Да быть такого не может! — воскликнул сэр Уилмот. — Ройс Золотой же, когда ярлунги просили мира, заставил их поклясться, что больше никто из гоблинов на нас оружие не подымет во веки веков! А я их знаю, для них клятва — это святое. Они сдохнут скорее, чем...

— Ни о чем таком я не слыхала, милорд, — сказала Илейн. — Но только гоблины сожгли нашу деревню, всех мужчин, что пытались защищаться, убили, а кто выжил, угнали с собой, и Аррана моего тоже. Мы вот с его родителями и Шинной спаслись, только что делать дальше — ума не приложу...

Она уронила голову на руки и снова тихо заплакала.

Белая лютня на черно-зеленом

К наступлению темноты у Мартина гудела голова от увиденного за день. Уже утром они выбрались из леса и по сторонам дороги потянулись зеленые поля и аккуратные деревеньки, потом вдалеке заблестела река, а на том ее берегу прямо к небу взлетала каменная стена. Все чаще и чаще встречались пешеходы, всадники, телеги и повозки, груженные всякой снедью — похоже, что в столицу стекался народ со всей округи. Ближе к полудню они пересекли мост белого камня, давший имя городу; сэр Уилмот заметил, что его построили еще до правления Ройса Золотого. Вблизи городская стена оказалась не такой огромной, как почудилось Мартину сначала, но зато он разглядел свисавшие с бойниц полотнища с белой башней на красном поле и тремя звездами над ней. Рыцарь и тут пришел на помощь, объяснив, что это герб баронов Тиреннов. Та же эмблема красовалась на сюрко стражников с копьями и короткими мечами на поясе, что стояли у городских ворот. Сэр Уилмот спешился и легонько подтолкнул робеющую Илейн к одному из них. Выслушав женщину, стражник позвал своего товарища, сказал ему что-то и тот знаком приказал Илейн с дочкой и стариками следовать за собой.

— Что с ними будет? — набравшись смелости, спросил Мартин. Стражник, хмурясь, пожал плечами.

— Повторят, что мне рассказали, капитану, а может и его милости барону, если там действительно все так серьезно. А потом, наверное, к солнечным сестрам. Нищие и бродяжки — это по их части. Жилье им подыщут, девчонке работу какую-нибудь... Ладно, а вы-то к нам зачем?

Рыцарь показал стражнику свой перстень.

— Уилмот Мшанский, приехал на турнир.

— Вам, сэр, к распорядителю нужно, — сказал тот, поклонившись. — Чтобы он внес вас в список участников. Езжайте в замок его милости, на воротах спросите Дугала, ребята вас к нему проводят.

Стражник объяснил, как найти дорогу к замку, а потом по просьбе сэра Уилмота указал, как проехать к ближайшей таверне.

— Здесь совсем рядом, сэр, — сказал он. — Поедете от ворот прямо, на первом перекрестке свернете направо, на Гончарную улицу, в самом конце есть местечко, «Журавль» называется...

Больше всего Мартин боялся, что собьет кого-нибудь, или что повозка просто застрянет — улочки в Беломосте были узкими, а людей на них... он еще никогда не видел такого столпотворения. В Вересковицах жили двенадцать семей, в Сорочьих Камнях, которые принадлежали соседям сэра Уилмота Тойнам — вдвое больше, но в обеих деревнях народу было, наверное, меньше, чем на одной городской улице. Со всех сторон неслись голоса, крики, стук башмаков по камням. И дома здесь встречались каменные, хотя деревянных было больше. Высокие, трех — и четырехэтажные, они нависали над улицей, так, что почти закрывали небо.

В одном из таких располагался «Журавль»; из открытой двери таверны доносились вкусные запахи, над ней красовалась деревянная вывеска с изображением птицы с кружкой в лапе, а рядом — треугольный щит лазоревого цвета, на котором красовался вставший на дыбы золотой единорог. Под щитом, подпирая стену, скучал парень в дублете тех же цветов.

— Чей герб? — окликнул его сэр Уилмот. Парень встрепенулся и церемонно склонил голову.

— Доблестного рыцаря Малкольма Стаутона из Кленового Бора, что в Восточном пределе, вассала барона Алистера Мосса, — ответил он. — Лазурь на гербе символизирует вечное небо, золото — добродетели дома Стаутонов, единорог — главнейшие из них, чистоту и стойкость. Девиз — «С выбранного пути не сверну». Герб дарован пра-пра-прадеду сэра Малкольма его милостью бароном...

— Погоди-ка, парень, — остановил его рыцарь. — А скажи, готовят тут вкусно?

Тот ухмыльнулся и пожал плечами.

— Мой господин не жалуется. Утку у них тут хорошо жарят. Разве что пиво могло и покрепче быть...

— Сойдет, — кивнул сэр Уилмот, и, обернувшись к Мартину, добавил — Не у одного меня, оказывается, денег на шатер нет. Ну да ладно, все равно те, что у турнирного поля в собственных шатрах остановились, будут слуг за едой и выпивкой в город гонять. А так все под боком. Давай, заводи повозку на задний двор, а потом Осенью займись. Отдохну немного и в замок к этому... как его... Дугалу двинусь.

Час спустя черно-зеленый щит с белой лютней висел рядом с золотым единорогом Стаутонов, а Мартин, одетый в цвета своего господина, занял место внизу, время от времени разминая затекшие ноги. Стоять так предстояло до темноты, на случай если кто-нибудь из прохожих поинтересуется, что за рыцарь остановился в «Журавле».

— Ну, ты слышал, как этот парнишка мне ответил, — тихонько сказал ему сэр Уилмот, наклонившись в седле. — Сможешь так же, да? Зеленый — лес, черный — печаль, все такое?

— Конечно, сэр.

Рыцарь невесело усмехнулся.

— То-то местные посмеются, услышав про бату-менестреля, который благодаря баронскому псу титул получил... А, да и пес с ними!

Он легонько хлестнул Осень и потрусил прочь, лавируя между снующими по узкой улочке людьми и покрикивая на особо нерасторопных.

Мартин чувствовал себя не в своей тарелке, хотя старался не подавать вида. Старое выцветшее сюрко рыцаря и для Рори было велико, а на нем просто висело, как на пугале. Прохожие посмеивались, проходя мимо. Хорошо еще, что парень-оруженосец не стал издеваться.

— Не бери в голову, — посоветовал он. — Это сейчас они зубоскалят, а через пару лет, как станешь в потешных боях участвовать, станут за тебя драть горло. Со мной, когда с сэром Малкольмом впервые на турнир приехал, та же история была.

— Через пару лет? — удивился Мартин. Он хотел попытаться счастья уже завтра. Драться на палках Мартин особо не умел, но все равно надеялся попробовать себя на ристалище против других оруженосцев, просто чтобы было потом чем хвастаться перед приятелями. Не убьют же его в конце концов!

Парень окинул его взглядом.

— Тебе сколько? Двенадцать, тринадцать?

— Одинадцать, — пробормотал Мартин.

— К боям с четырнадцати лет допускают. И вообще, не обижайся, но больно ты худой и мелкий. Сломают тебе что-нибудь — как потом своему господину помогать будешь?

Он повесил голову.

— Да не кисни, успеешь еще подраться, — сказал парень. — Последний твой турнир, что ли?.. Я Йен.

Мартин хотел ответить что вообще-то да, последний, что он даже не настоящий оруженосец, а всего лишь замена сломавшему ногу Рори, но вместо этого просто назвал себя.

Они разговорились. Йен беззлобно посмеялся, услышав о ночной встрече в лесу, но когда Мартин закончил рассказ, даже побледнел.

— Да врет эта Элин, или как ее, — нерешительно сказал он. — Не может такого быть. Гоблины уже тысячу лет к нам не совались... их ярлунги королю клятву дали...

Мартин пожал плечами.

— А зачем ей врать? Если бы это были разбойники — так бы и сказала. Только сэра Уилмот говорит, что последнюю шайку в округе в год назад еще разгромили.

Йен помрачнел.

— Это значит, и к нам наведаться могут... Нужно тогда господину сообщить. У него весь удел, считай, вдоль берега тянется. Две деревни и монастырь братьев Чистого неба впридачу. А до ночи от щита отходить нельзя. Эх...

Он озабоченно вздыхал, ерошил волосы и даже не сразу услышал, как проходивший мимо плотный человек в богатой одежде спрашивает, что за рыцарь остановился в таверне. Мартину пришлось легонько пихнуть Йена в плечо.

— Ох, простите, господин! — спохватился он. — Доблестный рыцарь Малкольм Стаутон из Кленового Бора, что в Восточном пределе, вассал барона Алистера Мосса, два года назад на турнире в Туманной Переправе выбивший из седла самого королевского гвардейца Лайла Бакстера!

Мартин забеспокоился. Йен описывал герб своего господина, потом принялся рассказывать, как его предок заслужил титул, во время битвы прорубившись к предводителю вражеского войска и вырвав у того из рук знамя, человек, судя по кафтану и плащу из дорогой ткани, купец или дворянин, кивал и поглаживал полуседую бороду. Сейчас, наверное, спросит про сэра Уилмота, а после такого рассказа история о бродячем менестреле, пьяном бароне и его псе вряд ли впечатлит его.

Так и случилось. Бородач выслушал Йена, снова покивал, бросил ему выуженную из кошелька на поясе монетку, и с усмешкой обратился к Мартину:

— Ну а кто твой хозяин, паренек? Я часто бываю на турнирах по делам, знаешь ли, но молния меня порази, если встречал хоть на одном из них этот щит.

— Сэр Уилмот из Мшан, господин, — ответил он. — Вассал его милости герцога Ода Тиренна.

— Сэр Уилмот из Мшан, я вижу, предпочитает жизнь мирную и спокойную, — протянул купец — наверное, все-таки купец, решил Мартин. Он снова ухмыльнулся и смерил взглядом выцветшее сюрко, что так и норовило сползти с плеч мальчика. — На ристалище не появляется, да и на гербе у него безобидная арфа. Надеюсь, завтра удача ему улыбнется, и он сможет хоть оруженосца одеть по-человечески.

— Лютня, господин, — сказал Мартин. Он разозлился, хотя и старался не подавать вида. Этот тип смеялся! И ладно бы над ним самим, но он потешался над сэром Уилмотом, а сам, наверное, ничего опаснее ножики для разделки мяса в руках не держал. — Это лютня, а не арфа. Тогдашний барон потерял в бою лучшего друга и возвращался домой в тоске и горе. Он даже собирался свести счеты с жизнью, но небо послало ему навстречу предка моего господина. Своей игрой он исцелил душу его милости и отогнал от него порожденные

отчаянием черные мысли. Заэто барон прямо там, на дороге, посвятил его в рыцари и пожаловал ленные владения и герб — как вы можете видеть, господин, зеленый цвет на нем означает лес, где погиб друг его милости, черный — поразившее его горе, и белая лютня — исцеление и мир, которые даровал ему предок сэра Уилмота.

Мартин замолк, переводя дыхание. Он был готов к тому, что купчик сейчас снова начнет зубоскалить, но тот наоборот, нахмурился и опять принялся теревить бороду.

— Такое умение дорогого стоит, — наконец тихо произнес он. — Знаю, каково вашему барону было. Был у меня дружок, по соседству росли, вместе дело открыли, он сестру свою за меня отдал... Говорил же ему — не скупись на охрану, в южных землях беспокойно, разбойников — шайка на шайке. Не послушал, поехал с караваном, так и сгинул. Эх, Крейтон... Кто бы мне сыграл, чтобы на душе так погано не было?

Купец побрел прочь, вздыхая и бормоча себе под нос, но, пройдя несколько шагов, обернулся.

— Лови, парнишка. И рыцарю твоему удачи.

Монетка блеснула в неярких лучах и Мартин еле успел поймать ее — медяк с выбитыми на нем двумя звездочками.

Ну вот. Расстроил человека. Он задирался, это да, но вот так, сам того не желая — и по больному. И слова еще такие подобрал... Знал, конечно, что такие существуют, но в жизни так не разговаривал.

Йен снял с пояса флягу, отпил немного, и протянул ее Мартину. Тот благодарно кивнул.

Так они простояли до темноты, переговаривались и глаза на прохожих. Йена еще несколько раз спрашивали об остановившемся в «Журавле» рыцаре, потом спросили и Мартина, а когда любопытствующие ушли своей дорогой, он увидел, что все это время за ним наблюдал, спешившись и уперев руки в бока, сэр Уилмот.

— По шее бы тебе съездить, — задумчиво сказал рыцарь. Его слегка шатало — наверное, по дороге нашел заведение, где пиво было достаточно крепким. — Ты чего людям плетешь? Сказал бы уже как есть, а то выдумываешь всякую...

— Что же я сказал не так, сэр? — спросил Мартин.

— Ну вот, что в бою это случилось. В каком, небо грозное, бою? Охота и охота...

— Но ведь пес дрался, сэр? Он не дал бы кабану убить себя просто так?

Рыцарь крякнул.

— Ну а это... что его милость друга лишился?

— Вы ведь сами сказали, что это был его любимец. — возразил Мартин. Сэр Уилмот задумался.

— Что-то я туго соображаю. А с чего ты взял, что старый барон хотел на себя руки наложить?

— Может быть, и не хотел, — признал он. — Но ведь его об этом уже не спросить, сэр, не так ли?

Сэр Уилмот молча глядел на Мартина, потом хлопнул себя по колену.

— А ты ведь прав, паршивец. И звучит твоя история лучше, как ни крути... Знаешь, что? Теперь, если спросят, сам стану так рассказывать. Ладно, хватит тебе стену подпираТЬ. Отведи Осень на задний двор и сходи, возьми себе поесть чего-нибудь. И на боковую. Завтра тот еще денек будет...

Беломостский турнир

По зеленому лугу, который раскинулся сразу за Беломостом, гулял ветер. Он пробежал рябью по сверкающей солнечными зайчиками реке, шелестел в кронах деревьев, норовил оторвать и унести ленты с высоких шляп женщин и хорошеньких девиц. Ветер подхватывал и разносил по всему лугу звуки ярмарки — крики, смех, ругань, купцы наперебой расхваливают свой товар, поют и играют менестрели, ревут, мычат и блеют животные.

— По сторонам не зевай, — ворчал сэра Уилмот, пока они с Мартином пробирались сквозь толпу. Рыцарь вел лошадь под уздцы, чтобы не утомлять ее перед схваткой. — Попадешься кому-нибудь под ноги — затопчут и не заметят. И чего они все орут так, небо грозное...

Перед тем, как покинуть таверну, он сунул голову в бочку с холодной водой, но как видно, это помогло не до конца. Сэр Уилмот хмурился и старался не глядеть по сторонам. Мартин, наоборот, вертел головой так, что даже шея стала ныть. Он-то считал, что видел столпотворение вчера на улицах Беломоста! Сколько людей! Сколько ярких цветов! Сколько голосов! Он различил несколько диалектов Золотой речи, общего языка, на котором говорили земляки бывшей державы короля Ройса, резкий раскатистый говор убрийцев с северо-западных гор, еще какой-то, шипящий и мягкий, от которого на ум приходили притаившиеся в траве черные блестящие змеи.

Они прошли мимо палаток, рядом с которыми разложили свой товар гончары, сапожники, мастера по дереву; с другой стороны жарили колбаски, предлагали лепешки с медом и прочую снедь, Мартин, кажется, увидел вчерашнего купца — тот, уперев руки в бока, покрикивал на своих подручных, которые сгружали с телеги бочки с вином. В уши снова ударила музыка — дудки, барабаны и еще какие-то инструменты, которых мальчик раньше ее слышал. Гибкие люди с разрисованными лицами и в ярких красно-желтых костюмах и колпаках с бубенцами прыгали, выгибались, складывались чуть ли не вдвое и при этом успевали подбрасывать и ловить тряпичные мячики; рядом переминался и приплясывал огромный черный медведь на цепи.

Над морем людей плескались флаги на высоких шестах — башня и звезды баронов Тиреннов и королевские солнце и меч, желтые на сине-белом поле. Потом запели трубы; следуя за звуком, они вышли на дальний конец луга, к ристалищу, обнесенному деревянной оградой. Здесь уже толпились зрители из простолудинов, и их количество быстро росло. Деревянный помост напротив был задрапирован красно-белым, и места на нем пока пустовали кроме одного-двух, занятых важного вида людьми в богатой одежде. На невысоком холме на другой стороне ристалища, за оградой, красовались шатры — белый с желтым, светло-зеленый, черный в синюю полоску... Мартин даже зажмурился, так зарябило в глазах от ярких цветов.

— Зря я, похоже, на баронские турниры напраслину возводил, — сказал сэра Уилмот. — Компания съехалась знатная. Вон видишь зеленый шатер? Не светлый, темно-зеленый. Дуан Слейт, Рыцарь Чаши. Один из трех сильнейших бойцов Эйрии. Мое счастье, что он сегодня драться не будет...

— Почему нет, сэра? — удивился Мартин. — Он нездоров?

Рыцарь ухмыльнулся.

— Здоровее нас обоих вместе взятых. Я слышал, он записался на завтрашние бои на

выбывание. Четыре пары сходятся, выигравшие схватку сражаются между собой и так дальше, пока не останется один победитель. А сегодня потешные бои оруженосцев и общая свалка. Одиннадцать рыцарей с одной стороны, столько же с другой. Когда начнется, ты за мной следи. Если увидишь, что я с коня навернулся и не поднимаюсь, стрелой лети на поле, хватай меня и тащи к лекарям в палатку. И сам постарайся под копыта не попасть. Я попробую, конечно, до конца боя продержаться, но тут уж как...

— Может, вам тогда тоже стоило выступить завтра? — осторожно спросил Мартин. — Против одного все-таки легче, чем против нескольких одновременно.

— А ты сам подумай. Зачем я вообще на турнир поехал?

— Вам нужны деньги на приданое для леди Боннибель.

— Ну вот. В общей свалке мне всего-то и нужно, что одного соперника победить, а потом как-нибудь до конца боя продержаться и не попасть никому под горячую руку. Рискованно, конечно, но все лучше, чем лезть на рожон в боях на выбывание. Выбью я, допустим, первого противника из седла, придется со следующим драться, а если он меня по ристалищу не размажет, то еще с одним. А я себя знаю, такой подвиг мне не потянуть. Тем более, если против меня Рыцарь Чаши выйдет. Соображаешь?

Мартин только и успел, что помочь сэру Уилмоту облачиться в кольчугу, подать ему шлем и затянуть шнуровку кожаных наручей, когда со стороны ристалища снова раздались трубы.

— Его милость, наверное, уже место в ложе занял, — заметил тот. — Скоро начинать будут.

Мартин огляделся. Рыцари, которые собрались в роще у подножия холма, довольно мирно переговаривались друг с другом, пока вокруг них суетились оруженосцы и слуги, будто скоро им не предстояло вышибать друг друга из седел. Большинство были в кольчугах, некоторые в панцирях, вороненых, покрытых цветной эмалью, или простых, вспыхивающих серебром в лучах солнца, которое пробивалось сквозь листву. Шлемы — высокие конические, с планкой для защиты носа, вроде того, что носил сэр Уилмот, громоздкие, похожие на ведро, с узкими прорезями для глаз и разноцветными фигурами и плюмажами из перьев на макушке, «гоблинские головы» с вытянутым вперед забралом. И столько разного оружия — мечи, булавы со стальными перьями и в виде шара с шипами, правда, совсем затупленными, топоры, копыя, древки которых были окрашены в цвета герба их хозяев...

— Сэр Уилмот!

К ним подошел высокий длинноволосый рыцарь в лазоревом с золотым единорогом. Мартин догадался, что это их сосед по «Журавлю» еще до того, как увидел Йена, который почтительно держался позади хозяина.

— Сэр Малкольм, — отозвался тот и поднял руку в знак приветствия. — Я надеялся, что мы доберемся до ристалища вместе, но вы меня опередили.

Малкольм Стаутон покачал головой.

— Наверное, стоило приехать попозже, — признал он. — Не пришлось бы слушать вопли нашего гостя из Венардии.

Сэр Уилмот приподнял бровь.

— Эдвард Моксли, Рыцарь-Ворон. Его крики было слышно, наверное, и в городе. Герольды попросили его снять перчатку, чтобы убедиться, что он не носит браслет. Небо, вы бы слышали, как он возмущался. Он-де в числе лучших бойцов Венардии, ведет свой род от лорда-хранителя печати при самом Ройсе Золотом, и сделал одолжение, что вообще явился

на этот убогий турнир... — сэра Стаутон покачал головой. Йен за его спиной задрал нос кверху и скорчил такую гримасу, что Мартин невольно улыбнулся. — Он действительно знатный боец, и происхождения самого что ни на есть благородного, но после этой выходки я пожалел, что буду сражаться на его стороне.

— Понимаю, приятного мало.

— Что поделаешь, — пожал плечами он. — Его милости барону было угодно разделить партии сражающихся сегодня на восточную и западную. Мои владения лежат в Восточном пределе, на границе с Мидом, так что...

— Почту за честь скрестить с вами мечи, — улыбнулся сэра Уилмот.

— Как и я... Послушайте, сэра, тут мой мальчишка слышал от вашего, что гоблины-де сожгли какую-то деревушку на побережье. Это правда?

Прежде чем рыцарь успел ответить, на ристалище в третий раз запели трубы.

Количество зрителей успело вырасти, наверное, вдвое — горожане и жители окрестных деревень толпились за оградой, на помосте в окружении домашних и свиты Мартин разглядел самого барона Тиренна. Он догадался, что это барон по украшенной серебряной вышивкой одежде и тонкому обручу в волосах. Мартин всегда представлял его стариком, но Од Тиренн оказался довольно молодым — может, вдвое моложе сэра Уилмота. Он время от времени поднимал руку, кивал и благосклонно улыбался участникам турнира, когда те, делая круг по ристалищу, оказывались напротив помоста.

— Сэра Грейм Касвелл из Черных Холмов! — выкрикивал герольд. Рыцарь в блестящих на солнце латах и черном сюрко придержал коня, отсалютовал своим копьем барону, еще раз — зрителям за оградой, и не торопясь двинулся дальше.

— Сэра Суибен Торпин из Звездного Замка!

Весь в черном и темно-синем, щит тех же цветов украшен россыпью звезд, даже попона коня в черно-синюю полосу.

— Сэра Уиллиг Дьюолл по прозвищу Лыдистое Копье из Зимнего Приюта!

У этого шлем был приторочен к седлу, длинные светлые волосы рассыпались по спине и плечам, натянутым в голубое сюрко; на белом щите серебристо-синяя снежинка.

— Сэра Уисдин Тарлингтон из Трех Ключей!..

Стоявший рядом Йен сопровождал представление участников турнира комментариями, но Мартин слушал вполуха. Глупо, конечно, но он на минуту вообразил, что когда-нибудь сам выедет на ристалище. Что вдруг Рори решит, что быть оруженосцем — это не для него, и тогда сэра Уилмот предложит ему, Мартину, освободившееся место. А потом, лет через пять-шесть посвятит его в рыцари, и... Он даже закрыл глаза, представляя себя на коне, в золотистых латах, с мечом у пояса и цветком вереска на желтом щите. От ударов его копья противники летят на землю один за одним, а зрители вокруг оглушительно кричат, подбадривая сэра Мартина из Вересковиц... или нет, не так. Сэра Мартина, Рыцаря Медвяной Пустоши.

— Ты что, уснул? Гляди, вон твой господин едет.

Он вздрогнул и обернулся. Йен тряс Мартина за плечо и указывал на ристалище, где сэра Уилмот как раз поравнялся с местом, где сидел барон и приветственно поднял копье. Мальчик с удовольствием заметил, что толпа кричит и хлопает в ладоши так же громко, как и остальным рыцарям, и с грустью — что кольчуга сэра Уилмота выглядит не такой новой и блестящей, как у других (хотя он из сил выбивался, катая ее по двору замка в бочке с песком), шлем — один из самых простых, без всех этих гребней, фигур и перьев, да и краска

на щите выцвела...

— Сэр Дуан Слейт из Джинтри что в Эйрии, Рыцарь Чаши! — объявил тем временем герольд. Могучий рыцарь в зеленом, с белой чашей на щите и топором у пояса. Его приветствовали особенно громко.

— Тан Фергус Эскроу, владетель Азгула!

Мартин недоуменно склонил голову набок. Это кто, тоже рыцарь? Невысокий, но широкоплечий, с лысой головой и огромной широкой бородицей. Топает на своих двоих и тащит на плече огромный меч размером с него самого; нам нем нет ни лат, ни кольчуги, только туника до колен и наброшенный на плечи клетчатый плащ. По плащу Мартин и понял, что это убриец — видел их торговцев в прибрежных поселках, но почему он без коня?

— Они там в Убре всегда так сражались, — словно прочтя его мысли, сказал Йен. — Одни горы, на лошадях особо не поскачешь. Их танам еще давным-давно позволено выступать на турнирах пешими...

Вдруг он спохватился.

— Ох ты... Сейчас же потешные бои начнутся, а я тут с тобой болтаю!

— Удачи, — с улыбкой пожелал Мартин. Йен хлопнул его по плечу и убежал назад в лагерь у подножия холма, где один из распорядителей уже разбивал оруженосцев на пары.

Деревянные мечи звонко стучали, сталкиваясь, отскакивали от щитов; порой удар достигал цели и тогда вместо треска раздавался мягкий глухой звук, иногда сопровождаемый криком боли. При первом пропущенном ударе или выпаде герольды, которые наблюдали за поединками, тут же вскидывали руки, давая знать, что бой окончен. Мартин сначала удивился этому, даже был немного разочарован, но потом вспомнил слова Йена — и правда, если позволить оруженосцем просто лупить друг друга мечами, пусть и деревянными, не обойдется без серьезных ранений. А со сломанной рукой или разбитой головой своему рыцарю особо не поможешь. Сам Йен схватился с высоким темноволосым парнем в алом сюрко с черным шевроном на груди, и, кажется, был готов вот-вот одержать победу — он наступал, не забывая прикрываться щитом, и осыпал своего противника ударами. Тот попробовал несколько раз достать Йена сам, но увидел, что его защиту не пробить, и сам ушел в оборону. Темноволосый принимал его выпады на щит, отбивал их собственным мечом, пятился, потом вдруг после очередного удара припал на колени; Йен бросился вперед, чтобы наконец опрокинуть соперника, и вдруг недоуменно заморгал, уставившись на конец деревянного меча, что уперся ему в горло. Герольд подал знак об окончании поединка. Йен сокрушенно покачал головой и ушел с ристалища, а темноволосый задержался, кланяясь барону и рукоплещущим зрителям. Когда на ристалище оставались, может, две или три пары бойцов, Мартин спохватился — он ведь не праздный зритель, а оруженосец, и сэру Уилмоту, возможно, нужна его помощь. Он опрометью бросился назад в лагерь, проверил сбрую Осени, помог своему господину сменить дублет на стеганую куртку и снова надеть кольчугу, между делом отвечая на его расспросы о том, как прошли поединки.

— Отличившиеся приз получают, — заметил он, пока Мартин поправлял шнуровку его наручей. — По три серебряных луны — это тебе не кот чихнул. Чего же я Рори так натаскивал...

Сэр Уилмот нахмурился.

— Если хоть одного удастся спешить и взять с него выкуп — дам Рори из этих денег

луну. Хотя... эх, как бы самому последнего не лишиться.

А потом все вдруг начало происходить очень быстро — вернулись с ристалища последние оруженосцы, явились герольды и повязали рыцарям на руки повыше локтя повязки, желтые и ярко-красные.

— Помоги-ка, ну! — окликнул Мартина сэра Уилмот, кряхтя, уселся на Осень и присоединился к партии с желтыми повязками.

Снова трубы. Мартин вдруг разволновался так, будто это ему сейчас придется участвовать в сшибке двух с лишним десятков рыцарей. Под ложечкой засосало, сердце бухало в груди так громко, что он толком не расслышал последних наставлений сэра Уилмота. Подал ему копье и, как во сне, отправился на ристалище вслед за остальными оруженосцами.

Трубы. Свист и рев толпы. Герольд, напрягая горло, кричал что-то — объявлял участников, что ли, потом, кажется, объяснял правила. Вытянувшись в линию, замерли десять всадников и один пеший — убрийский тан, скалящий зубы в хищной усмешке и выставивший вперед двуручный меч, все с желтыми повязками на руках. Напротив всадники с алыми повязками; один из них, в высоком остроконечном шлеме, с закрытым кольчужной маской лицом, круглым красным щитом и кривой саблей в руке, спрыгнул с коня и отсалютовал убрийцу. Тот в ответ проревел что-то и потряс своим оружием. Его вдруг осенило — а если сэра Уилмота собьют с лошади, тот не сможет подняться, а он, Мартин, в толчее и не заметит? Стараясь не впадать в панику, он глазами поискал своего господина. Вот он — предпоследний справа, между рыцарем из Зимнего Приюта и еще кем-то в черном панцире и с грифоном на шлеме...

Герольд что-то прокричал. Звук труб взвился под самое небо, и рыцари, сначала медленно, потом все быстрее двинулись навстречу друг другу. Копья с зубчатыми наконечниками, напоминавшими маленькие короны, опущены, из-под конских копыт летит трава и комья грязи, оглушительно орут зрители. Мартин наткнулся взглядом на Йена; стоя среди оруженосцев восточной партии, он вопил и тряс кулаком в воздухе, подбадривая сэра Малкольма. Наверное, тоже стоит поддержать своего господина? Мартин попытался было набрать в грудь воздуха, и в это время, под оглушительный треск, звон, ржание коней, крики, две линии столкнулись.

В воздух взмыли разноцветные обломки копий. С полдюжины бойцов, как с одной стороны, так и с другой, вылетели из седел; солнце на мгновение блеснуло на шлемах, кольчугах и панцирях, а потом они грянулись о землю. У Мартина перехватило дыхание. Он вцепился в дерево ограды так, что побелели пальцы, и лихорадочно высматривал между упавших сэра Уилмота, но среди сюрко ярких цветов, что усеяли траву, черно-зеленого не было. Четверо рыцарей, пошатываясь, уже поднимались на ноги; еще двое лежали неподвижно, и к ним уже бежали оруженосцы. Он поднял глаза и облегченно вздохнул — сэра Уилмот, похоже был цел и невредим, по крайней мере пока. Рыцарь отбросил копье и теперь схватился с всадником в черном и синем и со звездами на щите. Их кони кружили друг вокруг друга, пока наездники обменивались ударами — меч сэра Уилмота против шестопера звездного рыцаря. Сталь звенела о сталь, выбивала щепки и хлопья краски из щитов. Мартин успел разглядеть, как по багровому лицу его господина катится пот, борода топорщится во все стороны, а потом оба бойца исчезли, скрытые из вида остальными сражающимися. Рыцарь в бирюзовом сюрко с золотым единорогом на груди схлестнулся с другим, в ярко-красном панцире, который украшало дерево — тоже золотое. Мартин даже с

другого конца ристалища расслышал, как орет Йен, подбадривая своего господина. Малкольм Стаутон принял удар меча на щит, рубанул своим — так, что зазвенел шлем и рыцарь золотого дерева, пошатнувшись упал на траву. Он тут же поднялся, и тогда его противник спрыгнул с коня, чтобы продолжить поединок. Мимо них, размахивая своим двуручником и вопя что-то воинственное, пронесся убрийский тан; своего первого соперника он успел одолеть, и тот уходил с ристалища, держась за бок.

Возникли и пропали черный рыцарь с грифоном на шлеме и другой, в сером, шлем которого был украшен черными крыльями, а на щите красовался хищно раскрытый клюв ворон, а потом Мартин снова увидел, как из общей свалки вынырнул сэр Уилмот. Звездный рыцарь отбил его удар, замахнулся своим оружием, но он неожиданно ловко уклонился и рубанул по рукояти шестопера. Удар вышел такой силы, что лопнула кожаная петля на запястье, рыцарь выпустил оружие, качнулся вперед и еле удержался в седле. Шестопер упал под ноги коней. Сэр Уилмот занес меч, но его противник, оставшись безоружным, склонил голову и поднял руки, давая понять, что сдается.

Мартин завопил от радости и замахал руками.

— Ура! Сэр Уилмот! Сэр...

Совсем близко от него что-то пронеслось, обдав лицо порывом ветра, раздался звон, короткий вскрик, и прямо под ноги Мартину, правда, по ту сторону ограды, упал рыцарь в оранжевом сюрко с черным медведем на груди. От удара при падении забрало его шлема открылось, и на мальчика уставились остекленевшие глаза; белок одного из них стал быстро наливать кровью. Рыцарь поднял было голову и снова уронил ее. Его руки и ноги судорожно подергивались. Мартин на секунду оцепенел.

— Сэр, — наконец выдавил он. — Сэр, вам нужна помощь? Сэр?..

Рыцарь смотрел сквозь него, будто не замечая, снова и снова пытался поднять голову и ронял ее назад. Мартин растерянно оглянулся. Оруженосец в оранжевом и черном, старше его самого может быть на год, не больше, бежал к своему господину через все ристалище, петляя и уклоняясь от несущихся коней и размахивающих оружием спешенных бойцов. А вдоль ограды, пришпоривая свою лошадь и раскручивая над головой шипастый шар на цепи, мчался рыцарь со снежинкой на щите.

Он не успеет, подумал Мартин. Небо, оруженосец не успеет. А этот, из Зимнегс Приюта, не видит, что сейчас затопчет раненного. Он закричал, изо всех сил замахал руками, на этот раз чтобы привлечь внимание всадника; кажется, стоявшие рядом с ним тоже кричали, но рыцарь не слышал, сосредоточившись на своем противнике в другом конце ристалища... Мартин проскользнул под перекладинами ограждения, схватил оранжевого рыцаря за плечи, попытался оттащить. Какой тяжелый! Все равно, что попытаться сдвинуть каменную глыбу. Он зажмурился, сцепил зубы, сделал новый рывок. Вокруг Мартина кричали люди, потом кто-то оттолкнул его так, что мальчик опрокинулся на спину. Открыв глаза, он увидел, как двое или трое других оруженосцев вместе подняли раненного и оттащили в сторону, да и всадник почти в последний момент заметил их возню и остановил коня. Оранжевого рыцаря унесли в шатер лекарей. Мартин вернулся на свое место, стараясь унять бьющую его дрожь и отдышаться...

— Совсем сдурел?! — рывкнул на него сэр Уилмот, который примчался с дальнего конца ристалища. — Куда полез? Убьешься — как я твоим родителям в глаза смотреть буду?!

Он сердито сплюнул и тронул коня. Все оставшееся время Мартин не спускал глаз со

своего господина, готовый в любой момент снова выскочить на ристалище, чтобы помочь ему, но этого не потребовалось. Сэр Уилмот держался осторожно, старался избегать новых схваток и лишь изредка отражал случайный удар топора или меча. Под конец из осталось шестеро — четыре рыцаря из западной партии против двоих из восточной. Спешившегося бойца в золотистой кольчуге сбил с ног и заставил сдаться убриец, а сэр Стаутон, увидев, что его окружают трое конных противников, сам поднял руки и вручил свой меч рыцарю со снежинкой на щите. Заглушая восторженные крики зрителей, снова запели трубы. Первый день турнира в Беломосте закончился.

Песни и слезы

Скрипка в руках менестреля, длинноволосого старика, выводила нежную и печальную мелодию; звуки неторопливо лились по полутемной жарко натопленной зале Мшан. Мартину показалось, что сощурь он глаза и присмотрись повнимательней, то увидит, как они вспыхивают, проплывая сквозь пламя факелов, переплетаются с тонкими серо-белыми петлями дыма и вместе с ним улетают в узкие окна высоко наверху. Тени на стенах, которые совсем недавно кружились, появлялись и исчезали под быстрой, веселый напев, сейчас застыли, подрагивая совсем чуть-чуть, как будто вздыхали. В замковой зале яблоку было негде упасть — здесь за длинными столами собрались все пять с лишним десятков жителей Вересковиц, и еще с полдюжины, что приехали с семьей жениха — и все сидели тихо, точно боялись случайным звуком или движением потревожить менестрелей и разрушить волшебство. Рыжеволосая девушка, дочь или скорее внучка скрипача, выводила чистым высоким голосом:

Как стали короче зимние дни,
Сказала — колечко в подарок возьми.
Колечко из меди, камень простой,
Пусть лихо обходит тебя стороной.

Эльфийка-колдунья из чащи глядит,
Завистью черной ее взгляд горит.
«Я вашу любовь развею как дым,
Был он твоим милым — а станет моим!»

Солнце на запад и небо в крови,
Но он не придет, как его ни зови.
Хоть плачь, хоть молись всю ночь до зари,
Пропал он навеки в лесах фаэйри...

Голова кружилась. Сэр Уилмот не поскупился на угощение, и к столу вместо привычного в здешних краях меда и легкого пива подали сладкие южные вина и сидр, сначала кажущийся безобидным и совсем мягким, а потом бьющий в голову и вяжущий руки и ноги. Мартин, похоже, обнаружил это слишком поздно.

Голос волшебный сладко поет,
Дни напролет в лес парня зовет.
Колечко-подарок он с пальца сорвал,
Бросил в траву и в чаще пропал.

После припева рыжеволосая заиграла на флейте, вплетая ее звуки в печальный плач скрипки. Мартин огляделся и заметил, как у многих гостей, особенно женщин, на глазах блестят слезы. Небо — даже мать сидит, пригорюнившись, а отец гладит ее по волосам и что-то шепчет на ухо.

Ему стало неловко. Чтобы отвлечься, Мартин пробежал глазами по столу. Рыба с побережья, сыр, рубленая овечья требуха с луком и овсянкой, сваренная в овечьем же желудке, мелкие птички, которых ловили силками здесь в округе. Дичь, ягоды и орехи — из владений Тойнов, наверное, там у них на самой восточной границе начинаются леса...

Дни и седмины текут как вода,
Стала девчонка от горя седа...

— пела девушка. Некоторые за столами уже плакали в голос, даже сама леди Боннибель. Мартину стало ее жаль. Обычно всегда веселая пухлая болтушка, дочь сэра Уилмота просто рыдала в три ручья, мать пыталась успокоить ее, а жених растерянно хлопал глазами и похоже был бы совсем не против провалиться сквозь землю. Мартин нахмурился. Песня красивая, но кто же исполняет такие на свадьбе? Даже ему в одиннадцать лет это понятно, а вот взрослым, похоже...

Солнце восходит и небо горит,
К тебе я вернулся, он говорит.
Подарок я твой отыскал, посмотри,
Не властны теперь надо мной фазэйри.

А, ну раз так... Он покачал головой и улыбнулся, глядя, как сэр Уилмот, покачиваясь, поднялся из-за большого господского стола, сунул девушке в руки туго набитый кошелек и принялся обнимать скрипача. Лицо красное, по щекам бегут слезы. Если сейчас еще надумает посвятить менестреля в рыцари, как когда-то старый барон его отца... Мартин тихонько рассмеялся.

Снова музыка. Потом леди Боннибель и ее жених поднялись, держась за руки, и домашний священник Тойнов, коротко стриженный благообразный толстяк в белой рясе выслушал их клятвы перед небом и людьми и объявил мужем и женой. Зал наполнился радостными криками и тени снова заметались по стенам; гости, встав и высоко поднимая руки с рогами и чашами, пили за новобрачных. Мартин решил, что сидра ему хватит и наливал себе только воду, но его все равно клонило в сон, а голова кружилась все сильнее. Скрипка и свирель мягко и негромко выводили новую мелодию; он оперся щекой на руку и слипающимися глазами следил, как в большом очаге пляшет огонь. Приглушенно, будто издалека, до мальчика долетали обрывки разговоров — кто-то из людей Тойнов рассказывал, что по слухам три дня тому назад гоблины высадились на побережье у Русалочьей Башни, разграбили тамошний монастырь и ушли в море прежде, чем подоспела баронская дружина. В ответ ему фыркнули — нашел тоже новости, такое теперь почти каждую седмину происходит. И вообще, заткнулся бы, еще беду накличешь.

Совсем рядом детский голос допытывался, что это за фазэйри, о котором пели менестрели. Ответа не было, а ребенок не замолкал, спрашивал снова и снова, и наконец тойновский священник — по голосу, кажется, он — объяснил, что это язык эльфов, что так называют себя те, кто не смотрит в небо.

— А почему... — снова начал любопытный малыш. Мартин вдруг почувствовал, как веки становятся все тяжелее, тепло от очага обволакивает его, как уютное мягкое одеяло. Становится тихо и темно, звуки медленно исчезают, только где-то очень далеко

убаюкивающе поют скрипка и флейта, но и они тают, тают, тают...

На его плечо легла чья-то ладонь и Мартин, вздрогнув, открыл глаза. Мать ласково спрашивала о чем-то; он рассеяно кивнул. Снова глотнул холодной воды из кружки, чтобы отогнать сон.

— ... гоблинское войско было разбито и битва закончилась, и тогда там же, на поле сражения, эльфы предательски напали на измотанное войско короля Ройса, — рассказывал священник. — Но небо было на стороне людей, они выстояли под ливнем стрел, пошли в атаку, и тогда эльфы побежали, потому что хоть и были искусными лучниками, в честной схватке никому из них было не устоять перед рыцарями Золотого короля. Снова началась война, и была она тяжелой и долгой, потому что оружие у эльфов было волшебным.

— Что за оружие, отец? — встрял еще кто-то, взрослый судя по голосу.

— Они не выносят металла, поэтому наконечники их стрел и дротиков делались из лунного света и пробивали кольчуги и панцири, как бумагу, — ответил священник. — Так я слышал, по крайней мере. У королевы одного из эльфийских дворов была арфа, звуки которой могли погрузить в сон целое войско, или заставить воинов смеяться и плакать, как младенцев. У правителя другого двора была чаша, глоток из которой исцелял любые раны и болезни.

— Да сказки все это, — прогудел кто-то и сразу же спохватился. — Простите, отец...

Священник не рассердился.

— Может, и сказки, но по крайней мере один из таких волшебных предметов, молот короля Диана, попал в руки Ройсу Золотому, и в Венардии с помощью этого молота до сих пор куют браслеты судьбы. Как бы там ни было, даже колдовством эльфы не смогли победить в этой войне. Небо было на нашей стороне, эльфов рассеяли и загнали под холмы и в самые чащи лесов, где кроны деревьев такие густые, что закрывают и солнце, и луну, и звезды. Потому и зовут их те, кто не смотрит в небо. Вот уже сотни лет они не отваживаются выходить оттуда и только вредят нам исподтишка...

Зачем они вообще напали на людей, подумал Мартин. Да еще после того, как вместе с нами сражались против гоблинов? Он нахмурился, попытался сосредоточиться, но получалось плохо, все равно кружилась голова и клонило в сон. Все этот сидр, чтобы ему пусто было. Может... может эльфы испугались, что люди станут слишком сильны и... и что?

Весело пикирует скрипка, девушка исполняет «Наша Бонни из Медоцвета», только вместо «Медоцвета» поет «из замка Мшаны». Смех, дружный стук кулаков и кружек по столам, а потом вдруг снова тепло, уютная темнота, уплывающие вдаль звуки...

Порыв холодного ветра на лице заставил Мартина вздрогнуть и открыть глаза. Пламя факелов на стенах забило и задрожало. Люди вокруг, кажется, не обращали внимание, пели, смеялись и хлопали в ладоши, но он увидел, как за большим столом в дальнем конце зала сэр Тойн подслеповато щурится, потом толкает сэра Уилмота в бок и что-то говорит ему, тыча пальцем в сторону дверей.

— Именем его милости Ода Тиренна! — громко прокричал кто-то, перекрывая музыку и шум. Скрипка взвизгнула и затихла. Люди, сначала немногие, потом все больше и больше, поворачивались на голос; Мартин вытянул шею, а потом взобрался на лавку, чтобы рассмотреть его обладателя.

Воин в красно-белом плаще и коническом шлеме, стоящий у входа в зал, стукнул древком копья о плиты пола раз, другой.

— Именем его милости! — повторил он. — Сэр Уилмот, барон, ваш сюзерен,

приказывает вам собрать ополченцев с вашего лена и следовать за ним к месту сбора у Серых холмов!

— А что... что случилось-то?! — заплетающимся языком выкрикнул кто-то в наступившей тишине. Гонец обвел гостей взглядом.

— Гоблины высадились на побережье возле монастыря братьев Северной звезды, — сказал он. Только сейчас Мартин заметил, каким вымотанным выглядит воин. Плащ и сюркобыли заляпаны грязью, лицо бледное, глаза красные от усталости. — И на этот раз не собираются уходить. Заняли монастырь, строят вокруг укрепления, а сегодня утром приплыли еще несколько сотен. Его величество приказал баронам Западного предела выбить их оттуда, пока не подоспели новые подкрепления.

Рыцарь поднялся со своего места; долю секунды он выглядел растерянным, потом сдвинул густые брови и сжал челюсти.

— Передай его милости, что я с людьми буду ждать его у Серых холмов.

— Нет надобности, сэра, — ответил воин. — Барон с дружиной только что прошел мимо вашего замка. Если поспешите, то еще успеете нагнать его.

Сэр Уилмот крикнул, залпом осушил чашу вина и грохнул ею о стол.

— Кто там ближе, дайте гонцу выпить, — приказал он. Встал и быстрым шагом прошелся вдоль столов, вглядываясь в лица гостей. — Так, ребята, кто у нас тут не женат? У кого еще братья-сестры есть? Лиль, ты. Бегом дуй к себе, найди там вилы или топор какой, возьми еды и обратно. Грег, ты тоже. Джокки, Маркас... Нет, Кеит, тебя не возьму, у тебя вон жена на сносях. Хеки, давай домой за оружием, пойдешь с нами. Кто еще...

— Сэр, позвольте мне! — Рори вскочил так резко, что опрокинул стоящий перед ним кувшин. По доскам стола потекло темно-красное, в полутьме кажущееся черным, закапало на пол. Рыцарь окинул его взглядом.

— Ты же хромаешь до сих пор. И это тебе не на баронском турнире деревяшкой махать, это... а ты вообще сядь. — сурово проговорил он, встретившись взглядом с Мартином. — Будь ты постарше и не единственный ребенок в семье, все равно не взял бы. Голова у тебя хорошо варит, я еще в Беломосте заметил. Нечего ее под гоблинские дубины совать, пригодится еще. Ладно, дальше. Никэл, ты...

Мартин растерянно моргнул. Он и не собирался вызываться, просто еще не до конца понял, что происходит. Может, и попросил бы сэра Уилмота взять его с собой, успеет он собраться с мыслями...

— Я же ваш оруженосец, сэра, — не сдавался тем временем Рори. — Даже если хромаю немного, но с Осенью ведь могу вам помочь! Меч наточить, кольчугу почистить, все прочее. Вы что, зря меня учили?

Рыцарь на секунду замешкался.

— Ну раз оруженосец, тогда метнулся и принес мое барахло! — рявкнул он. — И шлем не забудь! А потом Осень оседлаешь! Быстро!

Рори просиял и насколько мог шустро бросился выполнять приказ.

— И во время боя чтобы в сторонке стоял! — закричал вслед сэр Уилмот. — Нет, вообще в обозе чтобы спрятался! Под телегой! И носа оттуда не казал!

Мартин все еще ошеломленно вертел головой по сторонам. Приглушенный ропот, испуганные, растерянные голоса, несколько женщин снова плакали. Сэр Уилмот что-то втолковывал жене и дочери; хищно скалящий зубы сэр Тойн прошел к выходу, так быстро, что длинные седые волосы развевались за его спиной.

— Слава небу, повеселюсь напоследок! На турнир не попал, хоть сейчас душу отведу. Стими, Дермид, созывайте остальных и за мной! — орал он. — Устроим гоблинским отродьям...

Перекрывая все остальные звуки за стенами башни загрохотал гром, а в темных окнах полыхнуло ослепительно белым.

Дождь лил почти целую седмицу, а когда наконец перестал, небо все равно оставалось почти черным от затянувших его туч. Именно в этот день в Вересковицы вернулось ополчение, хотя многие сначала не поняли, что произошло. К замку подъехала крытая повозка, оттуда на раскисшую от ливня землю прыгнули двое, осторожно помогли спуститься третьему и медленно, поддерживая его, повели к воротам. Минуту спустя над Мшанами взвился истошный крик, пугая дремавших на стенах птиц. Кричала женщина, без слов, отчаянно и пронзительно. Его было слышно и внизу, в деревне; люди высыпали из домов, встревоженно переглядывались, спрашивали друг друга, что произошло, а крик все не прекращался, взлетал к темному небу и не таял в нем.

— Молния меня порази, это же... — проговорил кто-то за спиной у Мартина. Из ворот появились те двое, что приехали в повозке и стали спускаться по тропинке, ведущей к деревне. Один шел медленно, опустив голову, его руки висели вдоль туловища. Другой наоборот, жестикулировал и напрягал горло, стараясь перекричать голосащую женщину.

— Кара! — орал он. — Кара, бегом в замок! Господина привезли, он еле дышит! Ему все нутро отбило! Как бы не помер!

Мартин узнал его. Высокий, тощий как жердь, со светлыми, почти белыми волосами, которые постоянно висели, закрывая лицо как сосульки. Маркас, один из тех, кого сэра Уилмот забрал с собой, уходя к Серым холмам. Второй, с бородой и курчавой шевелюрой — Хеки. И женщину, которая все не умолкала, он тоже узнал. Нетта, мать Рори.

Обоих отвели в первый попавшийся дом, усадили поближе к огню, налили теплого питья. Хеки осушил свою кружку большими жадными глотками, уставился в пространство пустым взглядом и не отзывался, когда с ним заговаривали, поэтому его оставили в покое и столпились вокруг Маркаса. Тот наоборот, не пил, только сжимал кружку обеими руками, как будто хотел согреться, и беспокойно стрелял глазами по сторонам.

— Кто ж знал, что оно так вот обернется, — говорил он мягким, каким-то испуганным голосом. — Нам сначала вообще сказали, что ничего делать не придется, что баронские дружины сами справятся, а мы, ополчение, так, на подхвате будем. Потом, как на побережье пришли, говорят — гоблины в монастыре засели, так вы только ворота вышибите, а там уж дружинники все остальное сделают. А чем ты ворота вышибать будешь, лбом? Я слышал, мы должны были у Серых холмов еще какого-то барона ждать, он вроде с собой таран вез, или камнеметы, стену проломить. Не дождалось, приказали выступить без него. А все равно потеряли день, пока искали, где у них там хоть какой заваливающий лесок растет, чтобы деревья нарубить, а стволы вроде как вместо таранов использовать. Первыми к воротам погнались каких-то мужиков, вроде из местных. Те долбанули раз, другой, а потом из монастыря, сверху откуда-то, как прилетит камень, с меня где-то размером! Ствол в щепки, троих этим камнем пришибло насмерть, еще двоим руки-ноги переломало... — Маркаса передернуло. — Все орут, кровища льется... А потом нашим ребятам говорят, мол, вперед, выносите ворота. Его милость барон говорит, не бойтесь, мол, вас лучники прикроют, не дадут им высунуться. У меня поджилки затряслись, а что делать? Стали мы душой этой в

ворота колотить, и вроде даже как действительно лучники им прицел сбивали, потому что еще несколько камней прилетели, да все мимо. А потом...

Он трясущимися руками поднес кружку с дымящимся питьем ко рту, но так и не сделал ни одного глотка.

— Ворота сами распахнулись, и эти твари как ломанутся! Один, самый здоровый, впереди, с боков его двое прикрывают, за ними еще четверо... Мы струсили, врать не стану, а кто бы не струсил? Эти орут, с клыков пена летит, секирами и дубинами этими своими машут! Мы врассыпную, кто успел, а кто нет, вроде Никэла и Джокки, там у ворот и полегли. Джокки в спину уже дубиной досталось, его в воздух подняло, шагов на пять вперед бросило, он и не встал больше. Сэр Уилмот сам к нам на помощь бросился, за ним баронские дружинники, так гады эти успели назад за ворота убратся. И так вот до вечера вроде как в игру дурацкую с гоблинами играли — наши пытаются ворота вышибить, они вылазку делают, дружинники кидаются в бой, а они огрызаются, огрызаются — и назад.

Наутро слух прошел, мол, ждем этого, с камнеметом, должен к полудню подойти. А гоблины тут как раз переговорщиков выслали. О чем они там разговаривали, не знаю, только наши довольные ходили, шептались, что вот, мозги гоблинам морочим, время тянем, а потом подвезут камнемет и как жажнем по ним! — он невесело усмехнулся. — Только не поверите, а не мы одни такие умные оказались. Подвезли эту дуру, гоблины ее увидели и сразу все наши требования вроде приняли. Дайте времени, говорят, до вечера всего, чтобы собраться и богам нашим помолиться, а потом все к вам безоружными выйдем и в плен сдадимся. Бароны и согласились, даже камнемет собирать не стали. А потом, день уже к вечеру клонился, кто-то как заорет — смотрите мол, в море! Мы глядим, а там змеи их на горизонте, с десятков, не меньше...

— Разгромили нас, — вдруг подал голос Хеки. Говорил спокойно, тихо, все еще смотря в пространство пустыми глазами. — Никто не успел даже сообразить, что происходит. Наши бросились строить дружины, собирать эту шуку, а тут эти из монастыря снова стали швырять камни. Камни... глыбы целые. Из стен они их выламывали, что ли. Сам видел, дружина в квадрат построилась, пики выставила, а по ней как прилетит... А потом еще сотни три высадились на берег, и все. Наших все равно больше было, только какая разница, если гоблинской секире все равно, что рубахи наши, что стеганки дружинников, что рыцарские кольчуги. А у этих гадов у самих шкура такая толстая, что никакой брони не нужно.

Он прерывисто вздохнул.

— Под конец гоблины, что засели в монастыре, снова ломанулись наружу, на этот раз всей толпой, и очутились мы между наковальней и молотом. Все стали разбегаться. Сначала побежало ополчение, потом баронские солдаты. Те старались хоть как-то сопротивляться, только это им мало помогло. Сэр Уилмот пытался на гоблинов, что за нами гнались, кинутся, чтобы, значит, мы уйти успели, его дубиной с коня сшибли. Рори вон тоже... полез его щитом закрывать, так его вместе с этим щитом надвое и разрубили...

Кружка выпала из рук Маркаса и разбилась, а он сам беззвучно зарыдал, раскачиваясь и вцепившись себе в волосы.

Приближающийся отряд первой увидела Рона. Может потому, что в компании деревенских детей, которых приставили следить за свиньями, она была самой высокой, выше любого мальчишки. Может, потому что в этот момент Мартин и остальные были заняты тем, что пытались разнять двух здоровенных боронов, пока те не покалечили друг друга своими желтыми изогнутыми клыками. Справиться с этими тварями, огромными и прожорливыми, заросшими длинной черной шерстью, было нелегко — нрав злобный, шкура толстая. Обычные хворостины их не брали, приходилось лупить боронов по бокам палками и вовремя отскакивать, чтобы те не достали огрызаясь. В самом начале, когда гоблины только обустроивались на захваченных землях и пригнали с побережья стадо, нескольких не слишком проворных пастухов свиньи ранили; двоих или троих даже убили.

— Назад! Назад! — Мартин приподнялся на цыпочки и изо всех сил стукнул борова по хребту. — Отойди от него, кому говорю! Вот же скотина тупая...

Тот скосил на мальчика налитый кровью глаз, злобно хрюкнул, сделал пару шагов в его сторону, но потом остановился. Мартин облегченно вздохнул. Лечи и Тэд вроде бы справились с другим бороном, так что на этот раз пронесло. Недосчитайся фюльдинг Орм хоть одной головы в своем стаде, головы полетели бы у всех четырех пастушков.

Первые несколько седьмин после разгрома на побережье Мартин не находил себе места — он ожидал, что не сегодня, так завтра зазвучат трубы и с востока покажется войско Восточного предела, может быть с самим королем во главе. Не может же владыка Карлейна допустить, чтобы гоблины захватили пусть даже совсем небольшую часть его земель! Конечно нет, говорил он себе. Совсем скоро вдалеке запоют рога, послышится топот сотен копыт и поступь подкованных железом сапог, и на северо-запад мимо Вересковиц пойдут бароны со своими дружинами, рыцари с ополчением, королевская гвардия, и...

Вместо армии потянулись вереницы беженцев из восточных баронств королевства и соседнего Мида. Бедняки, оборванные и грязные, зажиточные горожане и даже дворяне, после дней пути по раскисшим от осенних ливней дорогам такие же оборванные и грязные, все, как один растерянные и перепуганные, словно сами еще не до конца верящие в то, что им пришлось бросить насиженные места. Рассказы у всех были примерно одинаковы — гоблины высаживались на побережье, но на этот раз не уплывали, разграбив какую-нибудь деревеньку или монастырь, а разбивали укрепленные лагеря, дожидались подкреплений и двигались дальше вглубь королевства. Высланные против них войска захватчики громили быстро и жестоко.

— Там в каждой стычке трое наших на одного гоблина приходится, — горько усмехаясь и качая головой сказал один из беженцев, одетый в то, что когда-то было украшенным золотой нитью зеленым камзолом, а теперь ставшим грязной мокрой тряпкой. — Только мы уже сколько веков заплываем жиром, разве что иногда на турниры выезжаем железом побряцать. А они все это время между собой воюют. Клан на клан, ярлунг на ярлунга. Вот и бьют нас сейчас, как хотят...

Почему гоблины нарушили данную клятву и напали на южные королевства после стольких столетий мира, никто сказать не мог. Может, истощились и так немногочисленные плодородные земли и наступил голод? Начать войну приказали их дикие темные боги, как объяснял проходивший через деревню монах из братьев Чистого неба?

Беженцы не задерживались надолго и уходили дальше. Те, кто поумнее — через соседнее королевство Авлари в Убру, остальные на юг в Эйрию. Так сказал сэр Уилмот, когда немного пришел в себя. Удар гоблинской дубины переломал ему ребра, и он не мог толком вздохнуть, говорил шепотом, короткими рубленными предложениями. Авлари гоблины захватят за седми́ну, а захотят, и до Эйрии доберутся. Разве что об Убру могут себе зубы обломать. Подчинить себе танов в их горных замках когда-то оказались не под силу предкам короля Ройса, и Убра вошла в состав их державы после долгих переговоров, сохранив большую часть своих законов и обычаев.

— Может... и вам стоит... собирать пожитки и... убираться подальше... пока не поздно... — еле слышно проговорил рыцарь. Он и двигаться-то не мог не задыхаясь и не бледнея от боли, поэтому когда жители Вересковиц по его приказу собрались во дворе замка, пришлось ждать очень долго, пока сэр Уилмот не вышел к ним, поддерживаемый под руки женой и слугами. — Твари эти пока... пока на берегу сидят... только если вздумают дальше отправиться... помешать им некому будет. А в Убре...

Он замолк, закрыв глаза и дыша неглубоко и часто.

— Женщины и дети пусть уходят, — сказал тогда отец Мартина. — А мы останемся. Сделаем, что можем. Может, и отобьемся. Не отдавать же им деревню просто так.

— Дурак ты, Эван. — прошептал рыцарь.

— Да нет, Эван дело говорит, — подал голос еще кто-то. — Что ж, сэр, нам прикажите разбежаться, а вас одного здесь оставить?

Толпа зашумела.

— Нельзя этим извергам Вересковицы отдавать!

— Хозяйство жалко, господин. Овец наших, улы, все прочее! Нет, бабы с детьми действительно пускай уходят, а мы...

— Я не брошу тебя, — сказала леди Эйли, сжимая руку мужа в своих ладонях.

— Мы не оставим вас одного, сэр, — эхом отозвалась мать Рори, почерневшая с лица, с потухшими, мертвыми глазами. — Пусть приходят.

Некоторое время во дворе Мшан стояла тишина, только высоко в небе свистел холодный ветер.

— Вы что... не слышали, что эти... из Мида рассказывали? — прошептал рыцарь. — Вас перебьют, дурачье. А кого... пощадят, потом... голодом и работой... тяжелой... уморят. О себе не думаете... хоть детей... детей пожалейте. Вон, Бонни с Кэмроном своим... уже убралась... а вы тут...

Тем вечером Мартин впервые в жизни разругался с отцом. По натуре оба были покладистыми и мягкими, да и поводов раньше не было, но тогда они до поздней ночи кричали друг на друга, пока не охрипли, а мать только плакала и беспомощно заламывала руки. Мартин даже не подозревал, что может так разозлиться. Я тебе не младенец, кричал он. Не малыш какой-нибудь. Ни в какую Убру я не собираюсь. Пусть женщины с детьми спасаются, а я останусь защищать деревню вместе с остальными.

Впрочем, утром оказалось, что вся эта ссора была абсолютно бессмысленной. На самой заре со стороны замка послышались крики и звон металла. Совсем скоро шум стих, а потом из Мшан в деревню спустился отряд гоблинов. Их было немного, чуть больше дюжины, но они возвышались над высыпавшими из своих домов людьми — великаны в чешуйчатой броне, в бугрящихся мышцами руках — огромные копья, секиры и палицы. Мартин потом вспоминал, что чувствовал скорее не страх, а растерянность. Происходящее казалось сном,

Только вчера зашла речь о том, что гоблины могут двинуться с побережья на юг, и вдруг они уже здесь. И что делать теперь?

Захватчики стояли, разглядывая столпившихся перед ними поселян, ухмылялись — кто злобно, кто насмешливо-снисходительно; потом из-за их спин вышел гоблин в шлеме, закрывающем верхнюю часть лица.

— Не сопротивляться, — сказал он ровным холодным голосом и вытер окровавленный меч о свои широкие полосатые брюки. — Те в замке сопротивлялись. Мы их убили. Если вы...

Кто-то не выдержал — кажется, Финн? — и с воплем бросился на гоблина, замахиваясь ножом. Тот спокойно принял удар, даже не поморщился — а потом схватил беднягу за горло и вогнал клинок ему в живот. Раздались испуганные крики, люди попятились, двое бросились было бежать. Еще один гоблин, чуть поменьше остальных, с заплетенными в косы жесткими черными волосами крикнул что-то неожиданно высоким голосом и погнался за ними, продираясь прямо сквозь толпу и расшвыривая поселян в стороны.

Захватчики захохотали; тот, что в шлеме, снова вытер меч о штанину и замер, бесстрастно скрестив руки на груди. Не прошло и минуты, как черноволосый гоблин вернулся, волоча обоих беглецов по земле. Они были в крови, но живы — заворочались и жалобно застонали, когда гоблин бросил их под ноги своим товарищам. Снова заговорил высоким голосом, и тут Мартин понял, что это женщина. Может, при других обстоятельствах он и удивился бы, но сейчас было совсем не до этого.

— Если вы не сопротивляетесь, мы вас не убьем, — снова заговорил гоблин с мечом. — Если вы не бежите, мы не станем вас наказывать. Воин, который жил в замке, был ваш хозяин?

Испуганное молчание. Остальные захватчики свирепо зарычали, оскалились, подняли оружие, и снова захохотали, когда люди в страхе отшатнулись.

— Воин, который жил в замке, был ваш хозяин? — снова спросил гоблин тем же спокойным голосом.

— Д-да... Да, господин... — еле слышно ответил кто-то, заикаясь.

— Я — Орм из клана Тагта Каменной Руки. Я фьюльдинг. За мной следуют десять и еще три воина. Замок теперь мой. Деревня моя. Я ваш хозяин теперь.

Он повел рукой вокруг, указывая на дома Вересковиц, на башню Мшан, которая еле-еле вырисовывалась в только начинающем светлеть небе.

— Будете работать и кормить моих воинов. Будете выращивать земляной хлеб для нас. Пасти наше стадо. Тогда все будет хорошо. Вас никто не обидит. Если захотите просить о чем-то, говорите со мной. Мой отец торговал с людьми, я знаю немного ваших слов. — сказал гоблин, помолчал и добавил, будто подводя черту под своей речью: — Работать на совесть. Не сопротивляться. Не бежать. Здесь будет хорошо. У других будет хуже.

Первое время кто-то еще надеялся, что кто-нибудь, барон Тиренн или король, пришлют войска, чтобы освободить Вересковицы и отбросить гоблинов назад на побережье. Потом перестали. Помощи не было, а с севера почти каждый день шли новые и новые отряды захватчиков. Увидев на стене Мшан круглый черный щит с серой рукой на нем, двигались дальше. Пару раз у ворот случались стычки — похоже, гоблины из других кланов хотели проверить, не удастся ли выбить новых хозяев и самим завладеть замком и деревней, но воины Орма крепко держались за свою добычу.

Хеки собрал свои пожитки и сбежал. Вожак гоблинов, узнав об этом, скривил рот и

процедил: «Дурак. Я говорил. Здесь хорошо. В других местах хуже». Захватчики тот же вечер разрушили его дом, а через пару дней с юга пришли двое гоблинов с грубо нарисованными красным волчьими головами на щитах и притащили с собой измазанного грязью, оборванного Хеки. Половина его лица была замотана окровавленными тряпками, правая рука висела вдоль туловища. Он упал в ноги Орму и сбивчиво умолял позволить ему вернуться, обещал отработать... Тот даже не посмотрел на Хеки, о чем-то коротко переговорил с пришельцами и махнул рукой, будто говоря «забирайте его себе». Гоблины захохотали, перекрывая отчаянные крики Хеки, схватили его и потащили прочь.

— Не хотел работать на меня — будет работать на Кодра, Пока может. Как не сможет, его убьют. — бросил Орм. — Вы, запомните. Здесь хорошо. Вокруг плохо.

Наверное, все действительно могло быть хуже. Гоблины сожрали всех деревенских кур. Овец не тронули, но все полученное от них молоко и сыр забирали себе; людям, чтобы не голодали, бросили несколько мешков высушенных бледных клубней, которые они называли земляным хлебом. Их можно было есть просто так, варить или, измолот в муку, делать из клубней лепешки — вкус все равно был отвратительным, таким кислым, что сводило скулы. Потом, когда с севера пригнали стадо черных свиней, оказалось, что земляной хлеб и им годится в корм; гоблины даже умудрялись готовить из него мутную хмельную брагу.

Жить было можно. Пояса пришлось затянуть потуже, но в общем гоблины не зверствовали — вернее даже не особо обращали на людей внимание, лишь бы те не опаздывали с obroком и хорошо ухаживали за свиньями. Но если их разозлить... Мартин поежился, вспомнив, как пару седьмин назад двое пастухов умудрились заснуть, стадо разбрелось и одного борова потом так и не нашли. Орм тогда молча схватил их и саданул головой о голову. Один умер на месте, другой остался слепым.

— Смотрите! — тревожно вскрикнула Рона, указывая. — Смотрите, там...

Мартин проследил глазами за ее жестом. Куда ни посмотри, под серым небом тянулась тоскливая бурая пустошь с редкими островками зеленого, белого и лилового. Вереск почти весь исчез — что не сжирали свиньи, заставили выполоть, а на освободившемся месте рос земляной хлеб. Наверное, поэтому чужакам и удалось подобраться совсем близко — черные, серые и рыжие плащи, чешуйки брони проржавели и заляпаны грязью, так что они почти совсем слились с унылым ландшафтом. Теперь их разделяли десятка три шагов; Мартин понятия не имел, кто такие эти гоблины, но судя по тому, как те хищно ухмылялись и сжимали в руках топоры и копья, ничего хорошего ждать не приходилось.

Он глубоко вздохнул и сжал кулаки, пытаясь подавить накатившую панику. Что делать? Бежать и бросить без присмотра этих проклятых свиней? Лучше уж сразу...

— Тэд, на землю! — прошипел он за секунду до того, как чужаки заметили глядящих на них пастушков. На счастье Тэд не стал задавать лишних вопросов и упал, как будто ему подрубили ноги. — Ползком, быстро, как можешь — в замок! Приведи Орма с остальными. И не беги, а то тебя увидят...

Он прикусил язык, видя, что гоблины приближаются, но успел услышать, как за спиной зашуршала сминаемая Тэдом невысокая трава.

Чужаки были уже близко. Мартин насчитал семерых — у половины кожа серая, как у гоблинов Орма, у других светлая, почти белая, один вообще был покрыт пятнами. И доспехи были не на всех — некоторые в кожаных куртках и рваных туниках. Разбойники, понял он. Шайка разбойников, совсем как наши. Хотят угнать стадо. Надо же было так вляпаться!

Тот, что шагал впереди всех, в покрытом ржавчиной кольчужном капюшоне и

чешуйчатом доспехе, походя отшвырнул в сторону Рону и схватил ближайшего борова за загривок. Крикнул что-то своим и те засуетились, пытаясь окружить стадо. Лечи не выдержал и бросился было бежать, но один из гоблинов легко настиг его, сграбастал и забросил на плечо под хохот остальных. Лечи задергался, тонко закричал от страха, и только тогда Мартину удалось стряхнуть с себя накотившее оцепенение. Он метнулся к разбойнику в кольчужном капюшоне — наверное, вожаку шайки, судорожно пытаясь вспомнить ту жалкую пару слов на языке гоблинов, которые успел выучить.

— Стой! — закричал он. — *Нъйог!* Нъйог!

Гоблин уставился на мальчика, выкатив мутные глаза. Мартин почувствовал, как от страха его бьет крупная дрожь, такая, что даже колени подгибаются. Если бы только можно было сейчас просто повернуться и убежать! Но эти проклятые небом свиньи — Орм за них с него шкуру спустит. И не оставлять же этим гадам Рону и Лечи!

— Это... это земля фьюльдинга Орма! Его стадо! Если вы сейчас...

Гоблин сгрёб Мартина за рубашку, поднял в воздух и встряхнул так, что у того перехватило дыхание. Прорычал что-то на своем языке.

— Фьюльдинг Орм граут! Мы принадлежим Орму! Он вам всем кишки выпустит, если не оставите нас в покое!

Мальчик успел, вывернувшись, указать на виднеющуюся не так далеко башню Мшан, а потом гоблин ощерился и с силой швырнул его о землю. Мелькнуло серое небо, на долю секунды взвыл ветер, а потом удар и у Мартина из глаз посыпались искры. От силы падения из легких вылетел весь воздух, так что даже закричать толком не получилось. Да что там закричать — он и вздохнуть не мог. Вокруг стало очень быстро темнеть, и, теряя сознание, он вспомнил турнир и рыцаря в оранжевом, которого вышибли из седла. Тот, наверное, чувствовал себя примерно так же...

Мартин пробыл в забытии совсем недолго и очнулся скорее всего от страшного шума, который обрушивался на него со всех сторон. Свиньи верещали, будто разбойники собрались резать их прямо здесь, в поле. Гоблины топали вокруг, орали что-то на своем языке; время от времени слышался звук, вроде как камнем били по железу, каждый раз сопровождающийся новыми воплями. А тут еще Лечи, который тормозил его и испуганно причитал: «Ой, Мартин, ты же не умер? Ты же не умер, да? Ой, небо, небо, только не умирай...»

Он поморщился, чуть приподнял голову.

Вот же дурни. Казалось бы, набрели на стадо — хватайте свинью, ну двух, и уносите ноги, тем более, что вам только что сказали — хозяин здесь совсем недалеко. Но разбойники, то ли из жадности, то ли действительно по глупости, пытались собрать и угнать с собой все стадо. Получалось плохо — свиньи визжали и разбегались, борова снова затеяли драку, а еще Рона, о которой забыли, вертелась на безопасном расстоянии и швыряла в гоблинов камни. Те бесились, пытались схватить ее — Рона отбегала и уворачивалась; один из бандитов бросил в нее копьё — та уклонилась и издевательски рассмеялась...

Мартин через силу улыбнулся. Молодец Рона, хорошо придумала. Сам бы помог ей, если бы все не болело так, будто в теле не осталось ни одной целой кости.

— Не бойся, я в порядке, — проговорил он и похлопал Лечи по руке. — Лучше убегай. Сейчас самое время, они не смотрят...

Гвалт перекрыл пронзительный гневный крик. Мартин узнал голос и обернулся — со стороны замка бегом приближалась гоблинша из отряда Орма. Вроде бы ее звали Грид, и она, не снимая, таскала золотое ожерелье, которое сразу после турнира купил жене сэр

Уилмот — только леди Эйли носила его на шее, а у гоблинши оно едва застегивалось как браслет, на запястье. За ней маячили остальные — Стигр, Хьялмар, Торгир, самый здоровый из воинов фьюльдинга; сам Ормтяжело шагал позади, холодный и невозмутимый как всегда. Меч мерно покачивался в его огромной руке.

Разбойники замерли, захваченные врасплох, завертели головами, потом их вожак тоже закричал и поспешно перебросил щит, что висел на ремне за спиной, себе на руку. Остальные последовали его примеру, сбились в кучу и встретили подбежавшую Грид стеной щитов, так что она успела только рубануть по одному из них своим топором и отскочила, чтобы не попасть под ответный удар.

— Беги отсюда, затопчут же и не заметят! — Мартин оттолкнул Лечи, попытался подняться сам и закусил губу, чтобы не закричать. Как же все болит! Лечи пришел на помощь, подхватил и помог отковылять подальше от готовой вот-вот начаться свалки.

Разбойники попытались было отойти, пяясь и огрызаясь, но воины Орма успели взять их в полукольцо. Гоблины скалились, рычали друг на друга, переругивались на своем языке. Потом внезапно в стене щитов открылась брешь и в воздухе просвистело брошенное одним из налетчиков копьё. Стигр молниеносно выбросил вперед руку, перехватил его, перевернул движением запястья и швырнул обратно. Из-за слишком поздно сомкнувшихся щитов кто-то коротко крикнул; раздался глухой звук падающего тела, быстро утонувший в новых яростных воплях.

Потом наконец подошел Орм и крики смолкли. Он вышел вперед, к самому строю разбойников, воткнул меч в землю, стал говорить что-то. Вожак шайки злобно зарычал в ответ, высунув голову в капюшоне из-за спин своих. Орм повысил голос. Мартин разобрал что-то вроде «Мои свиньи. Мои *каргтун*» («Люди?» «Рабы»? Гоблин указывал куда-то в их сторону). Они пререкались, где-то с минутой, наконец фьюльдинг покачал головой, выдернул меч из земли и повернулся, чтобы вернуться к своим.

А потом все кончилось так быстро, что Мартин еле успел понять, что происходит. Орм крутанулся на месте, рядом с ним вдруг оказались двое его воинов, и вместе они обрушились на выставленные разбойниками щиты. Снова вопли, треск, звон металла, глухие удары и влажный хруст; Торгир, Грид, Йорн, весь отряд фьюльдинга ринулся вперед, разваливая и без того хлипкую стену. Несколько раз взлетели и опустились секиры и дубины, и вот в живых остался всего один налетчик, но и этот не успел даже взмолиться о пощаде — ошалело оглянулся на распластанные в грязи тела товарищей, отбросил свой топор, раскрыл было рот, а потом сверкнул меч и его голова упала в бурую от крови жижу.

Мартин зажмурился слишком поздно. Его скрутила тошнота, он пошатнулся и упал на колени. Простоял так, кажется, целую вечность, изо всех сил пытаясь не расстаться со скудным завтраком, который ел с утра. И не трястись. И не разреветься, как девчонка, от ужаса, отвращения и боли во всем теле.

— Вставай! Мартин! Вставай, ну! — кажется, это Рона. Его подхватили с двух сторон, подняли на ноги. Он открыл глаза. Свиньи, хрюкая, бродили вокруг; эти двое боронов, чтобы их молнией поразило, снова успели подраться между собой. Гоблины обыскивали убитых и собирали брошенное оружие...

— Вы, — сказал Орм. Он подошел, навис над ними, скрестив руки на груди. Серое лицо непроницаемо, только холодно блестят глаза в прорезях шлема. Мартин заметил, как съежилась Рона. Лечи тихо захныкал.

— Не пищать. Соберите стадо. Это потом ваше. — гоблин ткнул пальцем в сторону, на

тушу свиньи, которая, видимо, случайно попала под удар чьей-то секиры. — Мясо. Для ваших семей. Вы хорошо стерегли.

Он повернулся и неторопливо зашагал назад в сторону замка.

Золотой орел

Если бы Мартина спросили, ненавидит ли он новых хозяев, он, наверное, не сразу нашелся бы с ответом. Они убили сэра Уилмота, который и защититься-то толком не мог, убили леди Эйли и их слуг, родителей Рори. А может, и самого Рори в битве на берегу зарубил кто-то из отряда Орма.

Но тех, кто не пытался бунтовать или бежать, гоблины не трогали и даже награждали иногда за хорошую работу. Или просто так — как в самом начале весны, когда они развели во дворе замка огромный костер, готовили на нем мясо, пели протяжные песни на своем языке, а потом отдали поселянам двух почти не тронутых жареных свиной и бочку мутного пойла из земляного хлеба.

«Праздник бога на островах,» — сказал Орм. — «Стюр Одноглазый победил отца морских змеев. Стал богом. Очень давно. Теперь праздник.»

Но людей, которые бежали из других деревень, захваченных гоблинами, он не колеблясь прогонял. Такие иногда появлялись, приходили в основном с востока и юга, изможденные, оборванные, часто искалеченные — кто хромотал, у кого не было носа или нескольких пальцев на руках. Орма не трогали мольбы и рассказы о том, как их морят голодом, истязают и заставляют тяжело работать.

— Нет. У меня свои рабы. Чужие не нужны. Я не стану воевать с другими фьюльдингами из-за людей, — говорил он в ответ. — Иди назад или дальше.

— Да куда идти-то?! — взмолился один из таких бедняг. — Ваши ведь все одинаковые, не один до смерти замучает, так другой! Я от самых Южных Полян добирался, слышал, в Вересковицах хозяин добрый...

Гоблин покачал головой. Беглец рванул на груди грязную рубаху и крикнул, что скорее умрет, чем вернется назад. Орм, не говоря ни слова, схватил его за горло и сжал. Хрустнуло, человек дернулся, обмяк и больше не шевелился.

Летом через пустошь на север все чаще стали тянуться отряды гоблинов, шли повозки, груженные награбленным скарбом — от корзин и мешков со съестными припасами до монастырской золотой утвари. Они гнали с собой скот и вереницы пленников, не останавливались в Мшанах и уходили назад, откуда пришли, к побережью.

В Вересковицах шептались и спорили, Кто-то уверял, что король собрал новое войско, сумел разбить гоблинов и теперь они бегут обратно на острова; другие — что откупился от них золотом и серебром, опустошив казну королевства. Третьи и в этом сомневались, говорили, что гоблины просто выжали из захваченных земель все, что могли, и даже если и уходят, то обязательно вернутся через несколько лет.

Одним теплым вечером, когда солнце только начало катиться на закат и небо еще не успело потемнеть, на горизонте, жирно-черные на бледно-золотистом, встали столбы дыма. Тэд говорил, что слышит вдалеке крики, конское ржание и звон мечей. Мартин, сколько ни напрягал уши, ничего такого не услышал, но Тэд клялся небом, что там, совсем недалеко, идет бой, и что королевские солдаты если не ночью, то утром точно придут и освободят Вересковицы.

Ни ночью, ни утром никто не пришел, и более того — оказалось, что замок пуст. Гоблины ушли под покровом темноты, умудрившись незаметно увести свое стадо. Один из деревенских, что посмелей, заглянул за ворота Мшан, а вернувшись, подтвердил — замок

пуст, отряд Орма ушел, забрав что было ценного.

Вскоре подтянулись остальные; пока поселяне толпились у стены Мшан, шумели, взволнованно переговаривались, до сих пор не веря, что гоблины ушли, будто и не правили здесь целых полгода, на гребне одного из дальних холмов появился всадник. Один, двое, десяток, и вскоре сотня с лишним на сильных холеных конях спустилась по склону к дороге, что вела на север. Одетые в темно-фиолетовое, в сияющих под лучами восходящего солнца кольчугах и шлемах, они пронеслись мимо, не останавливаясь; на остриях пик трепетали флажки, над головами конников развевалось знамя того же пурпурного цвета, с раскинувшим на нем крылья золотым орлом, окруженным россыпью звезд. Только один из замыкающих на секунду придержал коня и крикнул:

— Именем короля! Вы свободны! Возвращайтесь в свои дома и дожидайтесь прибытия людей Его Величества!

Всадники быстро удалялись, сопровождаемые радостными криками. Люди бросались друг другу на шею, плакали, хлопали один другого по плечам и спине. Мать сжала Мартина в объятиях и расцеловала в обе щеки, а он смог только неловко улыбнуться и попытался поскорее улизнуть в сторону.

Что-то не так, подумал он. Я что, единственный, кто заметил, что это чужие воины? Чужие воины под чужим флагом.

Два дня спустя люди короля, кем бы он ни был, заняли замок — два десятка копейщиков и арбалетчиков в пурпурных сюрко с золотым орлом и с ними толстяк с щегольской бородкой, несмотря на тепло одетый в отороченный мехом камзол. Несколько поселян решили было сходить и узнать, кто это такие, но их отогнали, пригрозив оружием. Мартин вместе с Роной и Лечи увязался за ними и слышал разговор.

— Придете завтра с утра! — заявил один из солдат. — Все, сколько вас тут живет. Господин шериф переписет вас и примет присягу Его Величеству.

— Кто?

— Шериф, дурила! — обозлился копейщик. Он говорил странно, глотая окончания слов, и вообще, его выговор звучал незнакомо. — Человек, которого назначили блюсти закон и вершить правосудие в графстве.

— В каком еще графстве? — удивилась одна из деревенских, Миррен. — У нас тут его милость барон всегда правил, а графьев никаких отродясь не было.

— Мозгов у вас тут отродясь не было ни у кого! — сплюнул солдат. — Баба глупая! Завтра придете — шериф все и расскажет, а сейчас отошли от ворот, пока я добрый!

Шериф и оказался тем тепло одетым человеком, что приехал вместе с солдатами. Он встретил жителей Вересковиц во дворе замка, приветливо улыбаясь и кивая, а когда старый Кензи поднес ему меда, поблагодарил — вроде бы даже от всего сердца.

— Не гневайтесь, сэр, что так мало, — пробормотал Кензи и поклонился. — Только угостить вас толком нечем. Пока гоблины здесь хозяйничали...

Шериф снова покивал и похлопал его по плечу.

— Благодарю, отец. По поводу гоблинов поговорим позже. Ты здешний староста?

— У нас тут здесь такого, сэр. Я просто самый в Вересковицах старший, так что наши вот попросили...

— Это нехорошо. В каждой деревне должен быть староста, — снова перебил его толстяк. — Чтобы представлять ее перед господином. Выберите.

Он знаком отпустил Кензи, прокашлялся и заговорил громко, напрягая горло:

— Добрые люди! Время страха и притеснений прошло. Да будет вам известно, что эти земли освобождены от ига гнусных чудовищ с северных островов и отныне находятся под защитой Его Величества Карла Второго Объединителя!

По замковому двору пронесся недоуменный ропот.

— Кого?..

— Это кто такой?

— У нас ведь свой король... он погиб, что ли?

— Карла Второго Объединителя из дома Баннербойнов, короля Венардии, потомка славного Ройса Золотого и собирателя земель его древней державы! — продолжил шериф еще громче. — Не бойтесь! Ваш правитель жив и здоров. После того как армия Венардии разбила войско гоблинов, которое стояло у стен его столицы, и сняла осаду, он в знак благодарности отрекся от престола, передал власть над Карлейном Его Величеству Карлу и удалился в один из монастырей братьев Чистого неба... Да будет вам известно, что так же поступили короли Мида и Лостада! Так же и королева Эйрии поклялась, что препоручит свои земли заботе Его Величества, как только он поможет эйрицам изгнать захватчиков.

Он поднял палец к небу, где над башней плескалось пурпурное знамя.

— Добрые люди! Только когда золотой орел Венардии раскинет свои крылья от северного моря до южных гор и от лесов запада до зеленых холмов востока, когда отпавшие когда-то от державы короля Ройса земли вернутся под власть его потомков — только тогда, единые и сильные, сможем мы окончательно разбить гоблинов и вышвырнуть их назад на их острова! — тут шериф остановился, перевел дыхание и глотнул из кувшина, который услужливо поднес один из солдат. — Итак, баронства и ленные уделы, что даровались рыцарям, указом Его Величества в нынешних своих границах упразднены! Вересковицы вместе с Сорочьими Камнями, Заовражьем, Пепельными Сопками, Хеймишевым Полем, — он назвал еще с десятков деревень. — и городами Беломост и Данов Холл по милости короля дарованы графу Лестеру Голларду, чьими людьми вы теперь являетесь. Оброк, который ваша деревня платила своему сюзерену, настоящим урезается вдвое! Также упраздняется сбор ополчения во время войны! Однако...

Его следующие слова утонули в одобрительном шуме. Толстяк, все так же добродушно улыбаясь и кивая, дождался тишины и заговорил снова:

— Его Величество справедлив, милостив и могуществен. Он содержит постоянную армию и не хочет отрывать мирных поселян от земли. Каждый пусть занимается своим делом, так?

— Точно так, сэр! — выкрикнул кто-то. — Да благословит короля небо, сэр!

— Конечно, конечно, — сказал шериф. — Однако вы должны понять, добрые люди, что Его Величество одной рукой дарует милость, а другой, если нужно, и наказывает. По мере освобождения Лостада, Мида, да и вашего Карлейна, часто — слишком часто — оказывалось, что живя под гнетом гоблинов местные жители и не помышляли о сопротивлении захватчикам. Были немногие, кто уходили в леса и на болота, сжигали свои дома, чтобы они не достались гоблинам, травили колодцы, сбивались в отряды и храбро сражались с чудовищами с севера. Но гораздо больше было тех, кто трусливо покорялся гоблинам и даже не думал о том, чтобы дать им отпор...

— Так это... сэр... господин шериф, — растерянно проговорил Кензи, снова выйдя вперед. — Вы же сами сказали, пусть каждый своим делом занимается. У нас тут народ мирный, а гоблинов вы, наверное, сами видели, громили громилами. Голыми руками тебе

шею свернут, и пикнуть не успеешь. Финн, паренек из наших, попробовал на их главного с ножом бросится, только без толку, сгинул зря и все.

Шериф грустно покачал головой.

— То-то и плохо, отец, что он один бросился. А навалились бы вы всей деревней — глядишь, и вышел бы толк. Но это полбеды. Во многих местах люди не только не отваживались дать захватчикам отпор, но и прислуживали им. Пасли их скот, выращивали для них эти мерзкие клубни. Вот это хуже всего. Но я надеюсь, у вас в Вересковицах до такого не опустились, так ведь?

— А что делать, господин шериф? — раздался женский голос — Мартин не разобрал, чей именно. — Кензи верно сказал, мы драться особо не умеем, а эти вон какие здоровые, и все с оружием. Прикажут — и свиней их пасти станешь, и вереск выполешь, чтобы для земляного хлеба место расчистить. Прикажут прыгать — станешь прыгать, только спросишь сначала, как высоко.

— Замолчи, дура! — испуганно одернули его.

— Сама замолчи! Что, я неправду говорю? Все вокруг деревни клубнями этими засажено, господа из Венардии все равно увидели бы...

Толстяк шериф, казалось, искренне огорчился.

— Что ж, очень жаль, очень жаль, — вздохнул он. — Право же, вы кажетесь мне славными малыми, но закон есть закон. Его Величество повелел наказывать тех, кто вместо того, чтобы по мере своих сил сопротивляться гоблинам, покорялся и прислуживал им. Итак...

У Мартина екнуло в груди. Ну что за невезение такое! Только избавились от одних чужаков — на голову свалились другие и тут же рвутся наказывать за что-то! А вдруг этот тип просто прикажет солдатам перебить всех прямо здесь, во дворе замка? Ну нет, этого еще не хватало! Он... он выйдет и скажет, что пас гоблинское стадо один, с самого начала один — пусть его и наказывают. Может, высекут или отрубят пальцы, или еще что-нибудь в этом роде, но не убьют же. Не станут они убивать ребенка. Наверное не станут.

Мартин сделал шаг вперед, еще один...

— Куда? — прошипел отец, схватив его за плечо.

— Вы, жители деревни Вересковицы, проявили малодушие и трусость и разгневали этим небо! — объявил шериф. Его тон немного изменился — сейчас он будто повторял по памяти что-то, что говорил уже много раз. — Посему наказание ваше таково — вы служили мерзким гоблинам, что захватили вашу землю, но вдвое усерднее будете служить освободившим вас воинам Венардии. Отряд из пятнадцати человек помещается на постой в этом замке, чтобы блюсти закон и в случае необходимости защищать вас, ваша же обязанность — кормить наших доблестных воинов, обеспечивать всем необходимым и все, что они прикажут вам, исполнять в точности и незамедлительно!

Он перевел дух и снова улыбнулся.

— Ну вот, не так все страшно, так ведь? Король строг, но справедлив. Хорошо, а теперь давайте-ка подходите по одному, я запишу ваши имена и приму присягу Его Величеству Карлу...

«Да при гоблинах и то лучше было».

Эти слова Мартин слышал часто — в полях, на единственной деревенской улочке, и дома, в разговорах родителей. Ворчать и шептаться начали почти сразу же — когда спустя несколько дней после того, как венардийский отряд обосновался в Мшанах, солдаты отобрали у жителей Вересковиц всех овец.

— Тут в округе, может, гоблины недобитые шляются, — покручивая вежду пальцами длинный ус, объяснил их командир, здоровый мужик, который повелел величать себя капитаном Венделлом. — Вы что, хотите однажды проснуться и вместо овец найти только кости обглоданные? А нам потом от господина шерифа нагоняй, мы ж за вашу дыру в ответе. Нет, пускай животинка у нас под боком будет — целее останется.

— Капитан, сэр, а вот молоко и все прочее, с этим-то что? — робко возразил тогда Кензи, который и вправду взял на себя обязанности чего-то вроде старосты. — Пока гоблины у нас стояли, все забирали себе, а теперь...

Венардиец ухмыльнулся.

— Ну, значит вы привыкли уже, не пропадете. А мы с ребятами кровь проливали, чтобы вас освободить, что мы, молока свежего не заслужили? Кроме того, дед, ваша деревня вообще проштрафилась — помнишь, что господин шериф говорил? Вот и считайте это наказанием. И небо благодарите, что легко отделались.

Обступившие их солдаты дружно заржали, и Кензи, сгорбившись, ушел ни с чем.

Дальше — больше. Венардийцы позволили расчистить немного земли от гоблинских клубней и разбить на ней огороды, но потом объявили, что все, что взойдет на них, следует сдавать в замок.

— Так король же оброк урезал, — заикнулся кто-то.

— А это и не оброк, — сказал капитан. — Дар благодарных поселян освободившим их от гоблинского гнета доблестным воинам Венардии. Или кто-то против?

Против высказаться никто не осмелился; люди только хмурились, шептались между собой, да провожали солдат, появлявшихся в деревне, мрачными взглядами. При гоблинах и то лучше было, ворчали они один другому, но громко произнести это никто не осмеливался. Даже когда капитан Венделл решил, что ловить в силки мелких птичек, как это всегда делали в Вересковицах, теперь запрещено и Кензи, не вытерпев, сорвался на крик, у него все равно не хватило смелости произнести то, о чем говорила вся деревня. А может, у старика от гнева это просто вылетело из головы.

— Да как так-то?! — кричал он, тряся в воздухе кулаками. — Почему запрещено? Я всю жизнь ловил, и отец мой ловил, и...

Солдаты посмеивались, глядя на него, но на всякий случай держали руки на рукоятках коротких мечей, двое или трое даже наставили копыя — за Кензи к замку пришла вся деревня.

— Раньше вы сами по себе были — спокойно пояснил капитан. — А в Венардии закон — запрещено простолюдинам охотиться на дичь на королевской земле. Птички эти ваши считаются дичью. А земля чья? Его Величества. То-то и оно.

— Шериф же сказал — это графские земли!

— А графу их кто пожаловал? Король. Служивым людям вроде нас здесь можно

охотиться, а вам нет.

У Кензи от негодования даже пена выступила на губах.

— А что же нам есть тогда? — просипел он.

— А что раньше ели, хлеб этот ваш земляной, — сплюнул венардиец. — Пока тут гоблины хозяйничали никто вроде с голоду не пух, нет? Он ведь круглый год растет.

— Мошенники! — заорал старик и снова воздел к небу сжатые кулаки. — Да вы... Да вы хуже...

Солдаты шагнули к нему, некоторые потянули из ножен мечи, но в это время к Кензи бросились человек пять деревенских и оттащили назад его от греха подальше.

— Проходимцы! — кричал он. — Я на вас управу найду! К королю отправлюсь! К шерифу! Он вам задаст!

Мартин тогда испугался, что тут старика и прикончат — даже колоть не придется, ему бы и простого удара древком по седой голове — но капитан, казалось, даже не рассердился.

— Да кто ж тебя держит, дед, — пожал он плечами. — Хочешь господину шерифу пожаловаться — твое право. Езжай в Данов Холл, он тебя выслушает и по-честному все рассудит.

— И поеду! — огрызнулся Кензи. — Кровопийцы проклятые!

Он поехал и не вернулся. Ни через седмицу, ни через две, ни через месяц. Капитан венардийцев только покачал головой.

— Я же говорил, в округе еще недобитки ошиваются, — сказал он. — И местных разбойников хватает, расплодились за последнее время. Кому-то из них ваш дед и попался. А кто я такой, чтобы запрещать ему к шерифу обратиться? Он в своем праве был.

А потом стало совсем плохо. Земляной хлеб поразила какая-то зараза, от которой клубни покрывались коричневым пушком, смердели и разваливались в руках, а на вкус стали совсем отвратительными. Готовить их все еще было можно, но потом приходилось расплачиваться дурнотой, головной болью и резью в животе.

— Не дохнете — ну и ладно, — смеялись солдаты, когда их пришли просить, чтобы вернули овец или снова позволили ставить силки на птиц. — Нечего было под гоблинов стелиться. Само небо вас наказывает!

В тот злосчастный день Мартина выманили из дома громкие крики, пронзительный звук свистка и топот. Он выскочил за дверь и тут же чуть не врезался в кого-то — вдоль улицы уже собирались люди. Из-за их спин ни его не было видно, только слышались все те же отчаянные крики, неразборчивые и вроде бы далекие, но приближающиеся с каждой секундой. Мартин ужом ввинтился в толпу, уклонился от чьего-то локтя, споткнулся и чуть не вылетел прямо на середину улицы. Первым, что он увидел, были бегущие со стороны замка венардийцы — около десятка, с обнаженным оружием. Снова свист. Мартин завертел головой и наткнулся взглядом еще на двоих солдат, что спешили навстречу своим; один зажал в зубах свисток и дул, раздувая побагровевшие щеки, другой, грубо схватив за локоть, тащил за собой... это кто, Двенна, что ли?

Мартин присмотрелся — точно, Двенна, дочь Миррен, живет на дальнем конце деревни, у самых полей. Тонкая, как молодое деревце, тихая, миловидная; старше его лет на пять, поэтому Мартин особо не был с ней знаком. Сейчас, бледная от страха и боли, она хваталась за руку солдата, чтобы не упасть.

— Пожалуйста, — умоляла она. — Пожалуйста сэра, я... Неба ради, сэра, отпустите, пожалуйста!

Кто-то попытался заступить венардийцам дорогу, попробовать урезонить их, но тут же покатился в пыль от тычка копейным древком в грудь.

— С дороги! С дороги, кому сказал!

По толпе жителей Вересковиц прокатился гневный ропот. Не слушая вопли солдат, люди окружили их, загородили путь, попытались было отбить девушку, но в это время с другой стороны подоспели остальные венардийцы и принялись расчищать себе дорогу пинками, зуботычинами и ударами древков.

— Так, тихо! Заткнулись все! Отошли назад! — перекрывая шум, рявкнул капитан. — Отошли, мерзавцы!

Ощетинившись копьями, отряд венардийцев сумел заставить людей отступить на несколько шагов, и их командир обратился к солдату, что схватил Двенну:

— Что тут у тебя, Хоб?

— Поймали эту, когда в силках копалась, сэр. — хрипло ответил тот. — Птицу воровала, стало быть.

Девушка, бледная как полотно, заломила руки.

— Я же не для себя! — взмолилась она. — Мать третий день болеет, не ест ничего. хлеб этот проклятый в рот взять не может, сразу все обратно... Я только пару птичек взять хотела, суп ей сварить...

Поселяне снова зашумели, подступили ближе.

— Молчать! — заорал капитан Венделл. — А ну по домам все! Твари неблагодарные! Мы себя не щадили, от вас гоблинов освобождая, а вы тут бузите? Закон нарушаете, на солдат Его Величества руку поднять осмеливаетесь! По домам, я сказал!

— Да при гоблинах и то лучше было!

Мартин хотел произнести эти слова совсем тихо, пробормотать себе под нос, но в груди у него кипело от возмущения и жалости к Двенне, и вышло громче, чем он рассчитывал. Слишком громко.

Капитан дернул головой в его сторону:

— Кто это сказал?!

Мартин даже не успел испугаться. Все закружилось и замельтешило перед глазами, чья-то рука схватила мальчика за плечо, дернула так, что он едва не упал; гневные крики, ругательства, женский плач, чьи-то голоса, кажется, родителей, зовущие его по имени, звуки ударов. Кто-то вцепился ему в руку, дернул так, что чуть не оторвал, потом с такой-же силой его потащили обратно. Мартин попробовал было освободиться, слепо махнул кулаком и зашипел от боли, разбив костяшки о чье-то обтянутое кольчугой пузо. Его ударили в ответ — так сильно, что на мгновение стало совсем темно, если не считать плавающих перед глазами светящихся пятен, в ушах зазвенело, а когда боль отступила и стало немного полегче, Мартин обнаружил себя окруженным солдатами. Его по прежнему держали за плечо, в шею упиралось что-то острое и холодное. Скосив глаза, он увидел совсем рядом всхлипывающую от страха Двенну, у горла которой один из венардийцев держал узкий короткий нож. Двое солдат целились в толпящихся напротив поселян из арбалетов — у одного из них сюрко было разорвано, на лице кровь; второй в потасовке потерял свой шлем.

— Все, все, — заговорил капитан Венделл, на этот раз уже совсем не такой грозно и громко. — Помахали кулаками и будет. На первый раз я вас прощаю, а теперь разоидитесь по домам, пока ребята по-настоящему за вас не взялись.

Снова голос матери; она, захлебываясь слезами, звала его по имени опять и опять.

Мартин хотел было отозваться, найти ее взглядом, но головой было не пошевелить — в шею сразу врезалось острие.

— Разойдемся, когда Двенну и пацана отпустите, — ответил кто-то из толпы. — Храбрецы, чтоб вас молнией поразило! Только и можете, что с детьми и женщинами воевать?

— Язык придержи, — огрызнулся венардиец. — Они нарушили закон и подлежат наказанию за браконьерство и крамольные разговоры. Все! Не разойдетесь — хуже будет!

— Вы что ж, убьете их?! — выкрикнула какая-то женщина. — Изверги!

Капитан примирительно поднял руки.

— Да что вы, совсем за нелюдей нас считаете? Все по закону будет. Посидят ночь под замком, утром отвезем их в Данов Холл к шерифу, он пускай с ними и разбирается... и нечего шуметь! — добавил он. — Господин шериф — человек добрый и справедливый, сами знаете. Он зверствовать не станет. Все, а теперь разойдитесь, последний раз по хорошему прошу!

Темницы в Мшанах, конечно, не было. Их втолкнули в какую-то каморку, такую крошечную, что даже растянуться на полу не получилось бы — только сесть, вытянув ноги. Какое-то время Мартин пытался прийти в себя. В голове все еще звенело после удара, которым его угостил один из солдат, а потом, с запозданием, накатил страх. Руки задрожали, грудь сдавило так, что не вздохнуть. Он не боялся, когда хотел выйти вперед и заявить шерифу, что сам, в одиночку пас гоблинское стадо, но тогда и угроза наказания казалась какой-то... не настоящей, что ли. А сейчас все было взаправду. Шериф действительно казался человеком незлым, но кто его знает, что по венардийским законам полагается за эти, как их... какие-то разговоры? Может, его повесят. Может, отрежут язык. Мартин не был уверен, почему, но ему казалось, что за такое должны наказывать посуровей, чем за какую-то несчастную птичку из силка.

Тут он вспомнил, что не один, обернулся к Двенне, и увидел, что та горько плачет, сжавшись в комок и спрятав лицо в ладонях. Мартин мысленно выругал себя. Нашел время, чтобы раскиснуть и трястись от страха! Вот кому по-настоящему страшно и плохо — она же девчонка, и вообще...

— Эй, — он протянул руку и легонько коснулся ее плеча. — Двенна, ты... не убивайся ты так. Ничего тебе не сделают. Расскажешь шерифу, как все было, он поймет. Ну, может, отругает тебя немного, и все. И домой отпустит. Двенна...

Девушка подняла голову. Даже в темноте каморки Мартин разглядел бледность ее лица и круги под глазами.

— Глупый ты, — сказала она. — Ты что, решил, я из-за себя слезы лью? Да пусть хоть на куски меня режут, мне-то что. А кто за матерью присмотрит, пока меня нет? У нее горячка, три дня уже подняться не может.

— Соседи и присмотрят, — пробормотал в ответ Мартин. — И Кара... она же столько травок всяких знает, найдет, чем ей помочь.

Двенна прерывисто вздохнула.

— Кара сказала, что мать от голода ослабела совсем, поэтому и лихорадка никак не проходит. А хлеб этот проклятый она есть не может. Если... если сама живой вернусь, то ее уже точно не застану. Или горячка ее доканает, или голод...

Девушка снова тихо заплакала, уронив голову.

— Двенна...

— И ты из-за меня пропадешь, — всхлипнула она. — Сидел себе дома и сидел, кто тебя просил нос на улицу совать? Ой, небо, небо..,

Мартин хотел хоть как-то утешить ее, заверить, что все будет хорошо, и не нашел что сказать. Навалилась тоска, горькая и черная, и он изо всех сил зажмурился и сцепил зубы, чтобы самому не заплакать. Ему смертельно захотелось домой, к родителям. Пусть ругают его за эту глупую выходку хоть до завтра, пусть отец по шее съездит, лишь бы снова оказаться дома.

Ладонь Двенны нашла его руку и легонько сжала. Стало немного легче.

Вскоре, сам того не заметив, мальчик погрузился в сон.

К концу четырехдневного путешествия в Данов Холл Мартин был слишком вымотан, чтобы глазеть по сторонам. Хотя и глазеть было особо не на что. Город почти ничем не отличался от Беломоста — те же дома с острыми крышами, толчея и галдеж на узких улочках. Разве что в центре Данова Холла вместо баронского замка возвышалось здание ратуши из темного камня и дерева. Над ним в начинающем темнеть небе лениво плескались флаги — венардийский золотой орел и мелкие белые цветы на черном. Пока двое солдат, которых капитан Венделл отправил в город вместе с Мартином и Двенной, вели их через площадь, мальчик успел заметить, как в дальнем ее углу, в стороне от уже закрывающихся лавок, толпятся люди, смеются и тычут пальцами в кого-то. Мартин напряг зрение — тощий человек в обносках стоит на коленях, опустив голову так, что длинные волосы закрывают лицо. Руки и шея закованы в колодки, а на груди дощечка, на которой что-то написано, но что — он не разобрал бы, даже если бы умел читать. Слишком темно, да и солдат, который тащил Мартина за шиворот, вряд ли остановился бы, чтобы дать ему прочесть.

Вверх на три скользкие ступеньки; тяжелые деревянные двери открылись, столкнувшийся с солдатами нос к носу человек в строгой темной одежде на вопрос где здесь господин шериф что-то буркнул и устремился дальше, но конвоиры, похоже его поняли. Вперед по длинному коридору, направо, снова направо, и они оказались в тускло освещенном единственным факелом тупичке. Здесь переминались с ноги на ногу еще двое солдат и неподвижно стоял, прислонившись к стене и закрыв глаза, высокий парень с заросшим черной щетиной лицом и шапкой спутанных волос. И так невзрачная одежда покрыта пятнами засохшей то ли грязи, то ли крови, руки в кандалах. Услышав приближающиеся шаги парень вздрогнул, бросил в их сторону напряженный взгляд, и Мартин увидел, что у него перебит нос, а один глаз заплыл.

— Все, стоять! Разбежались... — проворчал один из конвоиров.

«Разбежались». Если бы не накатившая от усталости апатия, Мартин, может быть, и рассмеялся бы. Солдаты о чем-то разговорились между собой, а когда мальчик тихонько окликнул Двенну (та за всю дорогу не проронила почти ни слова, только плакала иногда), его наградили подзатыльником и приказали заткнуться.

— ... язык за зубами держать не умеет, поэтому и оказался здесь. При гоблинах, говорит, лучше было.

— Вот дурень. А шгучку ту за что?

— А, эта. Браконьерствовала девчонка. А по закону...

— Дома, помню, один такой попался. Раз его в лесу над тушей оленя поймали, другой, а он глаза невинные делает и говорит, мол, волки задрали, вот, видите, и следы от клыков. Подозрительно, конечно, толко что ты с ним сделаешь? В третий раз сподобились обыскать,

а у него в сапоге нож интересный такой, с зубчиками всякими. А ну, иди сюда. Рукав этому молодчику закатали, и ножом по руке. Не поверишь — точно такие отметины оказались, что на туше...

— Ха. А откуда ты сам будешь?

— Селтон на Твейне, самая граница с Илором. Бывал, может?

— Не, я с севера. Так с ним, повесили?

— Повесили, само собой. Как он под петлей верещал...

— А ваш что натворил?

В это время приоткрылась дверь и оттуда, пятась и кланяясь в пояс появился пожилой лысый тип.

— Спасибо, сэр, дай небо вам здоровья за ваше милосердие, сэр, — тараторил он, чуть ли не подметая пол своим беретом. — Вы уж простите дурня! — а потом, отдуваясь, тихо добавил про себя: — Десять лун штрафа за то, что мясо немного с душком! Грабеж! Просто...

Он осекся, бросил на солдат трусливый взгляд и быстро, как мог, поспешил убраться. В дверях появился высокий светловолосый юноша, осмотрелся и позвал, обращаясь к кому-то за своей спиной:

— Тут еще трое, сэр!

— Ох, да я, похоже, сегодня домой вообще не попаду, — откликнулись из комнаты. Мартин узнал голос шерифа. — Загоняй всех сразу, постараемся покончить с этим побыстрее.

Не успел Мартин опомниться, как его вместе с Двенной и закованным в кандалы парнем втолкнули внутрь небольшого зала, освещенного факелами. Шериф восседал за длинным столом, сплетя пальцы на животе; светловолосый устроился рядом и приготовил пергамент и перо.

— Ну давай-те как начнем с этого, с синяком, что ли.

Солдаты тычком в спину выгнали парня в центр зала.

— Уилл из Пепельных Сопок, двадцать три года отроду, сэр, — доложил один из них. — Он это... понимаете, сэр... ну, на нашего одного напал, на Рода. Камнем его по голове окучил. И, значит...

Шериф приподнял брови.

— Погоди. Что, просто так взял и окучил? Ни за что ни про что?

— Э, понимаете, сэр, — промычал солдат. — Ну как сказать... Ну, не то, чтобы... Оно ведь как было...

— Он напал на мою невесту, — глухо произнес Уилл и поднял на шерифа налитые кровью глаза. — Обесчестил ее, сэр. Я отомстил. Жаль, что не убил его.

— Ну, это никуда не годится, — произнес тот и покачал головой. — Ты, конечно, не имел права бить солдата Его Величества, но и Род этот хорош. Пусть уж к овцам пристаёт, раз совсем приперло... Ладно, он понесет наказание. Записываешь, Гарри?.. Уилл из Пепельных сопок за нападение на королевского солдата приговаривается к отсечению правой руки. А Роду этому вашему штраф в пользу короны. Три медных звездочки. Пусть из жалованья вычтут...

Звякнуло железо. Парень тычком в живот опрокинул одного из конвоиров, ударил другого локтем в лицо, и рыча что-то, бросился на шерифа. Мартин услышал, как испуганно вскрикнула Двенн; светловолосый Гарри вскочил было, опрокинув скамью и тянясь за

висящим на поясе кинжалом, а потом Уилл упал. Поскользнулся на ровном месте, неловко взмахнул скованными руками и повалился, ударившись лицом о край стола. Мгновение спустя солдаты набросились на него и скрутили.

— Да ты тот еще гусь, я вижу, — укоризненно произнес шериф. Его произошедшее, казалось, совсем не смутило. — Мошенник этакий. Нападать на представителя Его Величества — это тебе не Родов всяких по голове камнями бить. Гарри, добавь там — отсечение левой руки и повешение. Все, тащите этого типчика в тюрьму, а завтра с утра мы его вздернем. Кто там дальше у нас?

— Сэр, вы целы? — встревоженно спросил Гарри. — Не задел вас этот негодяй?

— Ох, да нет, — усмехнулся тот. — Три месяца ты у меня в помощниках, а каждый рад подскакиваешь, никак не привыкнешь. Браслет, Гарри, забыл? Браслет судьбы все беды отводит.

Шериф оттянул рукав камзола и в свете факелов тускло блеснул тонкий золотой обод, охватывающий его пухлое запястье. — Ну, ребята, давайте следующего. Девчонку вот эту, давайте ее сюда, а то мы так до утра не закончим.

Окаменевшую от страха Двенну вытолкнули вперед.

— Двенна из Вересковиц, семнадцать лет отроду, — сообщил один из конвойных. — Поймана за браконьерством.

Шериф нахмурился.

— Погоди-ка... Вересковицы...это оттуда же вроде дед один приезжал пару месяцев назад, с жалобой, что тамошний гарнизон им не дает птицу ловить, нет?

— Точно так, сэр, — подтвердил Гарри. — Вы еще сказали ему, что он, как староста, может подать прошение, чтобы им снова позволили ставить силки, но поскольку деревня наказана, то не раньше, чем через полгода. А он ругаться начал...

— Точно, точно, — закивал шериф. — А они, получается, все равно браконьерствуют? Это никуда не годится. Я же ясно передал...

— Кензи не вернулся, сэр, — сказал Мартин. — Мы ничего не знали о том, что нужно прошение подавать.

Шериф прищурился.

— Ты что, тоже из этих... как их... Вересковиц? Кензи — это дед этот ваш? Староста?

— Да, сэр. Он...

— Вот тебе и раз, — развел руками толстяк. — Гарри, как думаешь, мог он по дороге помереть?

— Не думаю. Вы ведь ему приказали совсем немного всыпать. Не мог он от десяти ударов плетью преставиться.

Шериф почесал в затылке.

— Ну, надеюсь, что так. Хотя ребята говорили, как уезжал, весь серый был и за грудь держался... Эх, ладно. Так что, девочка, ты зачем силки снова поставила? Сказали же вам — не положено.

— У меня мать захворала, сэр, — прошептала Двенна, вцепившись побелевшими пальцами в подол платья и не поднимая глаз. — А на земляной хлеб какая-то зараза напала, его и здоровые теперь еле в рот взять могут, а она и подавно. Я всего одну птичку из силков, что солдаты ставят, взяла, хотела для матери приготовить...

Шериф замахал руками.

— Погоди, погоди! Так это другое дело совсем. Дурачье вы, — обратился он к

конвойным. — Чуть из-за вас эту красавицу на виселицу не послал. Тьфу ты! Так она птицу из ваших силков стянула?

— Э... выходит, что так, сэр.

— Дурачье, — повторил он. — Это обычная кража получается, не браконьерство. За такое полагается всего-навсего нос отрезать. Гарри, записал? Ну все, давай, займись ей.

Двенна пошатнулась, вскинула на него округлившиеся от страха глаза.

— Сэр... господин шериф... пожалуйста... смилуйтесь, пожалуйста...

Тот на секунду задумался.

— Ну да, это я поспешил. Жалко такое милое личико уродовать. Гарри, ухо ей отрежь, За волосами совсем незаметно будет.

— Смилуйтесь! — вскрикнула девушка, рванулась, но один из солдат крепко держал ее за плечи, а потом подоспел помощник шерифа. — Господин... пожалуйста... пожалуйста!..

Ее утащили прочь.

— Ну а я что делаю? — обиженно отозвался вслед шериф. — Считаю, от петли тебя спас и калечить не стал! Седьмины через две заживет все... Вот же народ неблагодарный пошел!

Он перевел взгляд на Мартина.

— Ладно, а с этим что? Тоже птицу таскал?

— Никак нет, сэр, — доложил второй солдат. — Это когда мы девчонку в замок вели, пацан этот ляпнул, что при гоблинах лучше было. Капитан сам слышал.

— А вот это серьезно, — вздохнул шериф. — Четырнадцать лет есть?

— Нет, сэр, двенадцать ему.

— И ведь не повесишь его даже, слишком мал. Ладно... Послушай-ка...

Откуда-то из-за стены раздался крик боли, взлетел под темные своды зала и тут же оборвался. Мартин, которого и так была дрожь, чуть не подскочил на месте. Небо, как же страшно...

— Послушай-ка, как там тебя, — как ни в чем не бывало продолжал шериф. — По-хорошему, хоть повесить тебя и нельзя, наказать все же нужно. Но честно, неохота сейчас возиться, да и не лежит у меня душа ребячню мучить. Скажи, может, ты от кого-то из взрослых ваших эту чушь про гоблинов слышал? Я тогда тебя отпущу, а ими потом займусь.

Мартин мотнул головой. От страха у него пересохло в горле, и, наверное, это было к лучшему. Иначе, он был уверен, назвал бы сейчас всех. Всех, от кого слышал за последние несколько месяцев, что лучше уж было оставаться под Ормом и его гоблинами. Ту же Миррен, и Хэймиша, и Мичила, и родителей Роны, и... собственных отца с матерью?

Ну нет. Этого еще не хватало. И в конце концов, что они могут ему сделать? Отрезать ухо или нос? Плевать. Заживет.

Мартин глубоко вздохнул.

— Нет, сэр. Ни от кого я это не слышал. Просто в голову пришло.

— Уверен? — уточнил шериф.

В это время открылась совсем незаметная дверь в дальнем углу зала. Пригибаясь, появился солдат, таща на плече безжизненно обмякшую Двенну. За ним вышел Гарри, прислонился к стене, стал вытирать кинжал платком.

— О, вот это ты вовремя, — окликнул его толстяк. — Пацан этот ляпнул, что при гоблинах жилось лучше. Говорит, сам до этого дошел, а я думаю, от кого-то из взрослых услышал. Поспрашивай его, сделай одолжение.

— Конечно, сэр, — коротко отозвался помощник. Он спокойно подошел к Мартину,

легонько подтолкнул его в спину. — Пойдем-ка поговорим.

Снова страх. Он даже забыл, что можно попытаться упереться, может, вырваться и бежать — вряд ли из этого что-нибудь вышло бы, но по крайней мере Мартин не пошел бы со светловолосым, как овца на убой. Сквозь шум крови в ушах он расслышал, кажется, как шериф окликает Гарри, говорит что-то про его, Мартина, возраст... Гарри втолкнул его в крохотную темную комнатку. Деревянный стул со странными широкими подлокотниками у стены, две или три чадающие свечи, в спертom воздухе неприятный металлический запах. Пол скользкий — мальчик подскользнулся и упал бы, не держи помощник шерифа его за ворот куртки.

— От кого ты наслушался крамолы? — спросил Гарри.

— Ни от кого. Я сам...

Вспышка боли, искры из глаз, и вот он скорчился на полу, обхватив себя руками.

— Ну, не валяй дурака, Назови хотя бы одно имя, — мягко попросил светловолосый.

— Я сам, — выдохнул он.

Еще один удар.

— Ну ты и дурачина, — сказал Гарри. — Я же все нутро тебе отобью. Давай, дай мне хоть кого-нибудь.

Мартин не ответил — было слишком больно. Помощник шерифа пожал плечами, вздернул его на ноги и толкнул на стул. Быстро и ловко прикрутил руки к подлокотникам, отошел в темноту и вернулся, держа в руках что-то темное, грубое на вид.

Маска. Личина из ржавого бугристого металла, сзади металлические обручи, открытый будто в крике рот, из глазниц торчат длинные штыри. Мартин на секунду растерялся, даже забыл про боль. Это еще что за..?

— Голову наклони, — попросил Гарри, и не дожидаясь, надел маску на Мартина. Тот невольно вздрогнул от прикосновения холодного железа.

— Сейчас я стану завинчивать эти штыри. Если не начнешь говорить, останешься без глаз. Серьезно, паренек, не заставляй меня тебя калечить. Назови имена.

Он рванулся раз, другой. Ремни держали крепко.

— Ну ты и дурачина, — беззлобно повторил Гарри. Что-то холодное коснулось крепко сжатых век Мартина.

— Имена!

— Да никто больше об этом не говорил! Только я!

Давление усилилось. Из-под век побежали слезы.

— Имена!

— Иди ты к эльфам! Никто... толко я!

Как же больно. Перед глазами поплыли цветные пятна, пальцы судорожно вцепились в подлокотники.

— Назови мне хоть кого-нибудь!

— Я один! Я! Я! Только я-ааа!..

Давление и боль исчезли. Не открывая глаз, Мартин услышал шаги и скрип двери.

— Вроде бы не врет, сэр, — раздался голос Гарри. — Говорит, он один про гоблинов болтал.

— Да ну? — отозвался шериф. — Эх, может и действительно не врет. Нет времени с ним возиться, дома ужин стынет. Всыпь ему плетей, что ли, и сам домой иди. Эх, что за собачий день...

Браслеты судьбы

Исполосованная спина зажила быстро, глаза перестали слезиться и болеть в тот же день.

А Двенна исчезла. Многие шептались, что ее забрали эльфы, а Мартин считал, что она сама ушла их искать.

Всю дорогу назад в Вересковицы Двенна плакала не переставая, а потом оказалось, что Миррен умерла за несколько часов до того, как они вернулись, и девушка тронулась умом. Перестала разговаривать, шарахалась от людей, а потом в один прекрасный день просто пропала. Мартин вспомнил страшные истории, которые Кара рассказывала детворе, когда он сам был еще совсем маленьким — когда на сердце у человека совсем плохо, он уходит искать тех, кто не смотрит в небо. Эльфы забирают у него память, забирают сердце, и человек истончается, становится безмолвным серым призраком, больше не чувствующим ничего — ни радости, ни горя, ни боли.

А может, он не прав, и Двенна ушла не сама, а те, кто не смотрит в небо, пришли и увели ее. Пришли же они за ним. Если поднять голову (ну это легко сказать — она тяжелая как камень и горячая, того и гляди задымится) — можно увидеть, как эльфы плавают под низким темным потолком дома, протягивают к Мартину длинные тонкие руки, будто сплетенные из полос дыма, предлагают ему красные глянцево-красные фрукты. Наверное, вкусные. Он с опаской тянет собственную дрожащую руку...

— Что ты делаешь? — испуганный голос матери.

— Ем, — бормочет Мартин. — Эльфы... угощают...

— Ах ты, горе мое, — вздыхает она. Холодная и мокрая ткань ложится на лоб, и эльфы исчезают. Лиц он не рассмотрел, только длинные руки, похожие на паучьи лапки. Ну верно. Он ведь не знает, как выглядят эльфы. Никто не знает.

В голове немного прояснилось. Конечно, под потолком никого не было. Его лихорадит, вот и мерещится всякое. Все из-за этого проклятого браслета. Мартин снова поднял руку. Тонкий обруч из потемневшей, почти черной меди плотно охватывал запястье. И ведь не снимешь, разве что руку отрубить. Хотя это был бы не самый плохой вариант.

Дурак, вздохнул про себя Мартин. Все мы дураки, что согласились их надеть, но я-то видел такой браслет раньше, у шерифа в Дановом Холле. Должен был догадаться. Должен был предупредить остальных. А теперь уже слишком поздно.

Все началось со слухов. Со странных новостей, которые приносили проходящие через округу путники — солдаты, торговцы, бродячие менестрели, беженцы.

Гоблинов удалось выбить из бывших земель Мида и Карлейна с севера Лостада, но они намертво встали в Авлари, вгрызлись клыками в тамошние каменистые пустоши, а на юге разгорелась новая война. Король и королева Апрая наотрез отказались отдавать свою державу под власть Венардии, объявили, что при необходимости справятся с гоблинами сами. Бои уже шли всюду, хотя было так и непонятно, напали ли венардийцы первыми, или же апрайские рыцари решили нанести упреждающий удар.

А еще по северным землям, освобожденным от гоблинов, прокатилась волной какая-то странная хворь — наверное, хворь. Проходившие через Вересковицы люди рассказывали об опустевших, наполовину выгоревших деревнях и фермах и наспех засыпанных длинных рвах рядом с каждой из них.

— А может, и не хворь это никакая, — говорил один из таких, длинный и тощий патлатый мужик с висящей на поясе деревянной дудкой. — Я вот седми́ну назад в одну такую деревеньку по пьяни забрел, насквозь ее прошел, и ничего. Потом тряся, вдруг теперь заболею, только нет, то ли небо миловало, то ли не болезнь это вообще, а эльфийское колдовство.

— Или гоблинское, — вставил кто-то из деревенских.

— Да иди ты, — возразили ему. — Гоблины вообще колдовать не умеют.

— Наши не умели, а другие, может, очень даже...

— Все, хватит о гоблинах. Замяли, ребята, замяли...

А потом в Вересковицы пришли солдаты — большой отряд в несколько сотен человек, а вместе с ними несколько священников, которых в здешних краях раньше не видели, в когда-то, наверное, красных рясах, которые со временем превратились в бледно-рыжие. Назвались братьями ордена Рассвета.

Гоблины знают, что им не одолеть наших воинов в честном бою, говорили они собравшимся вокруг людям. Чтобы отомстить, их шаманы наслали на ваши земли проклятие. Но король добр и хочет помочь своим новым подданным. Мы привезли с собой браслеты, выкованные колдовским молотом эльфийского короля Диана. Ройс Золотой победил Диана в битве, отнял у него молот, и с тех пор в Венардии им уют браслеты судьбы. Носящего такой браслет обходят стороной любые болезни, несчастья и злое колдовство. Его Величество Карл прислал такие и вам, чтобы защитить вас...

Священник поднял руку и показал всем поблескивающий покрытый узорами золотистый обруч, свободно болтающийся на худом предплечье.

— Взгляните, добрые люди, такие же есть и у меня, и у моих братьев. Не бойтесь! Подходите и берите свои браслеты судьбы!

Мартин уже потом понял, что должен был заподозрить неладное. Слишком слащаво улыбались священники, протягивая поселянам темные тонкие обручи, слишком усердно подталкивали тех, кто колебался, солдаты. Сразу же кто-то испуганно закричал — браслет слишком сильно сжал руку и снять его оказалось невозможно. Братья ордена Рассвета бросились к нему, стали уговаривать, твердили, что бояться нечего, что так и должно быть. Под шумок кто-то попытался улизнуть, но его поймали и пинками загнали назад в очередь.

Подошел черед Мартина; священник достал из позвякивающей кожаной сумки браслет и жестом приказал протянуть руку. Он подчинился. Было немного страшно, особенно когда медный обруч, достаточно широкий, чтобы в него свободно прошла кисть, вдруг как будто стал меньше и плотно обхватил запястье. Но хотя бы не больно, и то хорошо.

Потом какая-то женщина заупрямилась, наотрез отказываясь надевать браслет. Солдаты уже явно теряли терпение и готовы были вмешаться, но один из орденских братьев снова принялся мягко упрашивать ее, а потом приказал одному из венардийских стрелков разрядить в него свой арбалет.

— Смотрите, смотрите все, — пригласил священник. — Хью, подойди ближе. Да, пяти шагов достаточно... А теперь — стреляй!

У того в последний момент дрогнула рука или, может, произошло что-то еще, только арбалетный болт прошел мимо, а священник с улыбкой посмотрел по сторонам.

— Видите? Бояться нечего. Браслет оградит вас от любой беды.

Когда со всем было покончено, братья ордена Рассвета ушли. Солдаты — нет. Они разбили лагерь вокруг деревни, выставили караулы. На растерянные вопросы отвечали, что

волшебство браслетов действует только в Вересковицах, и что ради безопасности самих же поселян покидать деревню запрещается.

— Так сколько нам здесь сидеть? — принялись возмущаться люди.

— Сколько понадобится! — зло сплюнул капитан венардийцев, сменивший Венделла, отряд которого ушел вместе со священниками. — Вам же добра хотят, чурбаны безмозглые!

Нужно было догадаться — эта мысль потом билась в голове у Мартина, когда он метался в бреду. Нужно было догадаться. Нужно было...

Спустя два дня, рано утром, вдруг вспыхнул один из домов. Разбуженные отчаянными криками люди высыпали на улицу, и тут же раздались новые крики — кто-то упал и сломал ногу. На это сперва не обратили внимание. Жители Вересковиц бросились к колодцу. Мичил успел первым — поскользнулся, ударился о каменный оголовок, упал и больше не шевелился. У него оказалась свернутой шея.

Люди в панике метались по деревне. Кто-то все-таки смог набрать воды, побежал было к пылающему дому. Взмахнув рукой, не удержал тяжелое деревянное ведро — оно ударило в голову бегущего следом.

Снова крики, страшные крики боли и ужаса. Из пылающего дома, шатаясь, появилась объятая пламенем фигура. Те, кто толпился вокруг, не успели отскочить и огонь с внезапно налетевшим порывом ветра перекинулся на них. Мартин, который застыл посреди улицы, растерянный и перепуганный, успел увидеть, как пламя перебирается на покрытую дерном крышу соседнего дома, а потом в один момент накатила волна жара, головная боль, такая сильная, что перед глазами все поплыло, мышцы свело судорогой и он упал. Попытался приподняться — и не смог. Его трясло так, что руки разъехались в стороны, не в силах поддерживать вес тела, и он опять уткнулся лицом в пыль.

Потом Мартин обнаружил себя уже дома, лежащим на циновке, с куском мокрой ткани на лбу. Сил пошевелиться не было. Да что пошевелиться, даже звук издать. Пить хотелось страшно, прямо перед ним на полу стоял кувшин, до краев, он был уверен, заполненный вкусной ледяной водой, а он не мог протянуть руку или попросить напиться.

И голоса. Голоса родителей, понял Мартин и обрадовался, что те живы. Их браслеты уберегли. А всех остальных? Что вообще произошло? Что..?

— Нас обманули, Мойна. Всех обманули. Чтобы их небо прокляло!

— Эван...

— Пока мы до их лагеря дошли, двое по дороге рухнули. Трясучая напасть, как у Мартина. А капитан этих сволочей к нам вышел и давай орать. Говорит, нужно было с самого начала силой

на вас всех одеть браслеты и вся недолга. Орденские вам соврали, говорит. Браслеты беду отводят, только не от нас, понимаешь? Они парные, оказывается. Медные, как наши, и золотые. Зло, которое золотые браслеты отводят, к нам и липнет!

Мать ахнула.

— Ублюдки венардийские нацепили золотые браслеты на своих солдат, которые сейчас на юге дерутся. Не думаю, что их там трясучка косит или они головы себе о колодец разбивают, скорее просто тот, на ком был браслет Мичила, должен был погибнуть в бою.

— Что же с Мартином будет? — встревоженно спросила она. Отец помолчал.

— Раз не умер, уже хорошо, — сказал он наконец. — Может, это считается за рану или еще что-то в этом роде. Я вот, видишь, всего-навсего руку обжег. Ты вообще, слава небу, невредимой осталась... Капитан этот, скотина, стыдить еще нас вздумал. Вы, мол, ублюдки

неблагодарные, раз не желаете помочь королевским войскам в войне. Мы вас освободили, а вы... Старая песня. Говорит, чтобы снять эти треклятые штуки и не пытались, все равно не выйдет, разве что руку отрубить. Зато тем, говорит, кто выживет, королевское прощение будет. Позволят снова птицу ловить, поля возделывать, и...

— Да пусть подавятся своим прощением! Я готова всю жизнь гоблинский хлеб есть, лишь бы Марти выжил!

Он умудрился разлепить запекшиеся губы.

— Простите, я... простите.

К нему кинулись, приподняли, дали напиться.

— Все хорошо. Все будет хорошо, сынок. — повторял отец снова и снова. Мать беззвучно плакала и гладила его по горящим щекам.

— Я должен был догадаться, — прошептал Мартин. — Простите меня... Я должен был...

Снова накатила волна жара, судорогой пронзило все тело, а потом пришли эльфы.

Лихорадка почти не отпускала. В тяжелом липком беспомоществе терялось чувство времени, тонули звуки и даже глаза было толком не открыть. Лишь временами Мартин будто выныривал из темного болота, ощущал холодную воду на губах, ласковое касание рук, знакомые голоса. Потом исчезли и они. Ему было плохо, но тело не слушалось, даже позвать родителей не получалось — из горла вырывались только тихие жалобные звуки.

Были другие голоса — на улице снова кто-то кричал, слышался плач. Потом темные расплывающиеся тени заходили по дому, запричитали странными, постоянно меняющимися голосами.

— Мойна! Мойна, ты... ты что... ох, небо, спаси!

— Что?

— Вчера только Эван помер, теперь...

— Что, от трясушки тоже?

— Да нет, я не... Ой, не смотри!

— Да что с ней?

Эльфы, подумал Мартин. Снова пришли.

— Не смотри, говорю! Лицо синее все, горло расцарапано. Не иначе, подавилась насмерть. Вон и крошки на полу, и...

Звуки, будто кого-то тошнит.

— Этак вся деревня вымрет, — мрачно сказала вторая тень. — И так с десятков человек всего остались. Ну его, я не собираюсь ждать, пока меня трясушка скрутит или еще что. Все равно сдохнем.

— Ну что ты задумал еще?

— Пойду в лагерь к венардийцам. Может, прежде чем зарубят, сумею хоть одного сукина сына прибить.

— Дурак, — слабо возразила первая тень. — Нас небо хранит пока. Может, дотянем как-нибудь. А выжившим они прощение обещали, и...

— А ты и поверил. И кто из нас дурак?

Эван и Мойна. Мертвы. Эван и Мойна. Знакомые имена. Мысли разбегаются, толком даже сосредоточиться не выходит.

Эван. Мойна.

Эваном мать называла отца. Да. А он ее...

Мертвы.

Мартин напряг горло и оттуда вырвался прерывающийся хриплый крик. Сделал огромное усилие, поднялся на четвереньки, потом медленно выпрямился. Продолжая кричать, сделал шаг, другой, на трясущихся ногах.

Тени заметались.

— А-а, небо, спаси! Мертвец встал! Мертвец...

— Ах ты ж!.. Стой, это пацан их, что первым заболел, Мартин. Тьфу ты, вот умеешь панику нагнать.

— Он же мертвым лежал!

— Ну видишь, значит не совсем мертвым. Мартин, слышишь, ты это... успокойся, а?

— Ты...

Мама. Отец. Мертвы.

Новый приступ жара обрушился на мальчика вместе с судорогами и болью, в глазах стало совсем темно, и он упал ничком на земляной пол.

Тьма. Пышущая жаром черно-багровая тьма, и в ней только боль и изредка долетающие откуда-то звуки.

Крики. Топот. Звон железа. Снова отчаянные крики.

— Вы же обещали, что...

— Пощадите! Поща...

— Ну, долго ты возиться с ними будешь?

— Все, это вроде последние были. Давай-ка...

— Эх, самое отвратное в этой работенке — жмуриков таскать...

Он нырнул глубже во тьму, и голоса пропали. Потом, может через час, а может, через год, зазвучали снова:

— А и воняет же, небо грозное! Почему бы их не сжечь просто? Обязательно всех по одному таскать и закапывать?

— Заткнись, Хэл.

— Хоть бы телегу подогнали, ну...

— Заткнись, кому говорю! Хватай бабу, и...

— Ох, ты на рожу глянь. Страх-то какой! Не, я лучше пацана потащу.

— Ладно, ладно, только заткнись!

Нет сил кричать. Нет сил шевелиться. Лучше спрятаться подальше в темноту. Его подхватили, грубо перебросили через плечо и понесли куда-то.

Снова черно-багровый провал. Через какое-то время Мартин обнаружил себя лежащим на чем-то мягком. Холодном и мягком. И сверху еще навалился какой-то мешок, так, что и не вздохнуть. Рядом жалобно стонали.

— Ларкин, эта вроде еще жива!

— Да ну? Сейчас исправлю.

Хруст, слабый вскрик, за ним тишина.

— Ну, все вроде. Давайте, ребята, засыпайте. И быстрее! В лагере пиво ждет, чем быстрее закончим...

Спасительная тьма совсем отступила. Остался жар, жажда, боль в голове и мышцах и боль в сто раз более сильная, что терзала его изнутри. Будто болело не тело, а душа. Почему?

Мартин не помнил. Просто было очень плохо и больно, было трудно дышать, сверху что-то сыпалось и давило, и он очень надеялся, что вот-вот умрет.

Он терпеливо ждал, а смерть все не приходила, только тоска и горе мучили Мартина все сильнее, заставляя плакать без звуков и слез.

Эльфы, наконец вспомнил он. Эльфы могут сделать меня призраком. Могут сделать так, чтобы боль ушла.

Нужно найти эльфов.

Мартин помнил, как с трудом выбрался на поверхность и оказался посреди темного пустого поля. В темноте совсем рядом мигали огоньки, слышались смех, нестройные песни и звуки дудок и струн.

— Они, — в ужасе прошептал он, не понимая даже, почему так боится и ненавидит тех, кто поет и смеется там, среди огней. — Они.

Шатаясь, он захромал в ночную тьму.

Потом его сознание прыгало, как плоский камешек на воде. Между приступами накатывающей темноты были моменты, когда мальчик понимал, где находится и что происходит вокруг. Он помнил, как брел по обочине какой-то дороги, на ходу жевал какие-то листья и семечки; помнил, как склонился над дождевой лужей, чтобы напиться, и увидел в ней бледное привидение с пустыми черными глазами, исхудалым лицом и грязными длинными волосами, которые висели как сосульки; как трясучка скрутила его посреди какой-то деревни и люди в панике бросились от него врассыпную; как ночевал в стогу сена; как на окраине маленького городка кучка детей смеялась над ним, тыкала пальцами и швыряла камни. Вроде бы был какой-то священник, который дал Мартину кусок хлеба и немного овощей и пытался участливо расспрашивать о чем-то, но он только шептал «они» и дрожал — то ли от страха, то ли от подступающего приступа болезни.

Жар и судороги, хоть стали не такими сильными, все не отпускали — иногда трясучка била Мартина по пять-шесть раз за день. Он тосковал и плакал, сам не понимая почему. И эльфы ему так и не встретились.

Наконец он смирился. В очередной раз вынырнув из омута беспомощности и обнаружив себя под проливным дождем посреди лесной чащи, Мартин вздохнул и уселся на траву. Была ночь, звезды и луна скрылись за тучами, а он сидел, обхватив колени, чувствовал, как сверху хлещут потоки воды и снова ждал смерти. Может быть, здесь водятся медведи или волки. Может, если повезет, небо пошлет молнию. На худой конец, можно просто простудиться — простуда вместе с трясучкой точно добьют его.

Вскоре мальчик ощутил, что приближается новый приступ. Головная боль, жар, будто он не сидел под ледяным дождем, тело охватила дрожь, которая в ближайшие минуты будет только усиливаться. Мартин снова вздохнул и улегся, вытянув руки и ноги. Взглянул в небо — гроза начала стихать, ветер уносил обрывки туч и прямо над ним повис серебристый диск луны...

Шум. Топот копыт, треск ветвей, свист. Из зарослей вылетел олень, едва не растоптав Мартина, в последний момент метнулся в сторону и исчез. Преодолевая подступающие судороги и дурноту, Мартин приподнялся.

В чаще, откуда появился олень, мерцали, приближаясь, ярко-синие огоньки.

Снаружи, из зала Тысячи Звезд, затрубил рожок, подавая сигнал к окончанию работы. Высокий худой мальчик лет пятнадцати откинул с лица длинные светлокаштановые волосы, прикусил от усердия кончик языка и постарался писать быстрее. Всего несколько строк, жаль оставлять параграф неоконченным. Да и есть особо не хочется.

Вокруг него скрипели отодвигаемые стулья. Писцы, все две дюжины, вставали, кряхтели, потягивались, разминали затекшие суставы. Таг, чей стол был рядом с его, тихо ругался себе под нос и массировал запястье. Повезло ему, что настоятель не слышит.

Мальчик быстро пробежался глазами по листу пергамента, лежащему перед ним.

«...еще до падения Золотой державы короля Ройса в северных ее пределах возникло весьма опасное заблуждение, последователи которого называли себя Певчими неба. Все ордена, несмотря на несогласие по другим вопросам, сходились в том, что молния поражает человека в наказание за грехи; Певчие же считали, что небо посылает молнию в знак благоволения, и что тому, кто, получив удар молнии, выживет, уготованы великие дела. Во время грозы они выходили из дома и бродили по холмам и пустошам, пели, танцевали и призывали молнии, надеясь удостоиться подобной чести. И что хуже этого — порой Певчие уговаривали честных людей, не разделяющих их заблуждение, присоединиться к их безумным пляскам, а некоторых уводили силой и против воли заставляли...»

Его хлопнули по спине. Мальчик обернулся.

— Все, Дайре, все, перерыв сделай, — рассмеялся толстяк Киллиан и с хрустом размял заросшие рыжим волосом пальцы. — Не убежит никуда твой пергамент.

Дайре бросил еще один взгляд на лист, почти полностью заполненный аккуратным ровным почерком на венардийском диалекте Золотой речи, на стоящую на подставке книгу с тем же текстом, но на диалекте северных королевств.

— За книгой через три дня приедут, — возразил он.

Киллиан снова захохотал.

— Кто, эти раки вареные из ордена Рассвета? Да они в каждой таверне по дороге останавливаться будут, и не уедут, пока не выпьют там все, что есть! Ты что, поговорку не помнишь? «Солнечные сестры на чарку и не взглянут, братья Северной звезды с полплотка пригубят; братьям Чистых небес и кувшина хватит, а Рассветным братьям и бочки мало будет».

— Раки вареные? — недоуменно улыбнулся Дайре.

— Ну, рясы у них красные. Видишь, в брюхе пусто, о чем ни заговорю, все о еде выходит. Пойдем, ну!

Мальчик рассмеялся.

— Хорошо, иду, иду.

Вместе с остальными он вышел из скриптория и оказался в зале Тысячи Звезд — на самом деле внутреннем дворе, расположенном в самом сердце монастыря. Пересек его, остановившись на секунду, чтобы опуститься на колени, коснуться края неглубокой ямы, черной и словно выжженной пламенем, и поднести руку к губам. Дальше по галерее, повернул в коридор, в конце которого уже распахнулись двустворчатые деревянные двери, покрытые резьбой. До носа донеслись вкусные запахи; в просторной светлой трапезной за длинными столами уже сидели десятка два монахов в синих рясах, а дежурные заканчивали

последние приготовления к обеду.

Рот наполнился слюной. Вроде только что есть не хотелось, а вот стоило посмотреть на свежее испеченный хлеб, деревянные миски с густым горячим супом, блюда с зеленью и овощами, как вдруг под ложечкой засосало, словно седьмину ничего не ел. Сразу же наброситься на еду, конечно же, было нельзя — не прежде, чем соберутся остальные обитатели монастыря, а настоятель не произнесет благословение. Но уж потом...

Дайре с наслаждением рвал зубами еще теплый хлеб, вгрызался в хрустящие лук и морковь, при этом одним глазом поглядывая на дымящуюся миску — как бы суп не остыл.

Киллиан, что сидел рядом, только ухмылялся:

— Откуда в тебе столько места, хотел бы я знать. И главное, ешь как не в себя, а все равно такой же тощий, как когда к нам попал...

Три года назад он появился из леса, неподалеку от которого стоял монастырь — грязный, оборванный и промокший до нитки. Свалился, не дойдя до монастырских стен. Его притащили в лазарет, и травщик не был уверен, что парнишка выживет — худой, как скелет, видно, что голодал, да еще простужен не на шутку. Предыдущей ночью в окрестностях как раз бушевала гроза. Когда спустя несколько дней он немного пришел в себя, его попытались расспросить, кто такой и откуда, но ничего не вышло. Мальчик не смог назвать своего имени, не смог ответить толком ни на один вопрос. Кажется, он вообще не умел говорить. Большую часть времени он просто смотрел в пространство пустыми глазами и молчал, разве что изредка тихо повторял «они... они...» — и бледнел, зажмуривался, как будто от страха, а по лицу у него бежали слезы. Либо наоборот — глаза странного паренька широко распахивались, чуть не сияли, будто он увидел что-то прекрасное, губы растягивались в робкой улыбке, и он снова шептал «они». По тому, как он произносил это единственное слово, монахи предположили, что мальчик родом с севера — из бывших земель Мида, Карлейна или из Авлари. Беженцы из тех краев добирались, бывало, и до юго-западных пределов Эйрии, где стоял монастырь, но это было еще до того, как венардийцы дали гоблинам отпор. А от самих венардийцев зачем бежать? Ходили, опять же, слухи о том, что новые правители накладывают разные ограничения и штрафы на деревни и города, которые побывали под властью гоблинов, но здесь, на юге Эйрии, венардийцы вели себя достойно — не обижали простой народ и оказывали должное почтение служителям неба. Разве что отняли половину земель у эйрийской знати и раздали своим баронам и графам...

В любом случае ни имени странного мальчика, ни откуда он родом, ни как попал так далеко на юг, узнать не удалось. Даже когда дар речи постепенно вернулся к нему, оказалось, что он ничего не помнит. Найденышу дали имя Дайре — самое обычное, в Эйрии так звали каждого второго, а потом появилось и прозвище — Дайре Тихий, потому что он хоть и снова заговорил, но оказался совсем немногословным.

Его приставили помогать на кухне — не выгонять же за ворота — и так как Дайре оказался расторопным, не вызывал нареканий и особого внимания к себе не привлекал, вскоре привыкли не замечать. Наверное, он так и провел бы следующие несколько лет драя котлы, чистя и нарезая овощи и разнося еду по столам, если бы не библиотекарь по имени Бирн. Тот почему-то, может просто из интереса, решил все-таки попробовать вернуть Дайре память, поэтому в свободное время читал ему, благо библиотека монастыря была самой большой в этой части Эйрии. Книги по истории, жизнеописания праведников, особенно выходцев с северных земель, пробовал даже невесть как оказавшиеся среди других томов детские сказки — Дайре только виновато качал головой и говорил, что все равно не может

ничего вспомнить. Бирн уже был готов поднять руки, когда мальчик, краснея и запинаясь, спросил, не позволят ли ему научиться читать — все эти истории ему очень нравились, а грамоты он не знал. Библиотекарь пожал плечами — почему бы и нет. Он испросил разрешение у настоятеля, и тот разрешил Дайре в свободное время присоединяться к послушникам, которых Бирн обучал письму и чтению.

Найденыш всех удивил, особенно если учесть, что учиться ему приходилось урывками. Он не отставал от остальных, а потом оказалось, что у него склонность к языкам. Вдобавок к северному диалекту, на котором он говорил, и эйрийскому, который выучил за время пребывания в монастыре, через полгода Дайре читал и писал на венардийском и апрайском. Тогда библиотекарь подсунул ему убрийские книги — язык горцев происходил из другого корня и ничем не походил на диалекты Золотой речи. Через год Дайре, хоть и ошибаясь иногда, писал и читал по-убрийски. К тому времени Бирн, невзирая на протесты келаря, забрал его из кухни.

— Капусту крошить каждый умеет, — ответил библиотекарь в ответ на его ворчание. — Только разве орден для этого создавали? Тебе устав прочесть, брат келарь? Орден для того учредили, чтобы собирать, охранять и преумножать угодные небу знания. У нас заказы на книги еще с позапрошлого года невыполненные лежат, переводчиков не хватает.

— На голодный желудок много вы напереводите, — уже сдавшись, но желая оставить за собой последнее слово, буркнул тот. Бирн усмехнулся.

— За книги золотом и серебром платят, брат келарь. Не будет книг — тебе же не на что будет припасы закупать. Сами-то мы давно уже ни овощи не выращиваем, ни скотину не разводим. Впрочем, спорить с тобой не стану. Хочешь — иди к отцу настоятелю, пускай он нас рассудит.

Киллиан оказался прав. Прошли три дня, седмица, а монахи ордена Рассвета не появились. Дайре втайне был доволен — он только-только успел перевести заказанный ими «Перечень заблуждений, противных небу и опасных для людей» и опасался, что ее не успеют переплести.

Рассветные братья прибыли только на утро восьмого дня и не одни, а с целой процессией паломников — три молодых монаха и пожилой благообразный священник, может быть, высокого чина, судя по украшенной золотом богатой одежде. Все четверо добродушно улыбались, монахи даже заигрывали с хорошенькими паломницами. Дайре, который вместе с настоятелем, библиотекарем и его помощником встречал их во внешнем дворе монастыря, слегка оторопел — братьям Чистого неба устав не позволял даже приближаться к женщинам, не то что заговаривать с ними (исключение делалось только для госпиталя, который принимал паломников и заведовал странноприимным домом при монастыре, но на эту должность назначали старейших из братьев, для которых в силу возраста подобного рода соблазны были не страшны). Он бросил взгляд на остальных — настоятель и Бирн неодобрительно хмурились, Мерфи, помощник библиотекаря, опустил глаза, но время от времени с любопытством поглядывал на новоприбывших.

Когда рассветные братья слезли с коней, оказалось, что Киллиан снова попал в точку. Все четверо слегка пошатывались, а пивом от них разило за несколько шагов.

— Любезный брат! — воскликнул старший, шагнув к настоятелю. — Алистер, так? Брат Алистер из Клеверной долины?

— Вы не обознались, — вежливо улыбнулся тот. — Добро пожаловать в...

Священник в красном сгрел его в охапку и расцеловал в обе щеки.

— Любезный брат! Как я рад вас видеть! — он пошатнулся, но двое из его монахов успели подхватить его. — Я Годфри Бейнфорт, приор аббатства Падающей звезды... слышали, да? Самое большое аббатство во всей Венардии... да что это я, слышали, конечно. Наш аббат ведь переписывается с вами. Хотел прибыть лично, но в самый последний момент занемог... на все воля неба... так что послал меня. И, скажу я вам, я в восторге! Какие виды! Всюду зелень! У нас таких лесов и рощ уже почти не встретишь, все повырубали... а какие замечательные у вас люди! Такие душевные и гостеприимные! Ваш устав, брат Алистер, к сожалению, не позволяет вам оценить это, но девушки... кхе... вы понимаете...

— Не желаете ли отдохнуть с дороги, дорогой брат? — все так же вежливо, но холодно спросил настоятель. Он сложил руки за спиной и нависал над пошатывающимся венардийцем. — Вам выделены самые лучшие комнаты в странноприимном доме, и...

— Не прежде!.. Не прежде, чем я смогу взглянуть на вашу знаменитую реликвию, — ответил тот и задрал к небу палец. — Наш аббат хотел взглянуть на ваш камень сам, но поскольку он не смог приехать, то я просто обязан... Кроме того, мне ведь поручено получить от вас «Перечень заблуждений», внести плату, и кроме того... кроме того, я должен вручить вам подарок... да... ну так где ваш камень, показывайте!

— Следуйте за мной, — коротко пригласил настоятель.

Дайре замыкал процессию, которая пересекла двор, прошла мимо странноприимного дома, возле которогоспиталий, подслеповато щурясь, пытался пересчитать толпящихся вокруг паломников, и оказалась у длинного здания с острой высокой крышей. Внутри было тихо и пусто, и шаги братьев по плитам пола гулко раздавались в пронизанном разноцветными лучами зале.

— О, окна из цветного стекла! — воскликнул приор. Он улыбался и с интересом глазел по сторонам как ребенок. — Не знал, что у вас здесь уже додумались до такого. Похвально... Погодите, брат Алистер, так вы молитесь здесь? Я слышал, что...

— Нет, — перебил настоятель. — Этот зал — для паломников. Наши монахи возносят молитвы в зале Тысячи Звезд, под открытым небом.

— Да-да, именно это я и слышал... Пойдите, а если, скажем, дождь? Или снегопад?

— Молитвы возносятся утром, днем и вечером, в любую погоду. Ливень и снег лишь служат напоминанием, что мы должны смиренно принимать от неба испытания, как принимаем от него благословения.

— Любопытно, — пробормотал венардиец. — О, вот, кажется, ваша реликвия?

Он указал на стоящий на возвышении стол покрытый тканью, а на нем — установленный в золотой раме небольшой треугольный камень, черный с вкраплениями синего.

— Камень, посланный с неба шесть веков назад, — кивнул настоятель. — На месте, где он упал, сейчас зал Тысячи Звезд. Вокруг него и был построен монастырь.

Приор склонил голову набок, разглядывая реликвию. Потом осторожно прикоснулся к ней и поднес пальцы к губам.

— В Венардии есть два, подобных этому, — сказал он. — Один в столичном соборе и еще один в монастыре братьев Северной звезды на Королевском поле. И еще пара, по слухам, хранится в Оскиле и Офрании... И что ваш делает? Останавливает кровотечения, излечивает от хромоты?

— Помогает людским молитвам быстрее достичь неба. Не всем, конечно. Этот паренек,

например, — сказал настоятель. — Он, кстати, перевел и переписал вашу книгу, брат. Попал к нам три года назад и ничего не помнил, не мог сказать кто он и откуда. Камень не смог помочь ему вернуть память. Видно, небо решило, что так будет лучше.

— На все воля неба, — согласился венардиец и возвел глаза к потолку. — Да, насчет книги, пока я не запомнил...

Он протянул настоятелю бархатный мешочек.

— Тридцать золотых солнц, как и было условлено. Не позволите ли взглянуть?..

Библиотекарь протянул ему томик в новом кожаном переплете. Рассветный брат принял его подрагивающими пальцами, раскрыл, пробежал глазами по страницам.

— Недурно, совсем недурно, — пробормотал он. — Кто, вы говорили, работал над книгой, вот этот мальчик? Хвалю, хвалю...

Он протянул Дайре руку с поблескивающим на пальце толстым золотым кольцом. Тот растерянно обернулся сначала к Бирну, потом к настоятелю, не понимая, чего от него хотят.

— Брат Годфри, в нашем ордене не заведено целовать перстень, — ровным голосом заметил настоятель. Венардиец спохватился и покраснел.

— Да... кхе... запомнил, — выдавил он, натянуто улыбаясь. — Э... вы уж простите... В общем, молодец, мальчик, молодец. Хорошая работа. Да! Аббат ведь передал подарок вашему монастырю. Совсем забыл... Ральф!

Стоящий за его спиной монах, которого тоже слегка шатало, полез в висящую через плечо сумку и извлек оттуда книгу — большую, с золотым тиснением на переплете из богатой зеленой ткани.

— «Полная история народа эльфов от сотворения мира до войны короля Ройса», — прокомментировал приор. — Была дарована нашему аббатству королевским двором. Вы, любезный брат, можете переписать ее, перевести на эйрийский, а затем... Ральф, чтоб тебе пусто было! Растяпа этакий!

Монах выронил том из трясущихся рук, и он с глухим звуком упал на пол. Дайре, опережая других, опустился на колени, чтобы поднять ее, и вдруг замер. При падении книга раскрылась; одна страница темно-кремового цвета была исписана витиеватыми венардийскими буквами, другую целиком занимала картинка — золотоволосый бледнокожий всадник с горящими синим глазами, сжимающий в руке метательный дротик, за всадником пешие воины, лучники и копьеносцы...

Дайре, как замороженный, впился остекленевшими глазами в рисунок.

— Они, — прошептал он и улыбнулся. — Они. Они...

— Что? — наклонился к нему Бирн. Он тронул мальчика за плечо, потом потряс. — Дайре, что с тобой? Ты слышишь меня? Ты...

И тут Дайре вдруг закричал, зажмурившись и схватившись за голову.

Те, кто не смотрит в небо

Горящие в темноте синие огни приближались, а с ними топот копыт, пение рогов, азартные выкрики на незнакомом языке. Сцепив зубы и кривясь от боли, мальчик поднялся на колени, попробовал встать, но все тело уже скрутила судорога и он смог лишь опереться на руки, чтобы не упасть лицом вниз в мокрую траву. Лихорадка мешала ясно соображать, но одна мысль все-таки умудрилась просочиться сквозь застилающий голову туман — если не убраться с пути, затопчут. Затопчут и не заметят. Только сил уже не осталось, и он замер, склонив голову и только надеясь, что смерть наступит быстро и по возможности безболезненно.

Топот копыт оглушил мальчика, потом раздалось конское ржание — совсем близко, в нескольких шагах — и тут же оборвалось, как и звуки рога и голоса. Он попытался поднять голову, но тут новый приступ трясучки все-таки свалил его. Вцепившись оцепеневшими пальцами в пахнущую дождем землю и задыхаясь от боли, мальчик увидел всадников, что нависли над ним — высокие тени с горящими синим огнем глазами. Он зажмурился, потряс головой, расплатившись за это новой волной боли и дурноты, снова взглянул вверх.

Мужчина и женщина, он с длинными золотыми волосами, она с иссиня-черными, с тонкими чертами лица, он одет в темно-синий камзол, переливающийся под лунными лучами, в руке лук; она закутана в серебристо-серый плащ. Позади них виднелись еще несколько скрытых в темноте силуэтов, но мальчик не мог оторвать взгляд от этих двоих. Возраст определить трудно, выглядят молодо и все. И... они такие красивые. Мальчик в жизни еще не встречал таких красивых людей. Или не людей? Во всем люди, только уши немного заострены кверху, и глаза...

Синие огни, что горели в глазах странных всадников, медленно угасали. Мужчина смотрел на него сверху вниз с недоумением, потом на красивом лице появилось отвращение. Его спутница недоуменно озиралась по сторонам, потом коснулась рукава всадника и что-то сказала нежным певучим голосом. Тот в ответ повел рукой вокруг себя, произнес несколько непонятных слов и тронул коня, чтобы повернуть назад. Остальные, что держались чуть подальше, тоже стали было поворачивать, но тут женщина легким движением спешила. Она подошла к корчащемуся на траве мальчику, опустилась на колени рядом и положила прохладную мягкую ладонь на его пылающий лоб. Что-то сказала, ласково и сочувствующе, потом обернулась к мужчине в темно-синем и заговорила уже с ним. Тот ответил резким и недовольным голосом, но потом все-таки спрыгнул с седла и подошел, все еще глядя на мальчика со смесью презрения и гадливости. Они заспорили — женщина, казалось, о чем-то просила своего спутника, тот не соглашался.

Он понятия не имел, о чем идет разговор, просто насколько позволяли бьющие его судороги, любовался этими прекрасными существами. Пусть даже золотоволосый, кажется, за что-то злится на него. Неважно. От самого их присутствия мальчику было чуть легче.

Он попытался приподнять руку, сам не зная, для чего — может, чтобы коснуться края плаща женщины, и тут произошло что-то странное. И она, и ее спутник вдруг отшатнулись, на лицах застыло изумление, глаза снова вспыхнули синим; даже их свита заволновалась, зашелестела тихими голосами.

Мужчина схватил его за руку, рванул и так истрепавшийся грязный рукав и впился взглядом в медную полоску, что сидела на запястье мальчика; на его лице мелькали, сменяя

друг друга, растерянность, гнев, потом снова холодное презрение. Он разжал пальцы, развернулся и зашагал прочь. Его спутница бросилась следом, перехватила его, сжала ладони золотоволосого в своих и снова заговорила терпеливо и мягко, словно упрасывая о чем-то. Тот мрачно слушал ее и молчал; женщина не сдавалась, она продолжала уговаривать его, потом протянула руку и коснулась его лица.

Он сдался. Вздохнув, он шагнул к мальчику, снова взял его за руку чуть выше того где ее мертвой хваткой сжимал браслет, что-то прошептал про себя и сделал пасс открытой ладонью.

Медный обруч треснул, раскололся надвое и упал в траву. В тот же миг судорога отпустила мальчика. Осталась слабость, кружилась голова, его знобило, но мышцы расслабились и боль исчезла.

Золотоволосый уже шагал прочь, вытирая руку о переливающуюся ткань камзола. Проходя мимо женщины, он бросил что-то, словно говоря «ну, теперь ты довольна?». Та только улыбнулась и последовала за ним.

— Спасибо, — проговорил мальчик, поднимаясь с земли. Он пошатнулся от слабости, чуть не упал, но устоял на ногах. Двое обернулись, снова взглянули на него — он презрительно, она ласково улыбаясь. — Я... Спасибо.

Он низко поклонился. Мужчина, не ответив, тронул коня. Его спутница что-то произнесла и протянула тонкую изящную руку, как будто указывая путь, и мгновение спустя они исчезли. И они, и их свита — словно растворились в ночной темноте.

Он закончил говорить, и в просторном светлом строении лечебницы наступила тишина. Из открытого окна еле доносился шум голосов паломников, звуки рожков, зовущие на дневную молитву — лечебница, куда его притащили библиотекарь с помощником, стояла наособицу от остальных зданий. Бирн, Мерфи и травщик по имени Конолл молча смотрели на него, и он почувствовал себя неуютно, как будто нахулиганивший ребенок перед старшими. Хотя они и были старше — у библиотекаря коротко остриженные в круг волосы почти все поседели, Конолл и вовсе был одногодкой с настоятелем, и даже Мерфи был года на три старше мальчика. Хорошо еще, что сейчас кроме них в лечебнице никого не было.

— Э, послушай, Дайре, — неуверенно начал травщик. Он рассеянно вертел в руках скальпель и оловянную миску, будто забыл, зачем принес их.

— Мартин. — перебил он. — Мое имя Мартин.

— Эх, да... точно, Мартин. Ты извини, но что-то тут не сходится. В том, что ты тут рассказывал, я хочу сказать. Вот говоришь, что это эльфы были, да? И что один из них снял с тебя браслет, так? А ведь они того, эльфы, они же металла боятся...

Библиотекарь вместе с помощником взглянули на него.

— Именно это тебя смутило, брат? — покачал головой Бирн. — Просто один из слухов про тех, кто не смотрит в небо, в которые верят крестьяне, городская беднота и совсем уж необразованные священники. Известно ведь, что король Диан был кузнецом и его молотом венардийцы куют свои браслеты. Где ты встречал кузнеца, который боялся бы металла?

Конолл смутился, пожал плечами и проворчал, что в подобных вещах особо не разбирается, ученых книг не читал, и что его дело — заботиться о здоровье братии.

— Так что ты это, Дай... Мартин, давай-ка это... рукав задирай, нужно тебе кровь пустить.

Он попробовал было объяснить, что в этом нет необходимости, что он не болен, но

травщик был неумолим.

— Кровопускание никому еще не вредило, — заявил он. — Все, давай руку и не трепыхайся.

Мартин позволил Коноллу возиться с ним взглянул на стоящих над койкой библиотекаря с помощником.

— Я сказал правду. Все так и было — венардийцы заставили нас надеть браслеты, из-за которых почти вся деревня вымерла. Кара, Рона с семьей, мои... — Мартин стиснул зубы, с трудом сглотнул. — Мои родители. Лучше бы я не вспоминал.

В горле возник ком, душивший его, не дающий говорить. В глазах нестерпимо защипало, и, как он не старался загнать их назад, по щекам побежали соленые капли воды.

— Простите, — выдавил он. — Я... простите. Сейчас, я...

— Все хорошо, — мягко произнес Бирн. — Тебе не за что извиняться. Если нужно плакать, плачь.

Еще несколько мгновений Мартин пытался сдерживаться, стискивал зубы и сжимал кулаки, но ком душил его все сильнее, слезы текли сами по себе и жгли глаза, и наконец из его горла вырвался полустон-полувсхлип, и он горько заплакал.

В какой-то момент Мартину показалось, что он слышит приглушенный голос Бирна: «Выйдем-ка, незачем у парнишки над душой стоять... Конолл, оставь его, говорю!» и ворчание травщика: «Да сейчас, дай хоть руку ему перевяжу...» Он скорчился на жесткой койке, обхватив себя руками и подтянув колени к животу. Все погибли и лежат в яме на окраине деревни. Все. Отец с матерью. Лечи, Рона, Тэд, Мичил, те люди в сгоревшем доме. И Кара. И Миррен. И... нет, Миррен же умерла еще раньше, умерла от лихорадки и голода. А Двенну искалечили, а потом она сошла с ума.

От рыданий его скрутило, как в приступе трясучки. Венардийцы, чтоб их небо прокляло. Звери. Хуже гоблинов. Все из-за них. Все погибли. Все...

Мартин впился зубами в рукав рясы, чтобы не завывать в голос. Ох, лучше бы не вспоминал ничего. Лучше бы не вспоминал. Перед глазами в размытой красной дымке всплывали лица, домики и башня над деревней. Вереск еще. Там был вереск. Они еще надеялись, теперь, когда гоблинов прогнали, холмы в округе снова зацветут белым, лиловым и розовым.

Не зацветут. Больше ничего не осталось. Ничего и никого.

Через некоторое время отпустило. Мартин вытянулся на койке, дыша глубоко и хрипло, потом сел, набросил на лицо капюшон и попытался прочесть молитву за родителей и остальных. Получалось плохо — мысли разбегались, слова отказывались складываться вместе, а потом раздались шаги. Он поднял взгляд, поспешно сбросил капюшон и вскочил.

— Не бойся, — сказал настоятель. Он стоял и сочувственно улыбался, пряча руки в рукавах рясы. — Тебе лучше... Мартин? Мартин, это, я так понял, твое имя?

— Да, отец, — пробормотал Мартин и поклонился, прижав руку к сердцу. — Спасибо, отец. Прошу прощения за то, что сорвал вашу встречу...

Старик тихо закашлялся в руку.

— За это как раз можешь не извиняться. Прости меня небо, но наш венардийский брат был довольно... утомителен. Да, скажем так. Утомителен.

Он придвинул стул и уселся напротив Мартина.

— Насколько я понял из слов Бирна, к тебе вернулась память. Он повторил мне то, что ты рассказал ему, но давай-ка проверим, все ли я понял верно. Твое имя Мартин, и ты жил в

карлейнской деревне... — настоятель прищелкнул пальцами.

— В Вересковицах, отец. — подсказал он.

— Да, верно. У вас стоял отряд гоблинов, который потом прогнали венардийцы. Они обращались с вами жестоко, а под конец обманом заставили надеть браслеты, от которых потом погибла вся деревня.

— Не вся, отец, — поправил Мартин тихим, все еще охрипшим от слез голосом. — Несколько человек остались в живых, но солдаты убили их. Меня, наверное, приняли за мертвого и бросили в яму вместе со всеми.

Настоятель, хмурясь, кивнул.

— Тебе удалось выбраться из общей могилы и добраться до наших краев. До Изумрудной чащи, если быть точным. И там ты повстречал фаэйри, которые избавили тебя от браслета и указали дорогу из леса.

— Да, отец.

Снова тишина. Старик, хмурясь, поглаживал заросший белой щетиной подбородок и постукивал пальцами по подлокотнику. Ступая тихо, почти неслышно, вошел библиотекарь и встал за спиной настоятеля.

— Вы не верите мне, — наконец проговорил Мартин. — И Бирн тоже не верит. Но отец, я клянусь...

Тот остановил мальчика поднятой рукой.

— Верю. По крайней мере, верю в то, что ты в это веришь. Три года назад до нас доходили новости, что на севере гуляет трясучая напасть. Я верю, что в твоей деревне случилась трясучка, а венардийцы оцепили ее и никого не выпускали, чтобы не дать заразе расползтись дальше. Так поступают во многих землях. Они могли перебить тех, кто выжил, для пущей безопасности. Да простит их небо, если это так. Тебе повезло выжить и добраться до Эйрии. Во все это я готов поверить. Что же встреченных тобой в лесу эльфов — ты был болен. Трясучая напасть, а к тому времени, как она прошла, ты был простужен и страдал от лихорадки и жара, а кроме того, кажется, твой рассудок был помутнен от горя и потрясений, что свалились на тебя. Ты мог видеть вещи, которых на самом деле не было. Возможно, ты встретил обычных людей.

— Я не вру! Я...

— Никто не обвиняет тебя во лжи. Но ты вспомнил, что встретил эльфов, лишь увидев в книге изображение короля Диана.

— Это и был он! — Мартин вскочил на ноги. — Отец, я видел его, как сейчас вас и Бирна! И с ним еще...

Настоятель снова поднял руку заставив его замолчать.

— Успокойся и послушай меня. Ты увидел его изображение в книге. На противоположной странице рассказывается о том, что с помощью чудесного молота король эльфов создавал парные браслеты, кулоны и кольца... так ведь, Бирн?

Библиотекарь кивнул и раскрыл злополучный том, который все это время держал в руках.

— Да, отец. Здесь пишут, что родители дарили их своим детям, чтобы уберечь тех от бед. Иногда подобными волшебными предметами обменивались влюбленные.

— В Венардии, насколько мне известно, дворяне, королевские чиновники и богатые купцы нанимают бедняков, чтобы те носили браслеты — браслеты судьбы, так они их называют — и тем самым принимали на себя их болезни и раны. Венардийские рассветные

братья, кстати, единственные, кто одобряет этот обычай. — заметил старик, хмурясь. — Мы же, как и все остальные ордена, считаем, что это заблуждение, и заблуждение вредное вдвойне. Человек не имеет права противиться воле неба и пытаться изменить ее. И кроме того, оно идет от эльфов, от наших врагов. Сколько уже было диспутов по этому поводу... Но Мартин, я не верю, что венардийцы дошли до того, что обрекают на смерть ни в чем не повинных людей, чтобы защитить своих солдат на поле боя.

— Но...

— Позволь мне договорить. Что же касается короля Диана — прости, если я усомнюсь в том, что ты встретил его. Двор Диана лежал намного восточней, в нынешних землях Венардии. А если бы ты и столкнулся с ним — или с любым другим фаэйри, раз уж на то пошло — зачем бы он стал помогать тебе? Эльфы предали людей, напали на войско короля Ройса прямо на поле боя. Возможно даже, что проиграв войну, они отомстили, погубив его своим колдовством. Ройс Золотой ведь умер через год после победы над ними.

Настоятель вздохнул.

— Впрочем, неважно. Эльфов загнали под холмы и в леса. Никто не видел их уже тысячу лет... Не обижайся, — добавил он. — Никто не считает тебя лжецом. Ты был болен и не в себе от горя, вот и все. Теперь все хорошо. Небо не зря привело тебя сюда, Мартин.

Мартин хотел было сказать что-то, но в последний момент вздохнул и склонил голову.

— Благодарю, отец.

Настоятель поступил мудро. С одной стороны объявил о том, что к Мартину, когда он находился в церкви рядом с небесным камнем, вернулась память. С другой — попросил братьев не докучать ему расспросами и дать немного времени, чтобы прийти в себя, и даже на несколько дней освободил Мартина от работы в скриптории. Отдохни, сказал настоятель. Помолись. Поблагодари небо.

Мартин пытался. Честно пытался, часами сидел в зале Тысячи Звезд напротив места, куда шесть веков назад упал черно-золотой камень, и медитировал. Вспоминал родителей, которые стали звездами и уже три года, оказывается, присматривали за ним с высоты, просил небо, чтобы не дало им погаснуть или упасть. Просил, чтобы оно избавило его от черной ненависти, которая туманом застилала глаза и заставляла руки Мартина сжиматься в кулаки всякий раз, когда он натыкался взглядом на рассветных братьев.

В трапезной их приор сидел за одним столом с настоятелем, налегал на пиво и травяные настойки, добродушно улыбался и разговаривал так громко, что его было слышно в дальнем конце залы:

— ... взять, например, вашу королеву... Онорой, ее звали, так, брат Алистер? Уже в преклонных годах была, а когда гоблины вторглись к вам сюда, и вовсе слегла, бедняжка. Но имела такую веру в Его Величество Карла, что, когда наши ребята выбили их с севера Эйрии, доверила ему управление страной, пока не поправится. А что померла все-таки, на то воля неба...

Настоятель только вежливо кивал, а венардиец продолжал, взмахнув рукой и пролив темно-золотую жидкость из чаши на скатерть:

— Более того, потом, как преставилась старушка, ее завещание обнародовали, так ведь? И в нем она власть над Эйрией передала королю Карлу. Оскильский правитель вот тоже, совсем недавно тоже решил вернуть свои земли под власть Его Величества. Потому что... потому что как раньше должно быть — одно королевство, один народ, один король! А эти дурни апрайские этого не понимают... или, покарай их небо, убрийские таны. Те так вообще, если меня спросите, любезный брат, с гоблинами спелись! Уперлись, и даже королевские войска через свои земли пропустить не хотят. А если бы... если ударить по гоблинам в Авлари с двух сторон, из Убры и северных графств, ну, там где раньше Карлейн и Мид были, мы бы войну за три дня закончили... попомните мое слово, брат Алистер, эти упрямы дождутся, что у Его Величества терпение лопнет и он силой вернет Убру в лоно Золотой державы... то бишь Венардии, конечно. Только сплотившись вместе мы сможем победить гоблинов. А убрийцы, прокляни их небо...

Мартин понимал, что этот пьяный болтун ему ничего плохого не сделал, но стоило взглянуть на украшенную золотой вышивкой красную сутану венардийца, как он вспоминал как братья ордена Рассвета слащаво улыбались и убеждали жителей Вересковиц, что браслеты защитят их, и в этот момент Мартину очень хотелось запустить ему в голову чем-нибудь тяжелым.

И еще эльфы.

Он поверил в то, что, возможно, он не встречал никого в лесу, что все это были вызванные лихорадкой видения, может быть на минуту, не больше. Конечно же, они там были! Эльфийка в сером плаще, которая пожалела его, упростила своего спутника снять с

Мартина браслет, а под конец указавшая ему путь из чащи, король Диан — это точно был он, как две капли похожий на свое изображение в книге, глядевший на него с презрением и злобой. Теперь Мартин понимал, почему — эльфийский король ведь считал людей врагами, а тут еще увидел у мальчика на руке магический браслет, выкованный отнятым у него много веков назад молотом.

Постепенно мысли об эльфах вытеснили почти все другие. Медитировать не удавалось. Молиться тоже толком не выходило. Мартин не мог сосредоточиться, постоянно отвлекался. Эльфы — враги. Но они спасли его и от причиняемых браслетом мучений, и от возможной смерти в глухом лесу. Эльфы не смотрят в небо, они ненавидят людей и скорее станут вредить им, чем помогут. Тогда зачем помогли ему? И если двор Диана находился далеко на востоке, что король делал здесь? Эльфы не показывались людям на глаза со времен своего разгрома, почему тогда они встретились именно ему, Мартину? И...

Время шло, и навязчивые мысли превращались в одержимость. По ночам ему снились горящие синим огоньки в черном лесу, как будто заманивающие его глубже в чащу. Эльфы. Эльфы. Эльфы...

В день отбытия венардийской делегации Мартин дождался наступления темноты и вскарабкался на дерево, которое росло у монастырской стены. С непривычки ободрал себе руки и ноги, но все-таки взобрался на одну из верхних ветвей потолка, оттуда — на стену, собрался было спрыгнуть, но замер в самый последний момент, как будто очнулся от сна. Дурак, сказал он себе. Ну куда ты собрался? Здесь высоко, сиганешь вниз — переломаешь ноги. Нужна веревка. Нужно захватить с собой что-нибудь, чтобы оставлять следы и не заблудиться. Взять еды, на случай если все-таки заблудишься и не сумеешь вернуться в келью до утренней молитвы. И самое главное, даже если бы тебе сказочно повезло и ты снова встретил бы эльфов, что дальше? Ты ведь не знаешь их языка. Точно дурак.

Мартин застыл на гребне стены. Лес совсем рядом, в сотне шагов, тихо шумит под прохладным ветром. Монастырь постепенно замирает, готовясь ко сну, темные силуэты построек еле видны на фоне ночного неба. Дальше еле видно перемигиваются огоньки Веречья, деревни, приданной монастырю еще во времена правления старой королевы. И высоко повисший месяц, серебристый, подернутый легкой дымкой.

Он постоял так еще несколько мгновений и стал спускаться назад.

На следующий день Мартин сделал глупость — спросил Бирна, есть ли в библиотеке монастыря рукописи, рассказывающие об эльфах, кроме той, что подарили венардийцы. Или словарь, например.

Есть, ответил тот, и недоуменно взглянул на Мартина. Пара старых книг, не считая той, что привезли венардийцы. И словарь тоже есть, кажется. Только тебе они зачем?

Он спросил, может ли Бирн выдать эти книги ему.

— Нет, — отрезал тот. — Я же сказал, они старые, еще рассыпятся, если их с полки неаккуратно взять. Это во-первых, а во-вторых, все, что тебе нужно знать об эльфах, я тебе и так расскажу. Эльфы живут очень долго, если не гибнут в бою или от пожара, скажем. Они всегда были малочисленны, разделены на несколько кланов, которые они называют дворами. Эльфы уже жили здесь, когда люди пришли с юга. Помогли переселенцам обжиться, научили много чему полезному и позволили селиться по всем этим землям, себе оставили леса и холмы. У них была своя вера, похожая на нашу, но при этом отличная. Кажется, они поклонялись луне. Еще допускали, что с помощью магии можно вмешиваться в назначенную небом судьбу и изменять ее, с чем мы, конечно, не согласны. Но тогдашние правители, а

вместе с ними и церковь, не боролась с этим заблуждением. Во время Последней войны короля Ройса Золотого с гоблинскимиярлунгами эльфы выступили на стороне людей, но потом предали их и развязали новую войну, которую проиграли. Это ты и так знаешь. Что-нибудь еще?

— А словарь...

— Мартин, зачем тебе это все? Почему ты вдруг заинтересовался теми, кто не смотрит в небо? — нахмурился библиотекарь. — Ты ведь, кажется, согласился с отцом настоятелем, что они тебе просто привиделись.

Он смутился и покачал головой:

— Я... Да, конечно, Бирн, просто...

— Мне стоит сообщить настоятелю о нашем разговоре?

— Не нужно тревожить его. Мне просто стало любопытно, — примирительно сказал Мартин. — Хотелось узнать больше об эльфах. Но нет — так нет. Переживу. Извини, что помешал.

— Лучше делом займись, — проворчал Бирн. — Тебе вроде бы нужно «Деяния праведного Эйдена» переписать, нет?

— Еще вчера начал, — улыбнулся Мартин и вернулся к своему столу.

Он думал, что поступил по-умному. Библиотекарь отказался выдать ему книги? Не беда. Ночью Мартин вооружился свечой, выскользнул из своей кельи, незамеченным прокрался в скрипторий, а оттуда в библиотеку. Ему даже не пришлось долго блуждать среди стеллажей, уставленных томами в кожаных, матерчатых и деревянных переплетах и аккуратно перевязанными свитками. Книги будто ожидали его — две действительно такие ветхие, что Мартин побоялся прикоснуться к ним, рядом — зеленый томик, подаренный монастырю венардийскими монахами, и чуть дальше на полке — стопка хрупких листов, пожелтевших и исписанных наполовину изящными тонкими знаками, незнакомыми ему, наполовину — буквами, очень похожими на венардийские. Старинная Золотая речь времен короля Ройса, догадался Мартин. А непонятные знаки — эльфийские буквы. Он просиял, потянулся было к словарю, но вовремя отдернул руку. Может, здесь какая-нибудь ловушка, вроде оставленных между страницами волосков или натянутых тонких нитей, которые рвутся при неосторожном движении. А потом Бирн обнаружит их и поймет, что кто-то трогал рукописи... Мартин напряг глаза, поднес свечу близко, насколько было возможно, наклонился, почти касаясь листов носом. Нет, кажется ничего такого. Он прошептал «помоги, небо», установил свечу на полке и бережно взял в руки один из листов...

Вернулся в келью он уже под самое утро. Голова раскалывалась, глаза болели и слезились, но настроение у Мартина было лучше некуда. Он успел прочесть несколько глав из подаренной венардийцами книги (самое начало, о происхождении эльфов. Они поклонялись луне, считали ее живым существом и верили, что когда-то она сотворила их очень далеких предков. Раньше их даже называли лунным народом.), и переписал эльфийский алфавит и несколько самых простых слов на принесенный с собой лист пергамента. Все прошло гладко. Ночью Мартин собирался снова пробраться в библиотеку, а пока нужно было поспать хотя бы пару часов, иначе за работой в скриптории он будет клевать носом и Бирн, чего доброго, еще заподозрит неладное.

Не успел он закрыть глаза, как за окном загудел рожок, а вскоре в коридоре раздались шаги и дежурный принялся колотить в двери келий. Мартин сел на жесткой койке, потянулся и помотал головой, чтобы отогнать сон, но получилось так себе. Голова все еще

болела и казалась тяжелой, будто в нее свинец залили, глаза жгло.

— Нет, так не пойдет, — пробормотал он себе, растирая ладонями лицо. Нужно умыться холодной водой. Перед тем, как идти на утреннюю молитву в зал Тысячи Звезд, задержаться у умывальника, может, голову туда сунуть, и он будет как новый. Всего-то дел.

Мартин отнял руки от лица и почувствовал, как где-то в районе желудка мерзко заныло.

— Небо грозное, — прошептал он, уставившись на свои ладони широко раскрытыми глазами.

Красные. Обе ладони были ярко-красного цвета, как будто он окунул их в краску.

— Небо грозное!

Мартин в панике вскочил, вылетел из кельи и бросился к выходу из дорматория, спрятав руки в рукавах рясы и расталкивая братьев локтями. Его окликали, кто-то возмущенно, кто-то с недоумением, спрашивали что-то про лицо, но Мартин был так перепуган, что не обращал ни на кого внимание. Он проклинал себя за гордыню и легкомыслие. Дурень! Вообразил себя самым умным, еще был доволен, что вовремя вспомнил про ловушку из натянутых ниток. Только забыл, что библиотекарь не глупее его, а кроме ниток есть еще способы узнать, трогал ли кто-нибудь книги. Ну дурень же! Просто...

Мартин бегом добрался до галереи, опоясывающей зал Тысячи Звезд, кинулся к каменному умывальнику в стене, и застонал, увидев расплывающееся в воде отражение своего лица. Красные пятна на щеках, на лбу и вокруг глаз, как у скоморохов, которых он видел давным-давно на турнире в Беломосте. Он сунул сложенные лодочкой ладони под струю воды и принялся тереть руки и лицо, но толку не было никакого. Монахи уже стали собираться в зале, позади Мартина образовалась очередь, а он все пытался смыть пятна с лица и ладоней, хотя и начал понимать, что это бесполезно. В конце концов Мартин сдался. Тяжело вздохнув, он набросил капюшон, снова спрятал руки в рукава и присоединился к остальным, ожидающим начала молитвы. По крайней мере сонливость как рукой сняло, мрачно подумал мальчик.

А потом, когда появился настоятель и началась молитва, капюшон пришлось снять. Мартин чувствовал на себе взгляды, удивленные и насмешливые, и был бы не против, если бы небо сейчас послало молнию и убило его на месте. Потому что по окончании молитвы...

— Прежде чем перейти в трапезную, — сказал настоятель, как делал это каждое утро. — Те из братьев, кто допустил в течении вчерашнего дня какой-либо проступок и хотят облегчить душу, могут выйти вперед, покаяться и получить прощение.

Мартин наконец осмелился поднять глаза, и конечно, старик, говоря, смотрел прямо на него. И хуже того — рядом с настоятелем стоял Бирн, хмурился и тоже не сводил с мальчика глаз.

Ох, ладно. Он глубоко вздохнул и шагнул было вперед, но его опередил один из монахов.

— Вчера во время работы в скриптории я обнаружил, что с моего стола пропала золотая краска, — начал он, повернувшись к остальным и опустив голову. — И я вспомнил, что на днях Лиам просил одолжить ему немного. Сказал, что краска нужна ему для иллюстраций «Песней свода небесного», а я тогда отказал, потому что у меня самого мало осталось. В общем, я решил, что Лиам взял коробочку с краской. Я грубо говорил с ним и даже обвинил в воровстве, но потом, уже в самом конце дня, нашел коробочку на полу. Она, наверное, упала и закатилась под стол, а я не заметил. Я раскаиваюсь и прошу небо и брата Лиам простить меня.

— Прощаю от всего сердца, — отозвался тот из толпы.

— Воздержись сегодня от пищи и питья кроме хлеба и воды, Ормонд, и считай, что небо простило тебя — сказал настоятель. — Далее..?

Мартин шагнул вперед.

— Я просил Бирна выдать мне книги об эльфах. Бирн отказал. Тогда ночью я пробрался в библиотеку, нашел эти книги и читал их. Я... — он запнулся. — Я должен был послушаться брата библиотекаря. Я раскаиваюсь.

— Про эльфов, ну да, — прошептал кто-то за его спиной и хрюкнул, будто пытаюсь сдержать смех. Библиотекарь сурово взглянул на монахов.

— Да, Доран, про эльфов. В отличие от того, что искал ты, когда забрался в библиотеку несколько лет назад. Той книги, кстати, там уже нет, если кто-то еще об этом подумывает. Отказал я не зря, потому что все что вам нужно знать о тех, кто не смотрит в небо, вы уже знаете, а забивать себе голову ненужными знаниями о врагах людей в лучшем случае бесполезно, а в худшем — вредно. Но я подозревал, что так просто Мартин от своего не отступится, поэтому в тот же день с разрешения отца настоятеля нанес на страницы книг пасту из сока красного жароцвета. — он позволил себе еле заметно усмехнуться. — Мартин, прощаю тебя от всей души. На сегодня ты освобожден от работы.

Мартин недоуменно моргнул.

— Небо прощает тебя, — добавил настоятель. — Если станет совсем невтерпеж, обратись к травщику.

Все разошлись, а Мартин стоял на месте, растерянно оглядывался и не понимал, что происходит. Его простили, не назначив никакого наказания, даже освободили от работы в скриптории, и... что там сказал настоятель? Что-то про травщика? Ничего не понятно.

Его хлопнули по плечу и Мартин вздрогнул от неожиданности и обернулся. Это был Доран, тот самый, что хихикал над ним несколько минут назад. Он смахивал на убриЙца — широкоплечий и низкорослый, ниже Мартина, хотя и был старше его года на два.

— Я, это... я извиняюсь, — сказал он. — Рот на замке держать не умею. Ты это... лучше до вечера здесь сиди, не отходи далеко от умывальника. С водой хоть чуть-чуть полегче будет.

— Что? — вконец растерялся Мартин.

— Да тебе ж сказали, — проворчал Доран. — Сок этот, жароцвета, чтоб ему пусто было. От него сперва пятнами идешь, а потом, через какое-то время, кожу так жечь начинает, света белого не видно. И глаза, если в глаза попадет. Вреда особого от этой гадости нет, и к вечеру все проходит, но до тех пор...

Его передернуло.

— Ты это... ты ведь только лицо руками трогал, да? Повезло тебе. Я-то, когда в библиотеку залез, на одну книжку взглянуть, с картинками... ну, была у Бирна тут одна книжка по медицине, с юга откуда-то... короче, на стены потом лез.

Доран крякнул, почесал в затылке и побрел прочь. Мартин хотел было окликнуть его, но осекся, вдруг почувствовав, как ладони и лицо начинают медленно наливаться жгучим, жалящим теплом.

Что-то изменилось. Что именно — Мартин и сам не понял. Темные стволы деревьев как тянулись вдоль тропинки, так и продолжали тянуться — ясени, клены и дубы, ветви еле заметно колышутся под прохладным ветерком, шелестят листья. Может быть, сам шелест вдруг зазвучал... как-то мелодичнее, что ли? Или в воздухе вдруг прорезались новые запахи — тонкие и острые, запахи каких-то цветов или трав, на которые он раньше не обращал внимание?

Мартин остановился, озадаченно оглядываясь вокруг. Потом поднял голову и взглянул в расстилающееся над лесом ночное небо. Нет, вроде бы все осталось, каким было мгновение назад. Или нет? Звезды, кажется, стали чуть ярче...

А потом он все понял.

«Просто сегодня я зашел дальше, чем обычно. Только и всего.»

После фиаско с соком жароцвета он оставил попытки добраться до книг. Бирн теперь запирает библиотеку на ночь, а даже если бы и удалось снова проскользнуть туда, Мартин был уверен, что не нашел бы их на прежнем месте. Наверняка их спрятали куда-нибудь от греха подальше. Хорошо еще, что остался один-единственный лист, на который он успел выписать эльфийские буквы и некоторые слова. Самые простые, вроде «я», «ты», «здравствуй», «прощай», «ночь», «день». Мартин жалел, что не успел записать больше, но все-таки это было лучше, чем ничего.

Пару седьмин после случая с книгами он держался тише воды, ниже травы, вел себя почтительно и тихо, стараясь не привлекать внимание, а потом в одну из ночей собрал все необходимое в небольшую холщовую сумку, взобрался на дерево во дворе, оттуда на стену, и по веревке спустился вниз. От волнения было тяжело дышать, руки дрожали, а сердце стучало где-то в горле, но все обошлось. Мартина не заметили, и он почти до самого утра блуждал по лесу. Эльфов не встретил, конечно, но расстраиваться особо не стал. Он и не думал, что ему повезет с первого раза. Мартин пытался запомнить дорогу (очень помог ножик для заточки перьев, которым он оставлял метки на древесных стволах), и рассчитать время, повторяя про себя молитвы — прочитал «Благодать свыше» двадцать раз — значит, час прошел, — и сумел не заблудиться и вернуться в монастырь за несколько часов до побудки. Вылазки повторялись почти каждую ночь (одну или две пришлось пропустить, когда накопившаяся усталость стала сказываться и он чуть не заснул за работой в скриптории); каждый раз Мартин старался углубиться в лес чуть дальше, и вот сегодня, кажется, ему удалось набрести на какую-то раньше не замеченную тропинку.

В темных кронах над его головой тонко запела птица. Мартин снова огляделся, вернулся к дереву у поворота и сделал на нем заметку. Потом пошел дальше, поглядывая по сторонам и читая про себя «Благодать». Если он считал правильно, скоро придется возвращаться. Мартин беспокоился — с тех пор, как он начал сбегать из монастыря по ночам, прошли уже несколько недель, и хотя пока что ему везло — ни разу не попался ни братьям, ни хищным зверям в чаще, эльфов он тоже не встретил. А чем дальше он углублялся в лес, тем меньше времени оставалось на то, чтобы успеть назад в монастырь. Если так пойдет и дальше...

В траве под ногами что-то блеснуло. Блеснуло и исчезло — порыв ветра всколыхнул ветви, листья закрыли собой луну и тонкий серебряный луч, что падал с неба, пропал. Мартин сбился с шага, озадаченно уставился в землю. Новый порыв, крона ясеня

заволновалась, и вот оно снова — яркий проблеск в темной высокой траве. Он опустился на колени, протянул было руку и, ойкнув, отдернул ее обратно — пальцы что-то кольнуло. Опять потянулся, на этот раз осторожней, и в ладонь ему лег лист. Лист вроде кленового, высеченный из зеленого мерцающего камня в золотой оправе, с прикрепленной сзади длинной то ли иглой, то ли булавкой.

Это же заколка. Заколка для плаща. А на булавке крошечными буквами выгравировано два слова — «лэ-айта». Значения Мартин не знал, но узнал буквы — такие же, тонкие и изящные, он видел на страницах эльфийского словаря в библиотеке.

Мартин застыл на месте, чувствуя, как учащается сердцебиение и начинают дрожать мгновенно вспотевшие ладони. Наконец-то. Заколка принадлежит кому-то из них. Из эльфов. Фаэйри. И значит... значит, они где-то здесь. Совсем рядом. Должны быть.

Он завертел головой, надеясь увидеть среди теней горящие синие огни. Не увидел, но это было неважно. Эльфы были где-то совсем близко. Ему хотелось позвать их, заорав что было мочи, и Мартин еле сдержал себя. Остановился, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Успокойся, приказал он себе. Не теряй голову. Нужно хорошенько запомнить это место, на случай, если сегодня все-таки никого не встречу и придется возвращаться сюда следующей ночью. Пройду еще немного вперед, но сначала сделаю метку на дереве.

Мартин снова окинул взглядом все вокруг себя, достал из сумки нож и принялся вырезать значок, три короткие линии, на коре ближнего к нему ясеня. Почти закончил, когда за спиной раздался еле слышный шорох.

Он обернулся. В нескольких шагах от него замерла — и как она успела подобраться, да еще так тихо? — фигура, высокая, тонкая и гибкая. Лица не видно, только в тени вспыхивают синие искры.

Несколько мгновений оба стояли неподвижно, а потом темная фигура взмахнула рукой. Мартин охнул от неожиданности, когда его собственную руку, в которой он все еще сжимал ножик, дернуло назад и пригвоздило к стволу дерева. Больно не было, просто кинжал, который она метнула в него, прошел сквозь широкий рукав рясы и только слегка оцарапал руку.

Темная фигура метнулась к нему, мягко ступая в высокой траве. Она была уже совсем рядом, когда мальчик освободился, сильно дернув рукой и распоров рукав — и снова замерла в лучах лунного света, так что Мартин успел рассмотреть ее. Узкая зеленая куртка и брюки, длинные волосы, черные, как смоль, собраны в хвост, глаза все еще горят огнем, но на красивом бледном лице растерянность.

— Стой! — выкрикнул Мартин. Задыхаясь от волнения, он поднял руки в примирительном жесте. — Стой! Ты... ты эльф, да? Ты... фаэйри! Фаэйри!

«Эльфийка, дурак,» — тут же мысленно поправил он себя. — «Ты что, не видишь, что у нее..?»

Та попятилась, а потом вдруг ее рука взлетела к волосам, и те рассыпались по плечам, вспыхивая в лунном свете, а в кулаке сверкнуло что-то тонкое и острое. Булавка, чтобы волосы держать, что ли, успел подумать Мартин.

— Да постой! — взмолился он, снова поднял руки и тут понял, что в одной из них все еще сжимает ножик. Мартин отбросил его в сторону.

Ох, небо. В другой руке заколка для плаща, которую он подобрал раньше. Совсем забыл про нее.

— Стой! — повторил Мартин. Он хотел вспомнить хоть несколько эльфийских слов,

которые успел выучить. Хотел сказать «здравствуй» и назваться, но обнаружил, что все позабыл. Абсолютно все, кроме...

— *Лэ-айта*, — он протянул заколку эльфийке и повторил снова, пытаясь говорить спокойно и мягко: — *Лэ-айта*.

Ее глаза вспыхнули радостным удивлением. Она потянулась было, чтобы принять зеленый с золотом лист, но в последний момент замерла, подозрительно глядя на Мартина.

— *Лэ-айта*, — снова сказал он и улыбнулся.

Эльфийка быстрым движением выхватила у него заколку, пятась, отошла на несколько шагов. Она хмурилась, глядела то на нее, то на Мартина. Он ждал.

Наконец, будто решившись, она произнесла что-то, но Мартин, конечно, не понял, только опять улыбнулся и развел руками. Эльфийка нетерпеливо покачала головой. Указала на него, ткнула пальцем в ту сторону, откуда Мартин пришел, сделала какой-то непонятный жест, и наконец махнула рукой, словно звала его назад.

— Я не... погоди! — кажется, он понял. — Ты хочешь, чтобы я пришел? Снова пришел?

Она повторила жест, и на этот раз не стала дожидаться ответа, тенью скользнув в темноту.

Весь следующий день Мартин боялся. Сначала — что произошедшее ночью в лесу ему просто приснилось, что сейчас он проснется в своей келье и окажется, что ничего этого на самом деле не было; потом, когда стемнело и он снова выбрался из монастыря — что не сумеет найти дорогу, свернет не в ту сторону, что тропа, по которой он шел вчера, исчезла и больше не появится. И наконец, увидев с замирающим сердцем, что не ошибся и вот-вот придет на место, где вчера встретил эльфийку, испугался, что этой ночью ее там не будет. Может, он не так ее понял. Может, она просто велела ему убираться.

И... вот, здесь это было. Шелестящая трава, мокрая от росы, ясень, на котором он почти закончил вырезать метку. Кажется, чуть выше даже можно разглядеть место, куда вонзился брошенный ей кинжал. Только где она сама?

Мартин огляделся, напряженно вглядываясь в темноту. Никого. Мальчик вздохнул. Так и есть, наверное он просто не так истолковал жесты эльфийки. Она просто прогоняла его, а он неведь что вообразил себе. Дурень.

Но как же обидно, небо грозное! Искать эльфов столько времени, и наконец найти, только чтобы...

Он даже не услышал, а почувствовал кого-то у себя за спиной. Обернулся — эльфийка мягко приземлилась меньше, чем в паре шагов, появившись из кроны ближайшего дерева. Лицо скрывал капюшон плаща, но Мартин не сомневался даже на мгновение, что это она.

У него мгновенно пересохло в горле. Лишь бы снова не забыть слова! Весь день же повторял, ну! Давай!

— *Йинта алнайиолент*, — охрипшим от волнения голосом произнес он и склонил голову. «Пусть луна осветит тебе путь». Так эльфы приветствовали друг друга, если верить прочитанному им.

Эльфийка откинула капюшон и подозрительно взглянула на него. Мартин собрался было еще назвать себя, но нужные слова опять вылетели из головы. Только сейчас мальчик заметил, что она, на вид хотя бы, примерно одного с ним возраста. В глазах мерцали синие огни, но где-то в самой глубине, еле-еле; тонкие брови приподняты, губы сжаты.

— Я... я Мартин, — наконец сказал он. — Прости, хотел назвать себя на вашем языке,

но все забыл.

Эльфийка слегка наклонила голову, что-то спросила чистым переливающимся голосом.

— Не понимаю, — виновато улыбнулся Мартин. — По-эльфийски я знаю всего несколько слов, и те...

И осекся. Ее рука скользнула в складки плаща и появилась с зажатым в кулаке круглым невзрачным камнем — самым обычным на вид, гладким и серым, даже не блестящим. Знаком эльфийка приказала ему протянуть свою руку, и когда Мартин подчинился, вложила камень в его ладонь, все еще не выпуская из своей.

— Йио леннале фазэйри несс, тено? — спросила она, и в то же мгновение в голове у него зазвучал тот же голос: «Так ты говоришь на эльфийском или нет?»

Мартин вскинул на нее удивленные глаза. Эльфийка усмехнулась и снова заговорила на своем языке, но он каким-то образом слышал ее одновременно и на его родном северном диалекте:

— Ясно, не говоришь. Что ты тут вынюхиваешь? Мало тебе, что господа спасли тебя, когда ты тут валялся в луже?

— Как ты это делаешь? — потрясенно проговорил он. — Почему я тебя понимаю?

Эльфийка фыркнула.

— Камень. Говорящий камень моей госпожи. Пока двое держат его одновременно, они могут говорить друг с другом. Не тани и отвечай на вопрос. У меня и так мало времени.

— Это... это один из ваших волшебных предметов. Как чаша, как арфа или молот короля Диана...

— Отвечай! — прикрикнула она и ее глаза снова вспыхнули. — Я же сказала, у меня нет времени. Если не верну камень на место до утра, госпожа узнает и будет расстроена.

Мартин растерялся.

— Я просто... я... не знаю, — признался он. — Я совсем недавно вспомнил, как оказался в лесу и встретил эльфов... вас... и... постой, а откуда ты об этом знаешь?

— Я вместе с остальными сопровождала госпожу. Она и господин Диан охотились, увлеклись, выехали за пределы круга, — нетерпеливо прищелкнув пальцами, сказала она. — Наткнулись на тебя. Ты барахтался, как мокрый щенок в луже... Ладно. Говори, что тебе надо.

— Я же сказал, я просто... я просто хотел найти эльфов. Поблагодарить за...

Она подняла глаза к небу.

— Ох, правду говорят, у людей в голове темнее, чем под камнем в безлунную ночь! Чего ты хочешь? Что я могу сделать для тебя, чтобы ты ушел и больше не возвращался?

— Ты не обязана ничего делать, — удивленно проговорил Мартин. — С чего ты...

— Да чтоб тебе пусто было! — воскликнула она. — Обязана! Госпожа потеряла любимую заколку от плаща, я ее искала, ты нашел заколку первым и отдал мне. Отдал после того, как я напала на тебя. Ты поднялся, я опустила. Чтобы снова смотреть тебе в лицо, я должна выполнить две твоих просьбы.

— Погоди, — сказал он. Попытался было собраться с мыслями, но это было нелегко — напор эльфийки совсем сбил его с толку. — Кажется, я понял.

— Не прошло и лунного круга, — ехидно вставила она.

— У вас принято отвечать добром на добро, и...

— Ну да. В отличие от вас.

— Получается, ты у меня в долгу?

Эльфийка прикрыла глаза и шумно выдохнула.

— Да! Да, щенок ты глупый! Так и есть! Говори уже, чего ты хочешь!

— Два желания? — уточнил Мартин. Она воздела руки к небу и произнесла что-то — для этого эльфийке пришлось выпустить камень и Мартин так и не узнал что именно, но решил, что и не особо хочет знать. По крайней мере, это было не какое-то страшное эльфийское заклинание, раз он не упал мертвым и не превратился в какую-нибудь колоду.

— Вести тебя в Леит Тинвар я не стану, — предупредила она. Голову Мартина кольнуло болью, а волшебный камень, помедлив несколько мгновений, перевел это название как «Чертоги Под Зеленой Крышей» — Тебя убьют, как только увидят. И с тобой к людям не пойду.

— Но кроме этого ты выполнишь все, о чем я попрошу? — сказал он и слегка улыбнулся. Эльфийка искоса взглянула на Мартина.

— Что ты задумал?

— Первая просьба — говори со мной, — сказал он. — Я буду задавать вопросы, а ты отвечай. Вторая — научи меня вашему языку.

— Ты... — она, кажется, растерялась. — Что за вопросы? И как — научи? За одну ночь? Ты в своем уме?

Мартин, все еще улыбаясь, пожал плечами.

— Не за одну, конечно. Но я учусь быстро, не беспокойся.

— Ты что, хочешь чтобы я и завтра встретилась с тобой? И...

— ... и послезавтра, и на следующую ночь. У меня много вопросов о фэйри, и я действительно хочу знать ваш язык. А ты мне поможешь.

— Ну, знаешь!.. — вспыхнула эльфийка. На ее щеках вспыхнул румянец, в глазах снова запыхали синие огоньки. Кажется, она и хотела бы разозлиться, и понимала, что злиться в общем не на что. — Ты... Что ты на меня уставился?!

— Извини, — вкрадчиво ответил Мартин и отвел взгляд, — Не хотел тебя смущать. Мы договорились?

— Да зачем тебе... у тебя... вот же камень есть!

— Очень полезная вещь, — кивнул он. — Но я хотел бы понимать тебя без его помощи. Кроме того, ты же сама сказала, что взяла его у своей госпожи и что она расстроится, если обнаружит пропажу. Я не хочу, чтобы тебе из-за меня попало.

— Какой заботливый, — фыркнула эльфийка.

— Мы договорились? — уточнил Мартин.

Она вздохнула.

— Господин Диан прав. Люди и глупы, и хитры. Хорошо, договорились! Доволен? Что ты хочешь знать?

— Твое имя, пожалуйста, — сказал Мартин. — Свое я назвал.

Эльфийка взглянула на него исподлобья, снова вздохнула.

— Леу. Меня зовут Леу.

Ночные разговоры

Кипа исписанных листов пергамента, которые он прятал под циновкой в своей келье, росла, и Мартин начал подумывать о том, чтобы найти новое место для их хранения. Не то, чтобы он боялся обыска, просто некоторые записи, попадись они на глаза Бирну или отцу настоятелю, совсем не обрадовали бы их. По-хорошему говоря, Мартин помнил почти все из записанного наизусть, но все же не решался избавиться от листов. Мало ли что.

Записей за два месяца накопилось много. Многие были совсем безобидными, вроде «глаза у эльфов светятся от сильных переживаний, таких как радость, страх, гнев или удивление; раньше в дружины их правителей брали самых хладнокровных воинов, чтобы свечение не выдало их во время ночных вылазок и засад», «они считают не годами, а месяцами, то есть временем, за которое луна тает и появляется на небе снова. Когда я спросил, Леу сказала, что родилась сто восемьдесят лунных кругов назад, многие считают свой возраст десятками или сотнями тысяч кругов, а некоторые не могут сказать, когда родились, так давно это было. Эльфы растут как мы, но не старятся и не умирают сами по себе. То есть они могут погибнуть, но не умереть от старости или болезни. Леу говорит, что те из них, кто устал жить, ложатся, засыпают и больше не просыпаются. Она говорит, что это именно сон, а не смерть, даже разозлилась, когда я употребил это слово. Эльфы тоже верят в существование души, только они называют ее *ниэйталь*, „свет внутри“. Они считают, что души их погибших или уснувших уходят в место, откуда эльфы когда-то пришли в Поднебесный предел. Это место называется Полуночной землей, там светит та же луна, что и в нашем мире, и эльфы верят, что в будущем, когда их народу будет грозить беда, все, кто ушел в Полуночную землю вернуться и помогут им. Больше Леу рассказывать о нем не стала. Не захотела, или, может быть, сама мало что знает про это место. Я и не настаивал.», «Они владеют магией и сами по себе. Смог же Диан снять с меня браслет, не коснувшись его. Эльфы вообще умеют много чего, и вот что интересно — возможно, даже их сокровища были обычными предметами, пока какие-то очень могущественные эльфийские маги не заколдовали их. Если и так, то это было очень давно даже по меркам фэйри, и как действительно было дело, сейчас никто не знает. И еще они считают, что именно из-за этого их дара эльфов всегда было меньше чем людей. Дети у них рождаются очень редко. Они верят, что так решила при их создании луна — чтобы эльфы не стали слишком сильны, не возгордились и не обратились ко злу.»

Были и другие записи, из-за которых, очутись они в руках не у тех людей, Мартин мог попасть в беду. Вряд ли настоятель выдал бы его венардийцам, но назначил бы столько дней поста и покаянных молитв, что и за сто лет не прочитаешь. А может, просто выставил бы Мартина за ворота монастыря и приказал проваливать. Записи про войну короля Ройса против эльфов, которые он сделал, вернувшись в келью после второй встречи с Леу.

Тогда Мартин растерялся. В голове десятками роились вопросы, и он не знал, какой задать первым. Почему эльфы помогли ему — ведь они враждебны людям? Зачем напали на войско короля Ройса тогда, после победы над гоблинами? Почему показали именно ему, Мартину, если до того дня их уже тысячу лет не видел ни один человек? И...

Он запустил руку в волосы, встряхнул головой, чтобы сосредоточиться. Леу насмешливо наблюдала за Мартином.

— Язык проглотил?

— Нет, я... я просто...

— Что, мое имя — это все, что ты хотел узнать? Тогда я пойду.

— погоди! — встрепенулся он, испугавшись, что эльфийка действительно исчезнет, и брякнул первое, что пришло в голову: — Что значит «лэ-айта»?

— Что? — недоуменно переспросила Леу.

— «Лэ-айта». Слова, выгравированные на заколке, которую ты искала. Я смог прочесть их, но...

— А, ты про это. «Моей любимой». Господин Диан подарил ее моей госпоже. Это самая дорогая для нее заколка, и госпожа очень огорчилась, когда потеряла ее. Наутро собирались послать кого-нибудь, чтобы найти заколку, но я решила поискать сама. Хотела обрадовать госпожу. Кроме того, я часто сопровождаю ее и знаю, куда она обычно отправляется на прогулку или охоту. Я нашла бы ее раньше остальных. Еще что-нибудь?

— Расскажи о них, — попросил Мартин. — О своих господах.

Она вздохнула, но спорить не стала.

— Я называю господами обоих, но Диан мне не приказывает. У него есть свои слуги, которые пришли с ним, а я стоящая у трона госпожи Дайну.

— Стоящая у трона?

— Да, я же сказала. Что непонятного? У ваших правителей нет стоящих у трона? — и не дожидаясь ответа, Леу пояснила: — Слугам приказывают. Со стоящими у трона дружат. Я выполняю поручения госпожи, но еще играю ей, если госпоже грустно, сопровождаю ее на прогулках и охоте, когда попросит, такого рода вещи. Если луна пошлет господам ребенка, я буду помогать присматривать за ним.

Мартин кивнул и выжидающе взглянул на нее, приглашая продолжать.

— Госпожа Дайну правит Чертогами Под Зеленой Крышей очень давно. Она помнит время, когда кроме фаэйри здесь больше никого не было. Потом, после войны, в наших краях появился Диан. Он был в такой горе от смерти подруги и предательства вашего короля, что не думал даже о мести. Странствовал по миру, как бродяга, и хотел уйти в Полночную землю, но...

— Предательства?! — вырвалось у Мартина.

— Ты так и будешь перебивать?!

— Это эльфы предали людей и напали на войско короля сразу после...

Леу вскочила, вырвав камень из его руки, поэтому из потока слов, который она обрушила на Мартина, он ничего не понял. Эльфийка сверкала глазами, яростно жестикулировала, потом круто повернулась и зашагала прочь.

— Постой!

Она продолжала идти, не оборачиваясь.

— Леу! Подожди!

Мартин нагнал ее, положил было руку на плечо Леу, но тут же отшатнулся, когда эльфийка, крутанувшись на месте, схватилась за кинжал, что висел у нее на поясе. Мартин поднял руки ладонями вперед и отступил на несколько шагов.

— Я не хотел обидеть тебя, — сказал он как можно мягче. — Не злись, пожалуйста. Честно, я не хотел.

Леу, бледная от гнева, прошипела что-то и ткнула пальцем ему в лицо. Потом, вспомнив, что Мартин ее не понимает, чуть ли не силой впихнула волшебный камень в его

ладонь.

— Язык бы тебе отрезать за такие слова! Ты пустоголовый болван! Не знаешь, о чем говоришь! Если ты еще раз...

— Я не хотел обидеть тебя, — повторил он. — Но меня всегда учили, что это эльфы напали на людей после победы над гоблинами.

Леу сердито фыркнула.

— Ну конечно. Чего еще ждать от людей? Хитрые, лживые существа! Хуже гоблинов! Гоблины по крайней мере не станут притворяться твоими друзьями, а потом бить в спину!

— Если это не так, расскажи, что, по-твоему, тогда произошло, — терпеливо попросил Мартин. — Я ведь затем и расспрашиваю тебя, чтобы больше узнать об эльфах.

— Не по-моему, а что действительно произошло! — огрызнулась она и неохотно, но все-таки последовала вслед за Мартином назад под дерево. Долго устраивалась, расправляла плащ, и наконец заговорила снова: — Ладно, слушай. После сражения, после того, как ярлунги принесли клятву, что больше никогда не ступят с оружием на южные берега, и их с остатками гоблинского войска отпустили, ваш король устроил праздник. Днем все веселились и пили, люди вместе с эльфами, а ночью королевские солдаты напали на наших воинов. Во сне, пока те были безоружны и беспомощны! Эльфов и так было немного, меньше тысячи, и почти всех их перебили. наших господ, правителей дворов, хотели взять живыми, но большинству удалось отбиться и бежать. Луна помогла. Некоторые погибли, и вашему королю удалось схватить только подругу Диана. Тогда...

— Прости, но откуда тебе знать, что все это правда? — осторожно спросил Мартин. — То есть, мне рассказывали одно, тебе — другое, но...

— Мой отец там был! — вспыхнула Леу. — Из Чертогов Под Зеленой Крышей на войну ушли тридцать стрелков, и он был единственным, кто вернулся! Остальных убили не гоблины в бою, а люди! Люди, которые притворялись их друзьями! Отец был ранен, еле сумел спастись, и его чуть не убили еще несколько раз, пока он пытался вернуться домой. А остальное рассказал сам господин Диан.

Мартин мысленно выругал себя. Что за глупый вопрос. Эльфы ведь живут сотни и тысячи лет, конечно, среди них есть те, кто видел все, что произошло тогда, своими глазами.

— Прости, — проговорил он. — Просто у меня в голове сейчас такое творится... Продолжай, пожалуйста. Ты говорила, что люди короля Ройса схватили подругу твоего господина.

— Да. Диан уговаривал ее не сопровождать его на войну, но та настояла. Сказала, что у нее плохое предчувствие и надеялась, что сможет уберечь Диана. А саму себя уберечь не смогла. Ваш король бросил ее в темницу и грозился убить, если господин Диан не отдаст ему свой молот.

— Думаю, я понял. Поэтому он и затеял это все? Хотел взять ваших правителей в заложники, чтобы заполучить волшебные предметы? Молот, камень твоей госпожи и прочее?

Леу бросила на него сердитый взгляд, но снова ругаться не стала.

— Сокровищафэйри, которые наши предки принесли с собой из Полуночной земли. Конечно, ваш король хотел наложить на них руки. Не перебивай, а?

Мартин кивнул.

— Ваш король получил молот и вернул господину Диану его подругу, но она очень скоро ушла в Полуночную землю. Я не знаю, что с ней случилось в плену, и он никогда об

этом не говорил, но она больше не хотела жить в этом мире. Перестала разговаривать, перестала есть, и меньше чем через один лунный круг ушла. Диан оставил своих подданных и скитался по северным землям как нищий. Несколько его слуг взялись сопровождать господина Диана, хотя он и запретил, а остальной его двор просто разбрелся кто куда. Я думаю, он тогда был не в себе от горя. Может, надеялся наткнуться на солдат вашего короля и погибнуть в бою... эй, ты что?

Мартин вопросительно взглянул на нее.

— На тебе лица нет, — сказала Леу. — Ты как будто... вдруг потемнел, что ли.

— Все хорошо. Продолжай, пожалуйста.

Эльфийка недоуменно окинула его взглядом и пожала плечами.

— Диан добрался до наших лесов, и со временем госпожа Дайну снова зажгла его внутренний свет. Они полюбили друг друга и теперь правят Чертогами Под Зеленой Крышей вместе. Вместе выезжают на прогулки, вместе охотятся. Как в тот раз, когда наткнулись на тебя. Увлечлись, преследуя оленя, случайно вышли из-под завесы, и...

— Какой завесы? — переспросил он. Леу вздохнула.

— Все-то тебе нужно объяснять... Завеса. Когда отец вернулся и рассказал госпоже о том, что произошло после битвы с гоблинами, она окружила свои владения завесой, так, чтобы ваши воины, если бы сунулись в Чертоги, не нашли их. Ходили бы кругами, заблудились в чаще, вышли бы назад, откуда явились. Думаю, остальные правители фэйри поступили так же.

— Наверное, так и есть, — задумчиво пробормотал Мартин. — У нас рассказывают, что после того, как эльфы проиграли войну, они отступили в леса и под холмы и их уже тысячу лет не видел ни один человек. Но вы все-таки, оказывается, выходите из-под своей завесы...

Леу покачала головой.

— Нет. Тот раз был случайностью. Фэйри Чертогов уже тысячи лунных кругов не ступают в ваши владения. Нам-то это зачем? Люди — хитрые коварные существа и от вас лучше держаться подальше.

— Но... погоди... Но тогда получается, что сейчас мы под завесой? Ты же сказала, что люди не могут...

Мартин совсем растерялся. Эльфийка пожала плечами.

— Госпожа Дайну пожалела тебя тогда, помнишь? Кажется, она даже до тебя дотронулась. Может быть, сама того не желая, она оставила на тебе какой-то знак, сделала так, чтобы волшебство завесы на тебя не действовало. Другого объяснения я не вижу. — она помолчала и добавила: — Потом они поссорились. Из-за тебя. Диан злился на мою госпожу, говорил, что не нужно было помогать тебе, что он зря позволил ей уговорить себя. Госпожа Дайну самая добрая из всех, кого я знаю. Она всех жалеет, всем старается помочь. А из-за тебя ей пришлось расстраиваться и плакать.

Опять повисла тишина, прерываемая шелестом листьев. Где-то высоко в темной кроне дерева запела птица.

— Мне жаль, — наконец проговорил Мартин. — Я не хотел огорчать твою госпожу.

— Врешь, — отозвалась Леу. — Я почти уверена, что врешь... Что ты вообще тогда забыл в лесу? И зачем нацепил браслет?

— Я не хотел. Меня... нас заставили хитростью.

— Какие же вы мерзкие существа, — сказала эльфийка и поморщилась. — Господин Диан создавал браслеты и кольца для того, чтобы носящие их могли оберегать один другого.

Родители и дети, друзья, влюбленные. А вы даже такое чистое волшебство извратили. «Хитростью»... А ну расскажи, как тебя угораздило так попасться, дурачок. Я уверена...

Мартин поднял на нее взгляд, и Леу осеклась и даже отшатнулась.

— Ты что, на «дурачка» обиделся? Смотришь, как будто хочешь убить. Я просто...

— Хорошо, — тихо сказал Мартин, — Я расскажу тебе.

Он заговорил спокойным ровным голосом, уставившись в шелестящую над их головами крону дерева. Рассказал про Вересковицы, про нашествие гоблинов, про пришедших вслед за ними венардийцев и установленные ими порядки. Про бедную Двенну и шерифа из Данового Холла, про братьев ордена Рассвета, браслеты и обрушившиеся на деревню напасти. Рассказал о трясучке, о том, как вспыхивали дома, а люди падали замертво посреди улицы. Рассказал о том, как умерли родители, а венардийцы потом добивали выживших и сбрасывали тела в яму на краю деревни, и как он потом...

Руку, в которой Мартин держал говорящий камень, стало покалывать. Он недоуменно опустил глаза и только сейчас заметил, что Леу так сильно сжимает его ладонь, что даже пальцы побелели.

— Я... я не знала, — очень тихо проговорила эльфийка. Мартин заметил, что она побледнела, а в глазах, снова вспыхивающих синим, стоят слезы. — Я не...

Леу протянула руку, провела по его щеке, и он увидел мокрые следы на ее пальцах.

«Я что, тоже плачу?» — растерянно подумал он. — «Даже внимание не обратил.»

— Я не знала, — повторила Леу. — Прости. Я...

И вдруг, не успел Мартин опомниться, она вскочила, метнулась в темноту и исчезла.

Беда в Веречье

— Я не знала, — снова сказала Леу, когда они встретились следующей ночью. Эльфийка все еще выглядела потрясенной, разговаривала тихо и без следа резкой ехидности, как вчера. — Прости, пожалуйста. Я понятия не имела, что у вас там такое творится. Думала, всеми людьми до сих пор правит один король, и что вы все...

— Ройс Золотой умер вскоре после победы над эльфами, так у нас считается, — ответил Мартин. — Его государство распалось вскоре после этого. Отделились западные провинции, а те, что остались, стали называться Венардией. Нынешний венардийский король, правда, хочет снова объединить Золотую державу. Говорит, для того, чтобы вместе противостоять гоблинам.

— Я ничего этого не знала, — повторила Леу, виновато взглянув на него. — Наговорила тебе гадостей, а твой народ, оказывается, пострадал от людей короля так же, как мой. Госпожа Дайну, когда я рассказала ей...

Мартин даже вздрогнул.

— Ты — что?

— Не пугайся, — сказала она и положила ладонь на его руку. — Тебе ничего не угрожает. Я же говорила, госпожа добра и справедлива. Я... понимаешь, я весь день ходила сама не своя, и она обратила на это внимание, стала расспрашивать. Госпожа тоже пришла в ужас от того, как поступили с твоей деревней. И еще она сказала, что это, наверное, воля луны — то, что они с Дианом тогда наткнулись на тебя, а сейчас ты смог отыскать дорогу под завесу и нашел ее заколку для плаща. Госпожа разрешила мне и дальше встречаться с тобой. Потом, когда ты немного подучишь наш язык, может быть тебе позволят даже прийти в Чертоги.

Увидев, как вспыхнули глаза Мартина, Леу поспешно добавила:

— Не сейчас. Когда-нибудь потом, после того, как госпожа объяснит все Диану. Я же рассказывала, как он злился после того, как снял с тебя браслет. Он не выносит людей, почти никогда не говорит о них. Когда госпожа Дайну расскажет ему о тебе, он скорее всего придет в ярость.

— Понимаю, — кивнул Мартин и вспомнил, с каким презрением глядел на него эльфийский правитель. Появись он сейчас в глубине владений Диана, тот, наверное, лично казнит его, не дав и слова сказать.

— В следующем лунном круге будет праздник, — сказала Леу. — Танец золотых листьев, любимый праздник госпожи. В этот день Диан особенно ласков с ней, ни в чем ей не отказывает. Наверное, тогда госпожа и расскажет ему о тебе. Ладно, ты хотел, чтобы я научила тебя языку фаэйри, так? Тогда слушай...

Мартин запомнил ту ночь еще и потому, что вернувшись назад в монастырь попался. Тихо и незаметно, как ему казалось, взобрался на стену, оттуда на дерево и на несколько мгновений затаился в кроне, прислушиваясь и всматриваясь в мрак, окутывающий двор монастыря. Все было тихо, только вдали лениво перебрехивались деревенские собаки; совсем рядом чернел силуэт дорматория, окна келий темные, нигде ни огонька. Он удовлетворенно кивнул. Ну конечно, перед рассветом спится слаще всего. Братья сейчас смотрят седьмой сон. Если Мартин все рассчитал правильно, у него в запасе были еще несколько часов до пробудки.

Он осторожно скользнул вниз по стволу, повис на ветке и, стараясь не шуметь, спрыгнул на землю, по щиколотки утонув в мокрой от росы траве. Довольно улыбнулся, поправил висящую через плечо сумку, сделал было шаг в сторону дорматория, и замер на месте, впившись глазами в чью-то фигуру, которая неторопливо направлялась к нему через двор. Лица было не разглядеть из-за надвинутого капюшона, и Мартин, спохватившись, набросил свой и метнулся было в тень. Может, повезет, и его не узнали. Или даже не успели заметить. Небо грозное, и кто это шляется по монастырю в такой час!

— И не думай даже, — догнал его спокойный, будто даже скучающий голос.

Келарь. Точно он. Неповоротливый и толстый, быстро бегать наверняка не умеет. Вдруг все-таки обойдется? Оторваться, спрятаться где-нибудь, потом постараться незаметно вернуться в келью, и тогда никто ничего...

— Мартин, — чуть повысил голос келарь. — А ну иди сюда. Дел у меня больше нет, кроме как за тобой гоняться.

Он застыл в нерешительности.

— Да узнал я тебя, узнал. Раньше нужно было под капюшоном прятаться. Сюда иди, кому говорю.

Мартин почувствовал, как на лбу выступает холодная испарина. Попался. Он тяжело вздохнул и шагнул навстречу келарю.

— Брат Олиф, я... понимаешь, я... я не мог заснуть и решил вот...

— Врешь, — все также невозмутимо сказал келарь. — Это я в свои пятьдесят три заснуть не могу, поэтому и слоняюсь тут, как душа неприкаянная. Суставы крутит, света белого не вижу. А ты... знаю я, почему ты посреди ночи по деревьям скачешь. Все знаю. Сумку давай.

— Ч-что?

— Сумку покажи, говорю.

Не дожидаясь, пока Мартин выполнит приказ, он стащил сумку с его плеча и запустил внутрь руку, не переставая бормотать «все я знаю, все».

— Брат Олиф...

— Как ее звать?

Внутри у него похолодело.

— Кого..? — еле сумел выдавить Мартин. Келарь поднял на него укоризненный взгляд.

— Девчонку, с которой ты в лес бегал. Что глаза вылупил? Думаешь, я вчера родился? Все вы одинаковы, молодежь. Наплюют на устав, на обеты, и с деревенскими девками в лесу непотребства творят.

От неожиданности он даже поперхнулся и закашлялся, но келарь, не обратив на Мартина внимание, продолжал ворчать:

— И хуже того, каждый раз нужно стащить что-то из кухни для своих краль, будто они там в Веречье от голода пухнут... Признавайся, что из кухни вынес?

И снова не дожидаясь ответа, он сунул нос в сумку Мартина. Потом перевернул ее и принялся трясти. На траву посыпались листы пергамента, упала деревянная фляга и кусок хлеба, который Мартин приберег с ужина, но так и не успел съесть.

— Ага! — воскликнул келарь. — Ну ни стыда, ни совести! Я-то думал, ну, может, пирог какой-нибудь стащил, или мяса кусок, а оно — вот оно что!

Он торжествующе потряс флягой, откупорил ее и поднес к носу.

— Вино украл, а? Ну ты и... — келарь осекся, на его лице появилось недоумение. Он

подозрительно взглянул на Мартина, сделал большой глоток. — Это что, вода?

— Вода, брат Олиф, — кивнул тот. Келарь снова бросил на мальчика косой взгляд.

— Что-то не нравится мне это все, — проговорил он. — Ты смотри у меня, я пойду и лично всю кухню проверю. Если что-то пропало...

Продолжая бормотать, келарь исчез в темноте, а Мартин так и остался стоять посреди двора, не зная, смеяться ему или хвататься за голову.

В ту ночь он так и не смог заснуть, прикидывал, что будет, если келарь сообщил действительно о произошедшем. Совсем недавно он проштрафился, забравшись в библиотеку, а сейчас еще и это...

Утром, еще до молитвы, настоятель обратился к собравшимся в зале Тысячи Звезд. Он не стал, как обычно, предлагать им покаяться перед всеми в допущенных за прошедший день проступках, а, огорченно хмурясь, попросил братьев вознести общую молитву и молиться усерднее обычного, потому что, как стало ему известно...

«Олиф все-таки рассказал ему,» — успел подумать Мартин. — «И даже не дали мне возможности самому сознаться. Хотя, может, так и лучше. Эх...»

— Вчера вечером я получил письмо из монастыря наших братьев у северной границы, — сказал настоятель. — Его Величество Карл приказал двинуть войска на Убру. Весть шла почти седмицу, так что думаю, кровь уже успела пролиться. Мы должны молиться о скорейшем наступлении мира и о душах погибших.

Уже потом, по окончании утренней трапезы, Мартин нашел келаря и поблагодарил его. Тот пожал плечами.

— А зачем я стану отца настоятеля зря огорчать? Из кухни не пропало ничего. А что ты по ночам шляешься... — келарь усмехнулся и, как показалось Мартину, даже подмигнул — Может, ты цветочки в лесу собираешь. Я же тебя за руку не ловил. Все, не мешай. И так дел невпроворот...

Мартину повезло, и везение не отворачивалось от него весь следующий месяц. Ему удавалось незаметно ускользать из монастыря и так же возвращаться, больше ни разу не попавшись никому на глаза. Правда, постепенно стал сказываться недостаток сна. Он осунулся, под глазами появились круги, и дошло до того, что Бирн отправил Мартина к травщику, решив, что тот заболел. Пришлось нехотя сообщить Леу, что он пропустит несколько их встреч, чтобы выспаться и прийти в норму.

— Понимаю, — кивнула та. — Я и забыла, что тебе приходится вставать рано утром. Меня-то теперь госпожа раньше полудня к себе не зовет. Тебе, правда, нужно отдохнуть.

Мартин и сам понимал это, но ему было жаль прекращать вылазки в лес, пускай даже на пару дней. Язык фэйри оказался сложным, сложнее даже убрийского, но именно поэтому Мартин упрямо решил, что должен выучить его, и ему не хотелось терять время. Кроме того, признался он себе, дело было в самой Леу. С ней было интересно. Поначалу колючая и ехидная, Леу оказалась смешливой, веселой, доброй — разве что слегка нетерпеливой. Часто ей было тяжело усидеть на месте, а еще эльфийка любила подстергать Мартина, когда тот приходил на место встречи. Леу могла бесшумно появиться из-за дерева, мимо которого он только что прошел и мог бы поклясться, что никого не видел, или вдруг свеситься с ветки вниз головой, так, что ее лицо оказывалось совсем рядом с его, и еще беззлобно посмеивалась над тем, что сумела застать Мартина врасплох. Серьезной она тоже могла быть — когда рассказывала ему о фэйри, сама спрашивала Мартина о мире за пределами

леса, или учила его новым словам на эльфийском. В последнее время тяжело сосредоточиться было уже самому мальчику. Он долго не мог понять, в чем причина, но потом сообразил — говорящий камень. Они оба держали его, пальцы Леу касались руки Мартина, и это... отвлекало, признавался он себе. Немного отвлекало.

Легкая, но почти постоянная усталость, ночные встречи с эльфийкой, работа в скриптории — за всем этим вести о войне как-то отошли на задний план, да и вестей особых толком и не было. Несколько раз мимо монастыря на север проходили отряды под пурпурными с золотым орлом и зелеными знаменами, скорее всего набранные из бывших воинов эйрийской армии. Совсем недавно, может, пару седьмин назад, паломники принесли слух о битве, в которой убрийское войско разгромило венардийцев и заставило выживших бежать назад к границе, вот, в общем, и все.

Это, наверное, было и к лучшему, решил Мартин. Чем меньше думаешь о войне, тем легче. Меньше воспоминаний, от которых руки сами сжимаются в кулаки, а в горле встает ком, не дающий дышать. Меньше страшных снов. Ну их всех.

По-настоящему Мартин вспоминал о происходящем на севере лишь в зале Тысячи Звезд, когда братья возносили молитвы об убитых и о том, чтобы война поскорей закончилась. Он молился вместе со всеми, обращался к небу искренне, но про себя хотел, чтобы служба поскорей закончилась.

Так было и в тот вечер — Мартин, глотая слова, и наверное, чуть раньше, чем нужно, пробормотал «а тех, кто погиб, прими в своих бескрайних чертогах, не дай упасть и угаснуть, и пусть сияют они в вечности», и собрался было встать с колен, когда настоятель поднял руку, давая понять, что еще не закончил.

— Еще одна молитва, — объявил он. — О Веречье. Брат Олиф днем собрался было туда за овощами и зерном, но на полпути его остановил патруль. В деревне карантин, королевские солдаты оцепили ее, никого не впускают и не выпускают. Сказали, кто-то у них подхватил кровавую лихорадку. Давайте попросим небо...

Мартин почувствовал, как у него перехватило дыхание, сердце бешено застучало. Накатила волна жара, как будто это у него самого закипела кровь в жилах.

Это случится опять.

— Всевечное небо, что над нами... — начал настоятель.

— Нет!

Мартин вскочил на ноги. На него уставились десятки удивленных глаз. Он и сам не знал, что хочет сказать — вряд ли ему поверят, но нужно же было сказать или сделать... что-нибудь. Хоть что-нибудь.

— Отец, это... подождете... это не лихорадка никакая! Они снова хотят... они наденут на них браслеты! На деревенских! Они все умрут!

Старик снова поднял руку пытаясь успокоить его.

— Мартин, пожалуйста. Мы ведь говорили об этом. Ты должен...

— Я не врал вам! — закричал он. — И сейчас не вру! Нужно сделать что-нибудь, иначе вся деревня погибнет!

— Мартин...

— Нельзя их бросать, отец! Мы должны что-то сделать! Пожалуйста!

— Мартин!

Настоятель повысил голос. Некоторые из соседей тянули Мартина за рясу, пытаясь заставить снова сесть; он успел заметить, как недовольно хмурящийся Бирн пробирается к

нему из другого конца двора.

— Пойдите, я... пожалуйста... да отстаньте вы! — Мартин рванулся, освобождаясь от сцепившихся в него рук, сделал глубокий вдох, постарался взять себя в руки. Нужно объяснить им. Спокойно все объяснить. — Это не лихорадка. В деревне никто не болен. Пока, по крайней мере. Венардийцы заставили их надеть браслеты судьбы, а парные браслеты сейчас на солдатах, которые собираются идти в бой. Скорее всего, какой-нибудь отряд, который сейчас сражается в Убре, и... точно, недавно же венардийцев там разбили, поэтому сейчас они решили снова использовать браслеты...

Подоспевший библиотекарь схватил его за плечо.

— Мартин! Небо, да что с тобой?! Прекрати!

— Дайте мне договорить! Потом наказывайте, как хотите, но сейчас дайте договорить. Я же говорил тебе! И действительно говорил, они уже так поступили с Вересковицами. Вы не поверили, а сейчас...

— Венардийцы не могут быть настолько жестоки, чтобы обрекать невинных поселян на смерть. Там же женщины и дети, Мартин! Неужели ты думаешь...

Их уже окружила толпа монахов. Братья тихо переговаривались, качали головами, с опаской глядя на мальчика.

— Еще как могут! Когда их солдаты пойдут в бой, убрыйские стрелы будут лететь мимо, даже если стрелять будут с двух шагов, и... и мечи у убрицев будут выскользывать из рук, и копья будут ломаться, а здесь, в Веречье местные просто будут падать и умирать, понимаете, вы?!

— Мартин, ты не в себе. Пожалуйста, замолчи.

— Если кому-то из деревенских повезет и солдат, на котором парный браслет, избежит только раны, то здесь он отделается сломанной рукой или ногой, или свалится с болезнью, но не умрет. Только потом венардийцы все равно убьют всех выживших, чтобы никто не узнал о том, что произошло. Пожалуйста, нужно... нужно что-то сделать!

— Достаточно, — перекрывая шум, громко сказал настоятель. — Братья, кто там ближе? Пожалуйста, отведите Мартина в келью и запирайте, для его же блага. Травщик приготовит успокоительное. Он отдохнет и завтра ему станет лучше.

Он не успел отшатнуться, и его тут же схватили, аккуратно, но крепко.

— Пожалуйста, — взмолился он. — Нужно им помочь! Пока не поздно, нужно...

Мартин продолжал объяснять и уговаривать монахов, пока его вели по коридорам дорматория. Попробовал снова, когда чуть позже явился Конолл в сопровождении Тага и Киллиана, но его не стали слушать. Травщик принес кружку с отваром, а когда Мартин отмахнулся, его снова скрутили — не больно, но так, что он не мог и пальцем пошевелить — и Конолл влил ему в горло отдающую травами горькую жидкость. Мартин успел почувствовать, как кружится голова и пол уходит из-под ног, а потом вокруг стало темно и тихо.

— ... да чем Конолл его опоил?

Голоса поднимались откуда-то из темноты.

— Мартин! Мартин, проснись!

— Он жив вообще?

— Да замолчи, накаркаешь еще... Мартин!

Звуки, будто кого-то шлепают по щеке. Тьма вокруг него завертелась, и чтобы не

провалиться еще глубже, он попытался вцепиться хоть во что-нибудь. Ничего не вышло.

— Небо грозное... Мартин!

— А ну отойди-ка...

Сверху полилась холодная вода. Он застонал, дернулся, стараясь уклониться, и в этот момент его подхватили под руки и усадили. Мартин с трудом разлепил глаза и тут же снова зажмурился — голова закружилась так, что его затошнило.

— Что... что случилось?

— Ну наконец! — обрадовался голос. Мартин вроде бы узнал Киллиана. — Очухался! Встать сможешь?

— Сейчас, — пробормотал он. Снова открыл глаза, и на этот раз вроде бы стало полегче — по крайней мере стены кельи не кружились и не грозили обрушиться на него. — Думаю... думаю, да. Что..?

Мартин попытался подняться, но ноги подогнулись, и он снова упал бы на койку, если бы его не подхватили с двух сторон.

— Ладно, — проговорил второй голос, решительный и мрачный. Кажется, это Джарет. Неразговорчивый хмурый южанин, откуда-то из Илора. Мартин вдруг вспомнил, что это именно он украшал иллюстрациями переведенный им «Перечень заблуждений». — Веди его к умывальнику.

— Куда?

— К умывальнику, говорю!

Мартина снова потащили по пустым и тихим коридорам дорматория, теперь уже в обратную сторону. Судя по тому, как плясал свет в узких окнах, было раннее утро. Где все? Что здесь творится вообще?

— Что... происходит?

— Мартин, слышь, ты не обижайся, а? — надсадно дыша, пропыхтел Киллиан. — За вчерашнее, я имею в виду. Мы ж не знали...

— Что?

— Ну, то, что ты говорил насчет Веречья. Мы ж, это...

Его вытащили в галерею, что опоясывала зал Тысячи Звезд. Здесь тоже не было ни души, только откуда-то из-за трапезной, со стороны главных ворот, вроде бы раздавались голоса.

— Стой. — скомандовал Джарет. — Окунай его.

Мартин не успел сообразить, что происходит, как его мокнули головой в наполненную водой каменную чашу. Вытащили, дали немного отдышаться, и повторили снова. На третий раз он уперся.

— Все, хватит! Хватит!

Ему полегчало. Холодная вода капала за шиворот, мокрые волосы липли к лицу, но головокружение прошло и мысли совсем прояснились.

— Теперь можешь рассказывать, — проворчал Джарет. — До него дойдет. И быстрее давай.

— Э, ну в общем, похоже что ты прав оказался, — сказал Киллиан. Мартин только сейчас обратил внимание на то, каким он казался бледным и растерянным. — То есть, это... Утром еще, совсем рано, там у них в деревне что-то стало твориться. Дым поднимается сразу в нескольких местах, крики... Орала так, что даже здесь слышно было... да и сейчас еще орут... Настоятель приказал всем собраться и идти в Веречье. Их там, наверное, действительно спасти надо. Он сказал...

Мартин тихо выругался. Ну конечно, нужно было тянуть до последнего, самим убедиться что в деревне стряслась беда, и только потом бросаться на помощь! Ладно... Лучше поздно, чем никогда.

— Пойдем, — коротко сказал он. Купание в умывальнике помогло, слабость быстро проходила и вскоре он перешел с быстрого шага на бег, миновал трапезную и оказался на главном дворе монастыря, но и там уже было пусто. Ворота были открыты настежь, а на дороге, ведущей в деревню, виднелась вереница фигур в синих рясах.

И дальше — палатки, вьющиеся над ними венардийские знамена, столбы черного дыма поднимаются к небу, между домиками мечутся совсем крошечные человечки, и ветер доносит плач и крики.

Мартин на мгновение замер, скорчившись, как будто от боли. Опять этот проклятый ком в горле, не дающий нормально вздохнуть, и глаза горят. Наверное, от дыма. Он глубоко вздохнул и поспешил вслед остальным братьям.

На полдороге его нагнали Киллиан и Джарет.

— Ну ты и шустрый, — буркнул рисовальщик. Киллиан даже говорить не мог, только отдувался и утирал мокрое лицо. — Не дослушал даже. В общем, отец настоятель придумал, как этим беднякам помочь. Теми, кто уже пострадал, Конолл займется. Если сам не справится, мы подсобим. Остальных деревенских просто сгоняем в одно место, пусть там сидят и вообще не двигаются, если получится. Меньше шансов, что упадут и сломают себе что-нибудь, или, я не знаю, на голову что-нибудь свалится. В руки им ничего острого и тяжелого не давать, есть тоже не давать, чтоб не подавились. Пусть постятся и молитвы читают, дело полезное. А если на них зараза какая-нибудь нападет, тут опять же травщик пригодится. Если я все правильно понял, так удастся хоть часть браслетов нейтрализовать, а там, глядишь, бой в Убре закончится. Венардийцы увидят, что магия не работает, и побегут, дай небо.

Мартин молча кивнул. Хорошо придумано.

— И это... — все еще пытаюсь отдышаться, добавил Киллиан. — Настоятель сказал, что раз такое дело серьезное, на устав можно наплевать. В смысле, если увидишь, что какая-нибудь девчонка симпатичная ногу подвернула или еще что, так можешь смело ее поднимать на руки, и...

— А у тебя, я вижу, одно только на уме, — заметил Джарет.

Братья Чистого неба

Дым в бледно-голубом небе. В нос бил запах гари. Жалобный плач, лай собак, визг перепуганных свиней и мычание коров звучали все ближе, когда впереди, из-за спин братьев, послышались крики:

— Стоять! Эй! Стоять, кому говорю!

— Назад! Куда собрались?

Мартин заработал локтями, пробираясь вперед; монахи замедляли ход, некоторые в нерешительности застыли на месте, и ему пришлось отталкивать их с дороги. Впереди замелькали пурпурные сюрко и забряцала сталь...

— В деревне зараза! Кровяная лихорадка. Пускать никого не велено. Назад возвращайтесь!

— Если это так, мы можем помочь, — Мартин узнал голос настоятеля. — Наш травщик уже много раз сталкивался с этим недугом и умеет...

— Обойдемся как-нибудь. Возвращайтесь назад, у нас приказ никого в деревню не пускать!

Поперек дороги выстроился с десятков венардийских солдат, преграждая путь. Они сжимали в руках копья, но их наконечники смотрели в землю, солдаты казались растерянными и даже немного напуганными.

— Дайте пройти, — спокойно попросил настоятель.

Венардийцы переглянулись

— Да не положено! — взмолился один из них. — Там дальше еще кордон, вас все равно не пропустят, а капитан потом с нас шкуру сдерет.

— Я бы на твоём месте больше опасался гнева небесного. Вы мешаете его служителям оказать помощь попавшим в беду людям. Дайте пройти, прошу еще раз.

— Так не положено же... — заикнулся было венардиец, но старик шагнул вперед и солдаты нехотя расступились.

Настоятель сильным голосом запел гимн; колонна монахов устремилась дальше, хором выводя «Небо благодарим». Мартин заметил, что спешащие в их сторону со стороны лагеря солдаты переходят с бега на шаг, а потом и вовсе останавливаются, не зная, что делать.

Но самой окраине Веречья шествие встретил новый отряд, оцетинившийся копьями и остриями мечей. За спинами венардийцев еще с полтора десятка их товарищей еле сдерживали толпу кричащих и причитающих поселян, которые, увидев приближающуюся процессию, зашумели еще громче.

— Не бойтесь, дети. Вперед! — настоятель на мгновение прервался, ободряюще махнул рукой, но не успел сделать и шага, как наперерез ему вылетел всадник.

— Именем короля, стоять! Деревня на карантине! А ну заткнули глотки и бегом назад в свой монастырь, пока не вышло чего!

Весь гнев, который кипел в груди у Мартина с того момента, как он увидел венардийских солдат, угас. Коротышка с жидкой бородкой, с трудом держащийся в седле и еле выговаривающий слова заплетающимся языком, видно, пьян вусмерть. Над таким хотелось смеяться.

— Эти люди нуждаются в помощи, — сказал настоятель. — Дай нам пройти.

— Я тебе дам сейчас! Плетей дам! Джонни, Роб, а ну отведите этого деда в сторонку и

всыпьте так, чтоб неделю разогнуться не мог!

Солдаты переглянулись.

— Господин капитан, святой человек ведь, — проговорил один из них. — Небо накажет...

Капитан уставился на него, потом плюнул и грязно выругался.

— Лихорадка в деревне, развалина ты старая! — снова закричал он на настоятеля. Спешился и встал посреди дороги, уперев руки в бока. — Первый же подцепишь и подохнешь! Что непонятного?

Что-то укололо глаз Мартина. Искра. Солнечный луч, отразившийся на меди браслета, который сидел на тощем запястье одного из деревенских. Искра вспыхнула и погасла — солдат ткнул его в грудь древком копья, человек охнул и опрокинулся на землю.

Гнев. Гнев снова закипел внутри, застилая глаза.

— Врешь!

Мартин рванулся вперед.

— Ты врешь! Никакой лихорадки там нет! Вы заставили их надеть браслеты! — он почувствовал на плече руку настоятеля, но сбросил ее и продолжал наступать на венардийца, сжимая кулаки. — Скажешь, нет?! Ну?! Скажешь, нет?!

Тот на секунду растерялся, но потом выпятил грудь и положил руку на рукоять меча.

— А если итак, тебе, сопляк, какое дело? Это все для наших ребят, которые сейчас в Убре жизнью рискуют. Ты что, не желаешь нашей доблестной армии победы, а? Может, ты шпион вообще?! — капитан орал все громче, накручивая сам себя, его и так красное лицо побагровело еще сильнее, изо рта летели брызги слюны. — Изменник и пре... предатель?! Все вы предатели, гоблинские холуи! Отсидживаетесь у себя там, книжки всякие читаете, пока мы кровь проливаем! Ребята, валите их! Всех валите!..

Пошатываясь, он шагнул было к Мартину, но тут же ухнул и отступил, мотая головой и прижимая руку к разбитому носу, а сам Мартин, толком даже не успев понять, что делает, бросился за венардийцем. Схватил его за руку, чтобы не дать вытащить из ножен меч, и бил в лицо — один удар, другой, третий...

— Мартин!

— Мартин, ты что..!

Его оттащили, а к капитану подбежали его люди и подхватили, чтобы тот не упал. Венардиец выпучил глаза и беззвучно, как рыба, открывал и закрывал рот; из расквашенного носа хлестала кровь, а рука шарила по поясу, все еще пытаясь нащупать меч.

— Измена! — наконец заверещал он, отдышавшись. — Это измена! Бунт! Убейте их! Я приказываю!

Но солдаты только бросали на него хмурые взгляды и нерешительно топтались на месте.

— Господин капитан, это ж святые люди как-никак... Небо разгневается. Вы бы похорошему с ними договорились, — пробормотал кто-то. Остальные поддержали товарища одобрительным гулом. Уже синий от ярости капитан несколько мгновений стоял, сипя что-то совсем нечленораздельное, потом плюнул на землю и побрел прочь.

— Труссы! — орал он. Пошатнулся, упал, шатаясь поднялся на ноги и принялся гоняться за своим конем, который бродил в стороне и пощипывал травку. — Дайте только... добраться... пожалеете, что на свет родились! Деревню сжечь, монастырь этот... гнездо предателей... по камешку!.. Всех перерезать! Кровью умоетесь!..

— Дайте пройти, — сильным голосом повторил настоятель, перекрывая его вопли, и

солдаты раздались в стороны.

К вечеру Мартин валился с ног от усталости, и даже не мог толком вспомнить все события того дня. Вроде бы кто-то, кажется Мерфи, хлопал его по плечу, потрясенно качал головой и говорил, что не подозревал даже, что тихоня Мартин умеет так махать кулаками. Потом он вместе с другими монахами переносил раненых на деревенскую площадь, вытаскивал людей из-под развалин обвалившегося дома, помогал травщику делать перевязки, накладывал жгуты, поил травяными настояками больных — кровяной лихорадки в Веречье не оказалось, но бедняг мучила та же трясучка, а некоторые страдали от какой-то напасти, не дававшей им нормально дышать, и таких нужно было аккуратно усаживать и поддерживать под спину, чтобы не задохнулись. Даже когда всех жителей деревни удалось собрать в относительно безопасном месте, на них стали бросаться внезапно взбесившиеся собаки, и братья, окружив их кольцом, отгоняли животных камнями и палками.

В какой-то момент ближе к наступлению темноты настоятель отвел Мартина в сторону, и тот решил, что сейчас получит выговор за то, что ударил венардийского капитана.

— Я не вправе осуждать тебя, — сказал настоятель. — Напротив, я хотел просить прощения.

— Отец, вы не должны...

— Гордыня, Мартин, — сказал он и грустно покачал головой. — Нежелание верить в то, что венардийцы могут пойти на такое злодейство, но по большей части гордыня. Я посчитал, что раз я старше, то следовательно и мудрее, опытнее, и мне видней, что там происходило в твоей деревне в Карлейне. Не может ведь быть, чтобы я, настоятель, ошибался, а какой-то монашек был прав... Послушай я тебя вовремя, мы смогли бы предотвратить злодейство, что случилось сегодня.

— Вы и предотвратили, отец — робко проговорил Мартин.

— С полдюжины крестьян погибли до того, как мы подросли. А сколько еще раненых и заболевших, одно небо знает. Я и не успел толком подсчитать. Эти жизни на моей совести, и вряд ли я успею замолить свой грех.

Он тяжело вздохнул, снова покачал головой.

— Всех, кто остался в живых, мы укроем в монастыре. Ты ведь слышал, как разорился командир венардийцев после того, как ты угостил его. Думаю, он вернется с новым отрядом. К нам они сунуться не посмеют, но могут сорвать злобу на Веречье.

Они покинули деревню только поздней ночью. Многие крестьяне наотрез отказались оставить свои пожитки, скотину и прочее, и им пришлось помогать со сборами. Тех, кто не мог идти, аккуратно устроили на телегах. Венардийские солдаты хмуро наблюдали за выходящим из Веречья обозом, но не пытались задержать или преследовать его. По прибытии больных и раненых нужно было отвести в лечебницу, остальным — помочь устроиться в странноприимном доме, так что Мартин вернулся в свою келью, когда уже начало светать. Он рухнул на койку и почти мгновенно заснул мертвым сном. Последний промелькнувший у него в голове обрывок мысли был о том, что, кажется, он забыл что-то важное.

Когда он проснулся, солнце уже начало клониться к закату. Мартин в панике выскочил из дорматория, ругая себя последними словам — нашел время спать, когда такое творится! Все остальные братья, наверное, с утра на ногах, а он...

По двору деловито сновали люди в синих монашеских рясах и серой, коричневой и

черной одежде деревенских — все куда-то спешат, чем-то заняты. Мартин схватился за голову. Ну как можно было так всех подвести! Он сделал несколько нерешительных шагов, сам не зная, куда бежать в первую очередь, но на его счастье столкнулся с Бирном.

— Успокойся... Да успокойся ты! — библиотекарю даже пришлось встряхнуть Мартина за плечи раз-другой. — Все хорошо. Ты, честно говоря, мог бы еще немного поспать. Отец настоятель определил тебя в ночную смену. Не паникуй.

Он недоуменно взглянул на Бирна, и тот объяснил, что настоятель разделил братьев и тех из беженцев, кто мог и хотел помочь, на группы — помогать в лечебнице, работать на кухне и прочее. Даже стариков приставили к делу — они, сменяя друг друга в церкви и зале Тысячи Звезд, молились о выздоровлении раненных и больных, а на крыши строений повыше посадили наблюдателей, чтобы те подняли тревогу, если увидят приближающихся венардийцев.

— Настоятель сказал, что это просто мера предосторожности, что они, даже если вернуться, не посмеют штурмовать монастырь. — добавил он, озабоченно хмурясь. — Дай-то небо, чтобы так и было, только раньше мы верили, что венардийцы не такие изверги, чтобы невинных людей в браслеты заковывать, а оказалось... Эх, ладно. Приди в себя немного, сходи, может, в трапезную, перехвати чего-нибудь, а ночью тебе в лечебнице дежурить. Не опаздывай...

Из трапезной Мартин вышел повеселевшим. На кухне хозяйничали благодарные женщины из Веречья, без усталости пекли, варили, жарили, и подавали на столы все новые блюда со снедью, дымящейся и источающей вкусные запахи. Шагая в сторону лечебницы, Мартин поймал себя на том, что широко улыбается. Давно он так вкусно не ел. Монастырским поварам поучиться бы так готовить, а то...

Его позвали по имени.

Мартин оглянулся, но никого не увидел. Уже сгустилась темнота, луна вышла на небо, длинные тени построек и деревьев стелились по траве, и...

— Мартин!

В кроне ближайшего дерева вспыхнули две синие искорки, и, прежде чем он успел опомниться, Леу бесшумно и мягко приземлилась рядом.

Вот! Вот о чем он забыл! Пропустил две встречи — позапрошлой ночью валялся, одурманенный конолловой настойкой, прошлую провел в Веречье, а Леу не предупредил!

— Что ты... тебе нельзя здесь... тебя же увидят!

Она недоуменно наклонила голову, а у Мартина от волнения снова вылетели из головы все эльфийские слова, которые он успел выучить. Пока он отчаянно пытался собраться с мыслями, Леу заговорила сама — спросила о чем-то, наполовину встревоженно, наполовину радостно. Мартин, кажется, разобрал «ты», «где», «ждала», а потом спохватился, что монастырский двор — не место для разговора, тем более, что со стороны трапезной как раз показались несколько фигур в рясах.

— Ох, небо!..

Мартин схватил Леу за руку, набросил капюшон плаща ей на лицо и потащил за собой, стараясь держаться в тени. Эльфийка и не сопротивлялась, только с любопытством поглядывала по сторонам.

Наконец он чуть ли не втолкнул Леу в свою келью, захлопнул дверь и прислонился к ней, тяжело дыша. Сердце у Мартина билось как сумасшедшее. Эльфийка протянула ему руку с зажатым в ней говорящим камнем.

— Я беспокоилась, — сказала она. — Ты не пришел одну ночь, другую... Я подумала, с тобой что-то случилось, ты заболел или еще что-нибудь.

Мартин запустил свободную руку в волосы и попытался собраться с мыслями.

— Кроме того, — продолжала Леу. Она откинула капюшон, и луч лунного света, падающий через узкое окно, вспыхнул на ее волосах. — Мне хотелось посмотреть на этот ваш монастырь. У вас здесь шумно. Такая суматоха, все бегают, галдят. Так почему ты не приходил? Что-тостряслось?

— Да, В общем, да... Не со мной, — поспешно добавил он, увидев тревогу на лице эльфийки. — Спасибо, что беспокоишься обо мне. Сам я в порядке, просто...

— Конечно, беспокоюсь! Ты...

Дверь кельи распахнулась.

— Мартин, тебя в лечебнице ждут, — сказал появившийся в проходе Мерфи. — Конолл говорит, чтобы ты не опаздывал, а то ведь... Ну ты даешь! Нашел время девиц к себе в келью водить, в самом деле! Нет, ну...

Вдруг он осекся, побелел, даже сделал пару шагов назад.

— Погоди, а что это у нее с ушами? И глаза... Ох, небо, спаси и защити! Сюда! Сюда!

Ну почему она явилась в монастырь? Почему он не прогнал ее, а потащил в келью? Почему она не сбежала, пока была возможность? Оба они дураки. А теперь слишком поздно. Леу погибнет через пару мгновений, а сам он, считай, уже мертв.

Мартин с трудом перекатился на спину. Рукав рясы был мокрым от крови, рука при каждом движении отзывалась болью; он не мог даже поднять ее, чтобы защититься от нового удара. Сломана, наверное.

И как же хочется вздохнуть по-человечески, хотя бы в последний раз. Мартину отчаянно не хватало воздуха, но стоило ему попробовать сделать вдох, как изнутри в него будто вонзались раскаленные ножи. И снова кровь. Он чувствовал, как что-то горячее бежит по его груди и левому боку.

Крики, женский плач, звуки ударов, звон металла и треск огня.

Как же глупо все закончилось. И даже не смог отомстить напоследок, убить хотя бы одного из этих ублюдков. И возможность была, но он струсил. Мартин завыл бы от отчаяния, если бы мог выдавить из себя что-то громче слабого хрипа.

На фоне черного неба возник солдат-венардиец, по милости которого он и умирал сейчас, распростертый посреди зала Тысячи Звезд. Здоровый громила, сейчас казавшийся и вовсе великаном, оскалил зубы и снова поднял руку с булавой.

Нужно было прогнать ее, как только увидел.

Нужно было броситься на Мерфи, оттолкнуть его и дать Леу возможность сбежать, но тогда Мартин просто растерялся, а на вопли помощника библиотекаря быстро сбежались остальные братья.

Какой же поднялся шум.

— Там у Конолла люди умирают, а он, вместо того, чтобы помогать идти, с какой-то девкой тут обжимается!

— Бесстыдники! Вот в мое время...

— Мартин, стыдись! Вот от кого, а от тебя не ожидал...

— Эльфа! — надрывался Мерфи. — Братья, да посмотрите! Глаза! У нее глаза светятся! Уши острые! Эльфа, совсем как в книгах описано!..

И тут начался настоящий гвалт, такой, что у Мартина зазвенело в ушах. Он помнил, как монахи принялись в ужасе взывать к небу, как в коридоре кто-то отчаянно вопил, что на монастырь напали эльфы и что наступил конец света; как какой-то храбрец, собравшись с духом, шагнул в келью, Леу отскочила к стене, подобралась и выхватила свой кинжал; как сам он встал между ними, готовый драться, а потом монах куда-то пропал и на пороге стояли уже настоятель вместе с Бирном и что-то громко говорили — пытались всех успокоить, что ли? — и наконец им удалось оттеснить толпу от двери и закрыть ее.

Некоторое время все четверо молчали, глядя друг на друга. Наконец настоятель устало потер переносицу и откашлялся.

— Слишком много происходит в последние дни. — произнес он, — Через чур много. Бирн, ты тоже ее видишь? Фазэйри?

— Да, отец. — библиотекарь был бледен, казался потрясенным и испуганным. Настоятель тяжело вздохнул.

— Ох, Мартин, лучше бы это была обычная девушка, из деревенских. Было бы проще...

— Дайте ей уйти, — сказал он. — Пожалуйста. Она никому не вредила, вообще ничего не сделала. Я все расскажу, только сначала позвольте ей уйти.

— Что происходит? — будто не слыша его, спросил старик. — Тысячу лет тех, кто не смотрит в небо никто не видел, и вдруг одна из них обнаруживается в твоей келье. Мир сошел с ума.

— Отец, если помните, — вновь подал голос Бирн. — Тогда, в лазарете, Мартин говорил о том, что встретился с эльфами. Тогда мы ему не поверили...

За спиной Мартина Леу настороженно переводила взгляд от одного монаха к другому. Что-то сказала вполголоса. Кажется, спросила, что нужно этим двоим. Он не глядя протянул руку, и когда в нее лег камень, одними губами шепнул:

— Не бойся. Я попытаюсь убедить их отпустить тебя. Все будет хорошо, Настоятель покивал.

— Да, так и было. И его словам про браслеты мы не поверили, и ты сам видел, чем это обернулось. Мартин, раз уж она... эта девочка понимает тебя, скажи, что ей не причинят вреда.

— Тогда отпустите ее. Леу ни в чем не виновата. Я расскажу все, что вы захотите узнать, отец, но пожалуйста...

— Сейчас, — ответил тот. — Это все равно невозможно. Ты же видел, что творится снаружи. Все взбудоражены. Чтобы убедить братьев разойтись, мне нужно знать, что происходит. Как эльфийка попала в монастырь, что она делала в твоей келье. Расскажите мне хотя бы что-то.

— Она не сделала ничего плохого, — вновь попытался Мартин.

— Верю. Когда к тебе вернулась память, ты, кажется, рассказывал, как эльфы спасли тебя, сняли с руки браслет и указали дорогу из леса, так ведь? Бирн, как ты думаешь, мог один из их дворов не участвовать в войне против людей? Это бы многое объясняло.

— Мартин говорил, что браслет с него снял сам король Диан, — возразил библиотекарь. — А именно его победил в поединке Ройс Золотой, отец. Разве что за время, которое прошло с окончания войны, он раскаялся...

Настоятель улыбнулся, хотел было ответить, но снаружи снова раздался шум, топот ног, крики.

— Солдаты! Солдаты пришли! Окружают монастырь! Небо, береги!

Снова суматоха, паника и испуганные голоса. Мартин помнил, как Бирн и настоятель выбежали прочь, как сам он бежал, таща Леу за руку, как оказался под деревом у смотрящей на лес стены и сбивчиво пытался объяснить ничего не понимающей эльфийке, что та должна спасаться, пока еще есть время, пока венардийцы не взяли монастырь в кольцо. Лес был совсем рядом, темный и безмолвный, но где-то недалеко гудели трубы и слышались голоса, выкрикивающие команды. Вокруг них металась и кричали люди.

— Ты успеешь. Беги! Возвращайся в лес!

— Да что у вас тут творится?! — воскликнула Леу. — Чего вы все носитесь?! Что происходит?

— Солдаты! — закричал он в ответ. — Венардийские солдаты! Спасайся! Быстро!

Глаза эльфийки вспыхнули.

— А ты? Пойдем со мной. Госпожа укроет тебя, и...

— Да беги ты! — закричал Мартин, и тут на него налетела группа торопящихся к

воротам людей, монахов и беженцев из Веречья. Мартина потащило, сбило с ног, а когда он поднялся, то уже не увидел Леу.

— Давай с нами! Быстро! — заорал кто-то ему на ухо, схватил за капюшон и увлек за собой.

Снова бег. Перед глазами у Мартина кувыркались и мелькали чьи-то тени, рыжие отблески пламени, снова выли трубы и откуда-то раздавались размеренные глухие удары.

Наконец ему удалось остановиться; Мартин обнаружил себя на другом конце монастыря — во внешнем дворе, у самых ворот. За стеной в ночном небе развевались знамена с орлом, а мгновение спустя рядом взвилось еще одно, с золотым восходящим солнцем, раскинувшим лучи по красному полю. И почти одновременно с новым ударом, от которого ворота затрещали и затряслись, раздался хор голосов, выводящий гимн. «Праведная ярость свыше», некстати вспомнил Мартин.

С десятков человек навалились на ворота, но новый удар расшвырял их в стороны, а потом из темноты вывалился Киллиан, растрепанный и с круглыми от страха глазами. Он тараторил что-то, жестикулировал, потом схватил Мартина за рукав и потащил за собой; он лишь успел заметить краем глаза, как от очередного удара створки ворот разлетаются в стороны, а в проеме качается обитое железом рыло тарана. Снова вой труб, во двор, подбадривая себя ревом, устремились десятки воинов в пурпурных сюрко.

— Пригнали... пригнали рассветных братьев, чтоб им пусто было, — на бегу сипел Киллиан. — Вишь, умные какие... сами-то солдаты нас бы не тронули... бояться... а вот если другие святые люди скажут, что можно... что мы вроде как отступники, тогда...

Он хрюкнул, сбился с шага и тяжело повалился на землю лицом вниз.

— Киллиан, ты что...

Тот, растерянно моргая, попытался было приподняться, открыл было рот, чтобы сказать что-то, а потом глаза Киллиана вдруг стали пустыми, руки разъехались, он снова упал и уже не двигался. Только тогда Мартин заметил, что между лопаток у него торчит арбалетный болт.

— Киллиан!

Он застыл, на мгновение совсем потеряв голову от страха, не соображая, куда бежать и что делать, только беспомощно обводил взглядом двор.

В ворота, торжественно распевая гимн о гневе неба, обрушивающемся на отступников, входила колонна монахов ордена Рассвета; в руках факелы, и танцующие языки пламени выхватывают из темноты мечущиеся в панике фигуры. Некоторые, и беженцы, и братья Чистого Неба, пытались дать солдатам отпор, но большинство спасались бегством, а многие уже лежали в пыли убитыми или ранеными.

Вопли, визг, отчаянный плач женщин и детей; солдаты ломились в двери странноприимного дома, другие преследовали не успевших убежать. Мартин беспомощно смотрел, как один из них ткнул копейным древком какую-то старуху из деревенских. Та упала, попыталась было отползти в сторону, но проходящий мимо рассветный брат в красной рясе небрежно коснулся ее факелом, и платье на женщине вспыхнуло. Копейщик заржал, огляделся и поймал взгляд Мартина.

Тут он наконец пришел в себя, развернулся и бросился бежать, затылком чувствуя, что венардиец гонится за ним. Мартин промчался мимо здания церкви, у входа которой возились монахи ордена Рассвета, споткнулся о чье-то тело, едва не упал; оглянулся через плечо и увидел, что был прав — копейщик бежал следом, скалился и орал что-то.

Он бросился дальше, увернулся от чьей-то руки, которая чуть не схватила его, метнулся в одну сторону, в другую, нырнул в первую попавшуюся дверь.

Трапезная. Здесь было тихо, безлюдно и почти совсем темно — большинство светильников были сброшены на пол, пара факелов, что остались на стенах, догорали. Разбросанная везде еда и кухонная утварь, перевернутые столы...

Нужно спрятаться. Забиться в какой-нибудь угол, и...

Токая и тяжело дыша в полутемный зал вбежал венардиец. Мартин снова замер на месте — он понимал, что нужно спастись, бежать — вон, в другом конце трапезной еще одна дверь — но тело отказывалось слушаться. Он мог только медленно пятиться, не сводя глаз с приближающегося солдата. Копейщик неторопливо подходил ближе и ближе, утирал пот со лба и ухмылялся.

— Добегался, крысеныш, — просипел он. — Ну и где твои дружки-гоблины, а? Не помогут тебе? Изменник, паскуда такая...

Шаг назад. Еще шаг, а потом плиты пола стали скользкими, в мгновение ушли из-под ног, и Мартин, не успев даже вскрикнуть, опрокинулся на спину, да еще приложился о пол затылком. От боли из глаз посыпались искры. Венардиец снова расхохотался и медленно, не торопясь, зашагал к Мартину, пинками отбрасывая в стороны валяющиеся на полу миски, кувшины, куски хлеба и овощей.

— Сейчас, — весело пообещал он. — Сейчас я тебе кишки выпущу и на копье намотаю.

Тяжело дыша, Мартин отползал назад. Страх куда-то ушел, просто не хотелось умирать так глупо и жалко, даже не сопротивляясь. Его рука наткнулась на что-то. Что-то продолговатое, деревянное. Он провел пальцами дальше и ощутил, как вспыхнула и погасла боль, а по коже побежали горячие ручейки.

Спасибо, небо.

— Добегался, — опять злорадно проговорил венардиец. Он был уже совсем рядом, замахнулся, и тогда Мартин, приподнявшись на локте, выбросил вперед руку с ножом. Обычный нож, щербатый, с отколотым кончиком острия, которым он сотни раз нарезал хлеб, вонзился в незащищенную кольчугой внутреннюю часть бедра. Солдат заверещал неожиданно тонким голосом, выронил свое оружие и схватился за ногу. Он заковылял прочь, зажимая рану обеими руками, поскользнулся сам и грохнулся на пол.

— Сучонок, чтоб тебя молнией поразило! Ты что наделал! А, небо, больно-то как... На куски тебя порежу, ублюдок мелкий, сын ста козлов и шлюхи!

Мартин встал и двинулся к нему, все еще сжимая в кулаке нож. Венардиец лежал на боку, корчился, зажмурившись, на рыжей бороде блестела слюна. Все просто. Вонзить нож в шею, благо у него обычный шлем, не кольчужный капюшон. И посмотрим, как он запоет тогда.

— ... отсох и отвалился! Чтоб у тебя... — тут солдат наконец открыл глаза и осекся на полуслове, будто подавившись. Уставился круглыми глазами на поблескивающее в дрожащем свете факела лезвие. — Э, парень, я ж это... я ж не всерьез. Я не хотел, честно... Небом клянусь!

Он бормотал все быстрее и быстрее, сбивался и глотал слова.

— Я тебя только пугнуть хотел! Что ж я, зверь? У самого дома дети, сдохнуть мне тут на месте, если вру... Парень, ну честно... мало тебе, что ты меня калекой оставил? А у меня детки дома, один другого меньше... Не убивай, сделай милость, а? Всю жизнь буду небо за тебя молить...

Может, и стоило тогда ударить его ножом. Вспороть шею, чтобы он сдох, захлебнувшись своей же кровью. Но Мартин не смог. Несколько мгновений он стоял, глядя на венардийца, который уже начал подвывать от страха, и опустил руку с ножом.

Он бегом пересек трапезную, выскочил в коридор, и мгновение спустя оказался в зале Тысячи Звезд. На Мартина снова обрушился плач и жалобные причитания — здесь собрались в основном женщины, дети и старики из Веречья и несколько братьев совсем преклонного возраста. Они жались друг к другу, громко молились, взывали к небу о помощи. Их охраняли с полдюжины монахов, хотя и охраной это можно было назвать с трудом — у кого в руке была палка, у кого ножка от скамьи или ножик для заточки перьев. Ворвись сюда венардийцы, от них вряд ли был бы толк.

Он завертел головой. Отца настоятеля не видно... вроде бы он заметил Бирна — вон он, успокаивает рыдающую от страха женщину, а...

В его ладонь ткнулось что-то твердое, холодное и гладкое. Мартин опустил глаза. Это же камень. Говорящий камень! Значит...

— Наконец! Куда ты убежал? — сердито прошипела Леу. Внезапно она оказалась совсем рядом, так, что он сумел разглядеть свое отражение в ее глазах. На эльфийке был плащ, капюшон снова надвинут на лицо — хотя, пронеслось в голове у Мартина, сейчас на нее бы и без капюшона и кто не обратил внимание. Не до того.

— Я? Почему ты здесь? Я же сказал тебе, возвращайся в лес! Видишь же, что тут творится!

— Без тебя...

— Быстро уходи, пока можешь!

— Без тебя не уйду, я же сказала. Если бы ты не убежал куда-то, мы давно бы уже были в лесу. А так пришлось задержаться и искать тебя. Сам виноват!

Мартин застонал от отчаяния.

— Леу, пожалуйста...

— Без тебя я никуда не уйду. — ему показалось, что голос эльфийки чуть дрогнул — Я же обещала научить тебя нашему языку, а как ты будешь учиться, если эти... эти чудовища покромсают тебя на куски?! И вообще, я... ты... ты пойдешь со мной, и точка!

А потом чудовища появились.

Солдаты ворвались в опоясывающую зал галерею со всех сторон. Зал Тысячи Звезд взорвался новыми криками ужаса. Один из монахов бросился на венардийцев, замахнулся палкой и тут же упал, получив болт из арбалета прямо в грудь.

— Убивайте всех! — шум перекрыл высокий голос рассветного брата, который сопровождал солдат. Факел в его поднятой руке чадил, и в небо поднимался шлейф черного дыма. — Не оставляйте в живых никого! Все они — вероотступники и предатели! Не щадите...

Леу шагнула вперед, и Мартин потянулся слишком поздно, чтобы остановить ее. Он успел схватить полу ее плаща, но эльфийка дернула плечами плащ остался висеть в его руке.

— Что ты делаешь? — отчаянно закричал он. Что она сможет со своим кинжальчиком против мечей, арбалетов и копий?! — Куда?! Стой!

Венардийцы замешкались, некоторые даже отступили на несколько шагов.

— Глянь, глаза...

— Глаза горят, как...

— Она что, колдунья, что ли?..

А потом снова пронзительно заверещал брат ордена Рассвета:

— Небо, охрани! Это эльфака! Они спутались с эльфами! Убейте ее! Убейте...

Леу вскинула руку к ночному небу, прокричала что-то — Мартин вроде бы узнал слово «луна»-, и с высоты, с сияющего в россыпи звезд серебристого диска упал столб света. Синий свет окутал Леу, а потом она протянула другую руку в сторону венардийцев, и мерцающие лучи вырвались из кончиков ее пальцев, опрокинули и смели солдат, расшвыряли их по галерее.

Оставшиеся на ногах заорали от страха, попятились, многие повернулись было, чтобы бежать; Леу пошатнулась и упала бы, не подхвати ее Мартин.

— Леу!

— Все... все хорошо. Не бойся, я... — прошептала она и обмякла, как будто уснув.

— Леу!..

Мартин аккуратно опустил ее на землю, хотел было позвать ее раз, растормошить, но не успел. Монах в красной рясе бесновался за его спиной, кричал, что чтящим небо эльфийское колдовство не страшно, что бояться не нужно, приказывал немедленно убить ведьму и остальных отступников и предателей...

Венардийцы сначала с опаской, потом смелее и смелее стали подступать ближе, а потом один из них, здоровый, как бык, заревел и бросился к Леу. Мартин рванулся навстречу ему, закрыл эльфийку собой, и мгновение спустя удар булавы обрушился на поднятую для защиты руку, скользнул по ребрам и бросил его на плиты зала.

Ну почему она явилась в монастырь? Почему он не прогнал ее, а потащил в келью? Почему она не сбежала, пока была возможность? Оба они дураки. А теперь слишком поздно. Леу погибнет через пару мгновений, а сам он, считай, уже мертв.

Мартин с трудом перекатился на спину. Рукав рясы был мокрым от крови, рука при каждом движении отзывалась болью; он не мог даже поднять ее, чтобы защититься от нового удара. Сломана, наверное.

И как же хочется вздохнуть по-человечески, хотя бы в последний раз. Мартину отчаянно не хватало воздуха, но стоило ему попробовать сделать вдох, как изнутри в него будто вонзались раскаленные ножи. И снова кровь. Он чувствовал, как что-то горячее бежит по его груди и левому боку.

Крики, женский плач, звуки ударов, звон металла и треск огня.

Как же глупо все закончилось. И даже не смог отомстить напоследок, убить хотя бы одного из этих ублюдков. И возможность была, но он струсил. Мартин завыл бы от отчаяния, если бы мог выдавить из себя что-то громче слабого хрипа.

На фоне черного неба возник солдат-венардиец, по милости которого он и умирал сейчас, распростертый посреди зала Тысячи Звезд. Здоровый громила, сейчас казавшийся и вовсе великаном, оскалил зубы и снова поднял руку с булавой.

В глаз ему вонзилась стрела. Венардиец издал странный звук, будто всхлипнул, и повалился назад.

Воздух наполнился пением. Стрелы и дротики, как смертоносный дождь, сыпались на солдат откуда-то сверху, поражая их в лицо, в горло, пронзая кольчуги. Венардийцы растерялись, потом растерянность сменилась страхом; Мартин успел увидеть, как сначала один, потом еще один, потом сразу дюжина их побежала, бросая оружие и стараясь укрыться под сводами галереи. И, когда в глазах стало темнеть, он из последних сил приподнялся и

заметил на крышах зданий, окружающих зал, силуэты лучников в горящими синим глазами.

Золото и зелень.

Мягкий солнечный свет, пробивающийся сквозь листву.

Запах трав, тепло, тихая умиротворенность.

После смерти люди должны превращаться в звезды, но это... это тоже ничего.

Мартин попытался вздохнуть, нутро отозвалось болью и он застонал сквозь стиснутые зубы.

— Тише! Тише, не шевелись.

— Леу? — прошептал он

— Все хорошо. Постарайся не разговаривать, а то тебе хуже станет.

— Что..?

— Да тише ты! — ее ладонь сжала руку Мартина. — Все хорошо, я же говорю. Мы прогнали их. Госпожа узнала, что я взяла камень, что я ушла и долго не возвращаюсь. Она беспокоилась, что со мной что-то может случиться и уговорила Диана отправиться на поиски. По дороге она рассказала ему о тебе, и вообще, обо всем, что произошло у людей за это время. Что державы вашего... того злого короля уже нет, и что его потомок снова хотят поработить другие страны. Они шли по моим следам, вышли из-под завесы и были уже совсем рядом с монастырем, когда увидели, что я воззвала к луне.

— Лучи, — прошептал он.

— Да, да, лучи. Помнишь, я рассказывала, что когда тот злой король пытался схватить наших правителей, луна помогла им спастись. Это такая магия. Я не была уверена, что у меня выйдет, я ведь не сильная, как они. Но видишь, повезло, да и выбора особого у меня не было, ведь так?

Мартин с трудом повернул голову и улыбнулся Леу. Та нахмурилась.

— Не двигайся! Честное слово, еще раз шевельнешься, я перестану рассказывать... Остальное не помню, я ведь была без сознания, но госпожа сказала, что Диан и остальные заставили солдат бежать. Их было совсем немного, но эти... как ты говорил... венардийцы? Венардийцы решили, что из леса вышла целая армия эльфов, и разбежались. Так что теперь все будет хорошо. В Чертогах ты быстро поправишься. Наши лекари и не такие раны заживляли.

— В Чертогах..? — прошептал он.

— Ну а куда ты думаешь мы едем? — пожала плечами Леу, и Мартин только сейчас понял, что лежит в повозке, которая, мягко покачиваясь, неспешно движется через лес. Он попытался приподнять голову и оглядеться.

— Лежи смирно!

— Здесь... здесь все! Монастырские братья, и люди, которых мы спасли в Веречье, и...

— Лежи смирно, говорю! — Леу шлепнула Мартина по здоровой руке. — Ну а что было госпоже Дайну делать? Ясно же, что король не оставит вас в покое. Этот отряд разбежался, он пришлет новый. Поэтому госпожа решила укрыть вас в Чертогах Под Изумрудной Крышей.

— ИДиан согласился?

— Согласился, — подтвердил нагнавший их золотоволосый всадник. Его голос был сдержанным, даже холодным, но в нем не было брезгливого презрения, как тогда, во время их встречи в лесу. — Как я понял, в мире многое изменилось, и потомок Ройса теперь такой

же враг вам, как Золотой король был раньше мне. Нужно будет поговорить с вашим старейшиной, чтобы понять до конца, что произошло.

— Спасибо, господин, — с трудом проговорил Мартин. — Благодарю вас и госпожу Дайну.

— Тебе, — ответил Диан. — После того, как ты закрыл собой стоящую и у трона моей подруги и спас ей жизнь, дорога в Чертоги была бы открыта в любом случае. Отдыхай пока. Мы еще поговорим.

Он тронул коня и ускакал вперед.

Мартин улыбнулся и устало закрыл глаза. Золотые и зеленые узоры неспешно кружились перед его закрытыми веками, и, уже уплывая в спокойную теплую дрему он ощутил в своей руке ладонь Леу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net